

СОДЕРЖАНИЕ

4 **КООПЕРАЦИЯ ТАЛАНТОВ**
Эльсинора ГАБДУЛЛИНА
«Мне хочется, чтобы жители нашей страны стали грамотнее»

6 **МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА**
Дария ШАРАФУТДИНОВА
«Цыганский барон» покорила Тольятти

8 **НОВАЯ ВОЛНА**
Алина ИВАНОВА
Знакомьтесь, Павел Поляков

12 **ЛИЧНОСТЬ КРУПНЫМ ПЛАНOM**
Галина СЛЕСАРЕВА
Кто сказал, что понедельник тяжёлый день?

16 **ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК**
Альфия ШАМОВА
Они были первыми

22 **ПОЭЗИЯ**
Сергей БРЕЛЬ

24 **ПРОЗА**
Рустем САБИРОВ
Фортуна

34 **ПОЭЗИЯ**
Тимур АЛДОШИН

36 **ДУРА И ДОРОГИ**
Альбина ГУМЕРОВА
Старый добрый плацкарт

6

4

40 **БАЛ-ОМУТ**
Евгений МИНИН
Избранные пародии

42 **ЛИТЕРАТУРА БЕЗ ГРАНИЦ**
Рузаль МУХАМЕТШИН
Прыгун

48 **Фаниль ГИЛЯЗОВ**
Разговение

50 **ДЕБЮТ**
Ангелина ШЛЕМОВА
Медведь и канарейка

52 **ЛИТРОЦЕСС**
Илья БАЖИН

54 **ПОЭЗИЯ**
Леонид СОРОКА

76

8

56 **ПРОЗА**
Алексей АГАФОНОВ
Долгожитель

60 **ПОРТРЕТ ЭПОХИ**
Кирилл ПОНОМАРЕВ
Записки из жизни Казанского Императорского Университета

66 **Марат САФАРОВ**
Дом в Старо-Татарской слободе

70 **ЭКОГОД**
Альбина ГУМЕРОВА
Аксубай: богата белая вода!

74 **МУЗПРОСВЕТ**
Фарид ХАЙРУЛЛИН
И снова про рок

76 **КОНТРАМАРКА**
Марат ШАКИРЗЯНОВ
«От сотворения мира до сих пор любой из нас и зритель, и актер».
Беседа с Рамилем Вазиевым

Альбина Абсаямова

МАМИНЫМ РОДИТЕЛЯМ

Каникулы. Список на лето –
«Каренина», «Бежин луг».
Отчетливо помнится это
И бабушкин-дедушкин юг.

Сосед дядя Миша, который
У турок бывал в плену.
Орех за зеленым забором,
Шашлык как приправа к вину.

Розарий у окон беседки,
Большой невысокий чердак.
Был вечер без праздника редким,
Был праздником каждый пустяк.

Гостей собиралось немало,
Заздравные песни текли.
И море в ракушке звучало
И знало все тайны земли.

Душистые грозди молдовы,
Черешня размером с кулак...
И каждое теплое слово
Забыть невозможно никак.

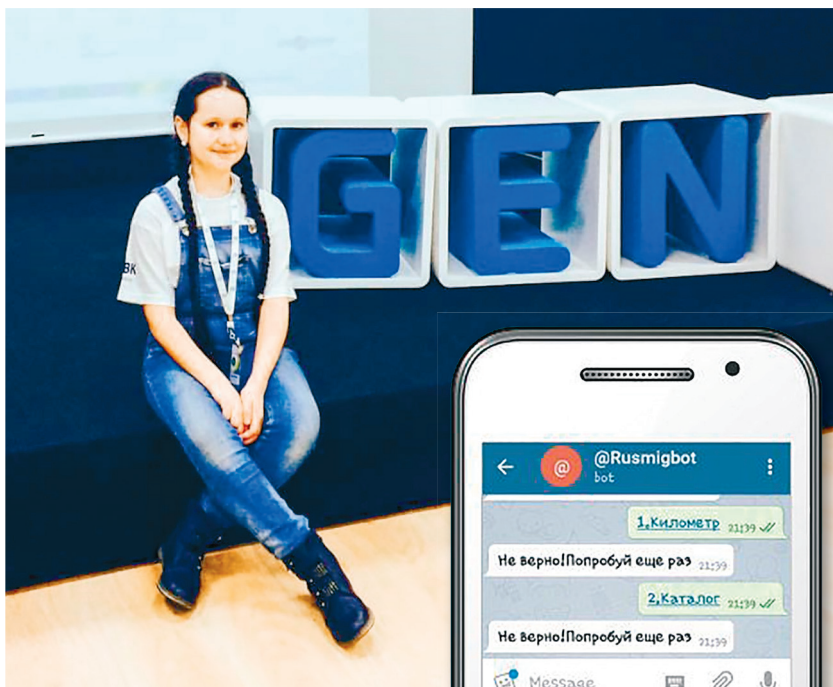

Рисунок из открытых источников

- > **КООПЕРАЦИЯ ТАЛАНТОВ**
- > **МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА**
- > **НОВАЯ ВОЛНА**
- > **ЛИЧНОСТЬ КРУПНЫМ ПЛАНОМ**
- > **ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК**

► Эльсинора Габдуллина,
Медиа Лаборатория Университета Талантов

В начале июня команда школьников из Альметьевска – победитель проекта «Дай5» – приняла участие в конференции Startup Village в Сколково. Один из членов команды – участница Летней молодежной школы «Открытие талантов» 2016 Университета Талантов, ученица 5 класса альметьевского лицея №2 Эвелина Мазитова. Мы поговорили с ней о площадке конференции Junior program и ее проекте Rusmig, посвященном русскому языку.

«МНЕ ХОЧЕТСЯ, ЧТОБЫ ЖИТЕЛИ НАШЕЙ СТРАНЫ СТАЛИ ГРАМОТНЕЕ»

Пятиклассница из Альметьевска презентовала в Сколково онлайн-проект о русском языке

РУССКИЙ ЯЗЫК – МОЙ ЛЮБИМЫЙ ПРЕДМЕТ В ШКОЛЕ. Я часто участвую в олимпиадах и научно-практических конференциях по русскому языку: мне хочется, чтобы жители нашей страны стали грамотнее.

ПРОЕКТ RUSMIG – ЭТО САЙТ И TELEGRAM-БОТ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА в доступной игровой форме для детей 7-14 лет и школьников, которые готовятся к государственным экзаменам, ОГЭ и ЕГЭ. Telegram-бот и сайт позволяют проверить уровень знаний по различным разделам русского языка в режиме теста.

МОЙ НАСТАВНИК В ОБЛАСТИ РАЗРАБОТКИ КЕЙСОВ И ЗАДАНИЙ ДЛЯ САЙТА – МОЯ МАМА, УЧИТЕЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ОЛЕСЯ МАЗИТОВА. Летом 2016 года я начала работу в заочном предакселераторе Generation S 2016, и по итогам проделанной работы в марте этого года меня пригласили в Москву на очный интенсив. Там моим проектом и заинтересовался эксперт Российской венчурной компании, бизнес-тренер

из Москвы Феликс Артеменко. Он стал моим ментором, и мы начали онлайн-сотрудничество. Он помог мне готовиться к Startup Village – 2017.

НА РЕГИОНАЛЬНОМ ЭТАПЕ OPEN INNOVATION STARTUP TOUR МОЙ ПРОЕКТ ОТОБРАЛИ ДЛЯ УЧАСТИЯ В STARTUP VILLAGE. Rusmig стал одним из лучших стартапов, и меня наградили кубком. По итогам конференции мне предложили участвовать в международной программе по развитию стартапов, которая будет запущена осенью в Москве. На Startup Village я выступала в финале предакселератора Generation S, где получила приз зрительских симпатий и предложение о сотрудничестве от CEO Фонда содействия инновациям InnMind.com Нелли Орловой. Ей понравился проект Rusmig, а еще Нелли поразила мой юный возраст. После запуска программы по развитию стартапов мне сообщают о дальнейшем сотрудничестве.

НА STARTUP VILLAGE я познакомилась с успешными предпринимателями из разных стран. Перед нами выступали бизнесмены, работающие в области IT, биомедицинских и промышленных технологий. Больше всего мне запомнился предприниматель из Сан-Франциско – Артем Голдман (CEO Visabot и Legal Space). Он рассказал, как методом проб и ошибок пришел к успеху и довел свой стартап до запуска в Америке.

Я БУДУ ПРОДОЛЖАТЬ РАБОТУ НАД СВОИМ ПРОЕКТОМ. Планирую развивать сайт, найти квалифицированного программиста, разработать мобильное приложение и сотрудничать с Фондом содействия

инновациям InnMind.com – он связывает инвесторов, экспертов и лидеров индустрии со стартапами из СНГ и Восточной Европы. У меня много разных идей, но технически я не могу реализовать их самостоятельно. Мобильное приложение будет продолжением сайта, и мы постараемся воплотить его в жизнь. ▀

Дария Шарафутдинова

«ЦЫГАНСКИЙ БАРОН» ПОКОРИЛ ТОЛЬЯТТИ

Свежесть вечерней прохлады, широкие волжские просторы с возвышающимися вдали красотами Жигулевских гор и прекрасная музыка – традиционная атмосфера фестиваля «Тремоло» (бывшее название – «Классика над Волгой»). Концерты и спектакли проходят на сценической площадке, расположенной на берегу реки, и радуют разнообразной программой жителей Тольятти уже не первый год.

Нынешним летом прошел юбилейный, десятый по счету фестиваль. Ярким праздничным его открытием стала оперетта Иоганна Штрауса «Цыганский барон», которую представили солисты Оперной студии и Симфонический оркестр Казанской государственной консерватории совместно с Хором вокалистов Казанского музыкального колледжа им. Аухадеева. За дирижерским пультом стоял художественный руководитель Большого симфонического оркестра Театра оперы и балета Санкт-Петербургской консерватории, главный дирижер Камерного оркестра Новосибирской филармонии Алим Шахмамеев.

За время существования фестиваля на его сцене выступали лучшие артисты и коллективы России и зарубежья, однако творческие коллективы Казанской консерватории стали одними из самых частых и ожидаемых гостей фестиваля. Студенты приняли участие в мероприятиях уже в пятый раз, что говорит о высоком профессиональном уровне молодых исполнителей. Музыканты привозили в Тольятти оперу «Ромео и Джульетта» Ш. Гуно, оперетту «Сильва» И. Кальмана, мюзикл «Моя прекрасная леди» Ф. Лоу. С отдельными программами выступал и симфонический оркестр.

«Я считаю, что это настоящая серьезная площадка для молодежи Казанской консерватории, где очень показательно достойно выступить, – поделился мнением организатор фестиваля Алексей Возилов. – Повторное приглашение творческих коллективов является подтверждением их высокого профессионального уровня. Немногие удостоиваются чести стоять на сцене даже второй раз, а уж тем более пятый!». Алексей Возилов присутствовал на премьере «Цыганского барона» в Казани, которая состоялась в марте в Государственном Большом концертном зале им. С. Сайдашева, после чего

музыканты получили приглашение на фестиваль в Тольятти.

Пришедшая на открытие «Тремоло» публика привлекала своей многоликостью. Это были люди разных возрастов и профессий: школьники, студенты, пенсионеры, обычные рабочие и бизнесмены. Но всех их в этот вечер объединило одно – любовь к оперетте. Кто-то заранее приобрел места за столиками, чтобы провести вечер в кругу своей семьи, кто-то – места в партере, поближе к сцене.

И вот уже все на местах в ожидании представления. Звонки, как в концертном зале или оперном театре, здесь не звучали: их заменил гласный призыв трубы. Перед спектаклем вступительную речь произнесла театральная критик, руководитель кабинета музыкальных театров Союза театральных деятелей России Ольга Кораблина. Она отметила, что «Цыганского барона» трудно причислить к простой опереточной музыке. Несмотря на кажущуюся легкость и воздушность запоминающихся мелодий Штрауса, вокальные партии здесь не так уж просты. Кроме того, по ее словам, эта оперетта довольно редко звучала в России. Постановке все время что-то препятствовало: то не было подходящих исполнителей, то не находились постановщики. Но, благодаря крепкому тандему московского режиссера-постановщика Ирины Плотниковой, петербургского дирижера Алима Шахмамеева и творческих коллективов Казанской консерватории и Казанского музыкального колледжа, трудную задачу постановки удалось успешно разрешить. И не просто разрешить, а превратить представление в живой, яркий, наполненный прекрасной музыкой вечер. Праздничному настроению способствовала не только атмосфера фестиваля, но и

двойной юбилей: десятое по счету проведение фестиваля и пятидесятая постановка в истории Оперной студии Казанской консерватории.

И вот в оркестре зазвучали первые аккорды увертюры. Коллектив расположился совсем рядом со зрителями – прямо перед первыми рядами партера, на расстоянии вытянутой руки. Такое расположение музыкантов способствовало большему контакту со зрителями. Дирижер Алим Шахмамеев чутко следил за взаимодействием певцов и оркестра.

В оперетте чередовались задор, комизм, непосредственность, трогательная лирика и величественный драматизм. Наибольшее впечатление на слушателей произвели живость, искренность и артистизм молодых певцов, которых надежно поддерживал оркестр – неотъемлемый участник всех развивающихся на сцене событий.

Уже с первых минут спектакля зрителей заставил улыбнуться свиноторговец Зупан (Дмитрий Босов), заботящийся только лишь о своем положении в обществе и богатстве. Что ему до любви его дочери Арсены (Айсылу Сальманова) к какому-то простому служащему Оттокару (Евгений Шорников), когда есть возможность породниться с самим судьей Карнеро (Иван Балашов)? Гротескное пресмыкание перед знатью сделало Зупана и комиссара нравственности друзьями не разлей вода и не раз повеселило публику. Любовный союз Арсены и Оттокара, полных юной наивности, робости и в то же время сильного чувства, был подобен прекрасному распускающемуся цветку. Легкостью и простодушием отличалась еще одна пара – Стефан, адъютант Баринка (Артем Высотин), и его возлюбленная – домоуправительница Зупана Мирабелла (Татьяна Кожинова).

По праву самыми яркими образами стали мужественный и отважный барон Шандор Баринка (Айтуган Вальмухаметов) и беззаветно любящая Саффи (Яна Флакман). С особой пронзительностью прозвучал их дуэт с хором. Чарующую загадочность внесла в атмосферу вечера цыганка Чипра (Алсу Галимова), а граф Омонай (Кирилл Логинов) произвел глубокое впечатление на зрителей не только своим густым баритоном, но и внушительным ростом, возвышаясь над всеми остальными фигурами на сцене.

Отдельно стоит отметить хор вокалистов Казанского музыкального колледжа. Эти совсем еще молодые музыканты покорили сердца слушателей. В кульминационных моментах оперетты коллектив стал убедительной составляющей музыкального действия.

Погода выдалась довольно прохладной, однако артисты выступали в легких костюмах. «Поначалу было холодно, но постепенно уют атмосферы и тепло публики согрели нас!» – призналась одна из исполнительниц.

Пришедшие на оперетту не остались равнодушными. Еще долго раздавались аплодисменты и возгласы «браво». «Мы в большом восторге и очень хотим, чтобы вы приехали к нам еще!» – восклицали после спектакля довольные зрители.

Оперетта «Цыганский барон», блистательно исполненная весной этого года в Казани, покорила и жителей Тольятти. Совершенно точно можно сказать, что выступление музыкантов из Казани стало одним из главных украшений проекта и его достойным открытием. Впереди – работа над новыми постановками и подготовка к 25-летию юбилею оперной студии. Хочется верить, что творческое общение двух городов обязательно будет продолжено и новые постановки еще не раз порадают публику на волжских берегах. ■

► Алина Иванова

Знакомьтесь, ПАВЕЛ ПОЛЯКОВ

20 мая текущего года Центр современной драматургии и режиссуры «Центр. Первый» запустил II региональный конкурс пьес PRO/ДВИЖЕНИЕ. Работы будут приниматься до 20 августа, а в сентябре запланированы читки в творческой лаборатории «Угол». Журнал «Идель» уже знакомил читателей с деятельностью «Центра. Первого». Одним из открытий Центра стал актёр независимого творческого объединения «Пакет-театр» и начинающий драматург Павел Поляков.

– **Расскажите, откуда Вы родом.**

– Я родился 16 марта 1984 года в поселке Алонка Хабаровского края. Мой отец – Андрей Аврамович – с Украины. Его детство выпало на тяжелые годы Великой Отечественной войны. Освоить пришлось много профессий, первая из них – каменщик. Маму зовут Раиса Павловна. Родилась она в Татарстане, а училась в столице Молдавии – Кишиневе. Работала экономистом и бухгалтером. Будучи юными и полными энтузиазма, мои родители, как и многие молодые люди того времени, отправились на всесоюзную ударную комсомольскую стройку Байкало-Амурской железной дороги. Там, на Дальнем Востоке, они и

познакомились. Семья переехала в Центральную Россию, когда мне исполнилось четыре года.

– **Мечту стать актёром Вы лелеяли с раннего детства?**

– Честно говоря, нет. Были определенные амбиции реализоваться в строительном бизнесе. Мне думалось: поскольку родители – строители, то и я должен быть успешен в этой же сфере. Прибавил свою страсть и определенные умения к рисованию, и получилась яркая картинка – я архитектор. Хочу, и баста! Хотя даже не представлял, в чем заключается суть выбранной профессии. Поумерил свой пыл и отказался от этой идеи фикс, только когда стал подавать документы

в местные ВУЗы. Выяснилось, что надо сдавать много сложных экзаменов.

– Родители были «за» или «против» сцены?

– На самом деле, то, чем я сейчас занимаюсь, для них стало полной неожиданностью. Хотя стоит отдать им должное: мне в детстве разрешалось посещать множество самых разнообразных кружков. В то время это было не то чтобы модой, а нормой. Ходил на плавание, участвовал на занятиях по танцу, пробовал себя в спортивных секциях, реализовывался в кружках художественной самодеятельности. Были спектакли, капустники... Способности, может, и проявлялись, но о подобном профессиональном продолжении детских увлечений ни я, ни родители не задумывались.

– И какое в итоге все-таки у Вас образование?

– По специальности я инженер-технолог, инженер-конструктор электронно-вычислительных аппаратов. Окончил в 2007 году Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева, бывший Казанский авиационный институт. Сегодня работаю в Татарском академическом государственном театре оперы и балеты им. М.Джалиля инженером электроники.

– Когда судьба направила Вас на актёрскую стезю?

– Думаю, это случилось в 2009 году. Была некая актёрская студия в Казани, которая проводила актёрские тренинги, тренинги по речи, по сценическому движению. Честно говоря, я просто гулял по

городу. Шёл-шёл, заглянул (а почему бы нет?) и остался. Многие так делают.

– Вспомните свой актёрский дебют. Какие впечатления остались о первом выходе на сцену?

– Первый выход случился в Молодёжном театре «На Булаке» в мае 2010 года. В рамках I режиссёрской лаборатории, которая сейчас называется «Ремесло», а тогда – «Выход-68». Постановку делал местный начинающий режиссёр Евгений Мардер. Он и пригласил на роль старшего брата в спектакле «Сиротливый запад» по Мартину Макдонаху. Сборы и репетиции казались мне безумно интересными. Работа с коллегами была в радость. Особо не волновался, знал, что выйдем и сделаем то, что надо.

– Где Вы сейчас реализовываетесь как актер?

– Есть такое независимое творческое объединение «Пакет-театр». Оно образовалось хаотично и спонтанно. Началось все в мае прошлого года со спектакля «Минус 30» режиссёра Регины Саттаровой. Мы собрались, соединили наши желания и возможности. Дальше, как говорится, больше. Начали сотрудничать с творческой лабораторией «Угол» и его ответвлениями «Город. АРТ-подготовка», «Свияжск АРТель». В «Углу» сейчас играю в детском спектакле «Дети и эти», который придумал режиссёр Родион Букаев по рассказам Григория Остера «Вредные советы». Вышла забавная история! Фрагмент спектакля случайно попал в интернет, его увидел сам Григорий Остер – автор знаменитых книг «38 попугаев», «Котёнок по имени Гав» и сценарист одноименных мультфильмов. По приезде в Казань, он посмотрел нашу постановку по своему произведению, хохотал. Это было сродни какой-то фантазии! Еще принимаю участие

в проекте Семёна Серзина «Свидетели. Документальный спектакль». Специфика работы заключается в том, что артисты – сопровождение спектакля, а зрители – непосредственные участники. Его показывали в подземных галереях на улице Баумана, а в апреле перенесли в творческую лабораторию «Угол». Вообще «Угол» – это площадка, где экспериментируют, что приятно удивляет зрителя. Ведь это театр не в классическом его понимании.

– Расскажите о дебюте в качестве драматурга?

– Центр современной драматургии и режиссуры «Центр. Первый» – это важная веха в моей жизни. В 2015 году была конкурсная программа пьес, в которой решил принять участие. Это и можно считать моим дебютом. А через год в апреле был недельный интенсив, результатом которого стали авторские пьесы, которые мы, его участники, должны были приготовить уже к сентябрю. Азы драматургии давали кураторы Юрий Клавдиев, Люба

Стрижак, Нияз Игламов. Это и были мои первые шаги в драматургии. Затем в июне 2016 года совместно с режиссёром Региной Саттаровой создали спектакль «В розовом» для театрального фестиваля «Город. АРТ-подготовка». Спектакль привязан к конкретной локации и может быть разыгран только в этом месте. Для этого выбрали Лядской садик. Здесь нас увидел Олег Семенович Лоевский и пригласил в Свияжск на лабораторию-резиденцию «Свияжск АРТель», где мы сделали эскиз «Свияжское время». В сентябре была целая череда читок эскизов, написанных нами, новичками. Это был такой сумасшедший штурм в «Центре. Первом». А в ноябре была творческая лаборатория KZN/story с драматургом Михаилом Дурненковым, где собирались новые легенды города, обсуждались и делались зарисовки. Итогом стал спектакль-альманах «Казань. Новые легенды о старом городе».

– А как режиссер Вы практикуете?

– Как режиссер я не работаю. Единственное – нынче в апреле мы с Булатом Минкиным делали читку «Возлюбить ближнего?» на всероссийском конкурсе новой драматургии «Ремарка». Официальная программа была в Казанском академическом русском Большом драматическом театре им В.И. Качалова, а неофициальная – в «Углу». Не могу назвать это режиссёрской работой. Мы несли миссию кураторов читки. Нам дали материал, мы его разобрали. Затем собрали команду артистов, которыми не руководили, а направляли их.

– Что Вам нравится больше – играть роль или писать произведение?

– Мне кажется, это несопоставимые вещи, потому что они друга исключают. Выход на сцену – это адреналин, кураж. Это непередаваемое чувство перебить невозможно. Для меня взаимодействие с публикой, с партнёрами – великое удовольствие. А в драматургии всё по-другому. К примеру, ты можешь условно ничего не делать, сидеть дома, и вдруг приходит мысль, и ты ее записываешь. То есть не готовишься к этому целенаправленно

целую неделю, чтобы сесть и написать. Актерское же мастерство оттачивается тренингами, репетициями. Нравится и то, и другое. Но когда актер уходит в режиссуру, она для него становится чем-то более важным. В независимом творческом объединении «Пакет-театр» есть понятие «мульти-таскер». Это человек, выполняющий несколько задач. И очень хорошо, когда удастся совмещать несколько дел, причём с пользой для той или иной профессии. Например, перед тем как написать определенные вещи, всегда задумываюсь о том, как бы я это сыграл. Может быть, это неправильно, но, тем не менее, это влияет на процесс написания произведения.

– Это сейчас единственное, чем Вы занимаетесь?

– Собираю ли марки, значки? (смеется) Нет, таких увлечений нет. И на рыбалку не хожу. Всё, что произошло со мной буквально за последний год, погрузило меня с головой. Это пока меня очень занимает.

– Что можете сказать о состоянии казанского современного театра?

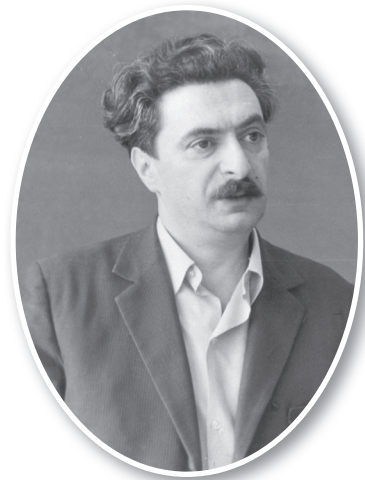
– Все театры, как мне кажется, занимают свою нишу, идут своей дорогой и нигде не соприкасаются. Поэтому в Казани нет конкуренции. К примеру, сколько у нас театров? Театр оперы и балета им. М. Джалиля, Театр драмы и комедии им. К. Тинчурина, Казанский ТЮЗ, Театр им. В.И. Качалова, Театр им. Г. Камала, Театр кукол «Экият». Сейчас появилась творческая лаборатория «Угол», которая пробует создавать что-то новое. Также у нас есть камерные театры «SDVIG» и «ТЕАТР.АКТ». Ведь у каждого театра своя публика. «Мы будем ходить туда, потому что нам здесь нравится». Поэтому в нашей сфере чем больше, тем лучше. Но пока недостаточно таких площадок, где бы люди встряхнулись. ■

► Галина Слесарева

КТО СКАЗАЛ, ЧТО ПОНЕДЕЛЬНИК ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ?

Понедельник 15 февраля останется для меня светлым, потому что именно в этот день мне позвонила моя названная сестра Елена Письманник и сказала, что хорошо бы написать несколько страниц воспоминаний о ее родном отце и моем духовном наставнике (очень пафосно, но именно так!) – Аркадии Моисеевиче Письманнике.

Кандидат филологических наук, доцент. Считает себя коренной жительницей Казани (живет здесь с 5-дневного возраста). Воспитывалась в семье юриста и инженера-авиаконструктора. Закончив школу с золотой медалью, поступила в КГУ на историко-филологический факультет, мечтала стать журналистом, писателем, критиком, но стала учителем. По распределению поехала работать в сельскую школу, а вернувшись в Казань, начала работать в КГУ, окончила аспирантуру, защитилась, учила студентов, занималась наукой, руководила экспедициями... Обожает книги, дочь, друзей, кошек и собак.

Вообще-то я о нем всегда помнила и помню – и когда в класс входила, став учителем, и когда в студенческую аудиторию, чтобы поделиться тем, что знаю, и когда открываю новую книгу, и когда думаю о том, как мы существуем...

Последний день августа 1960 года. Идем с подругой-одноклассницей в школу на «Пробный день». Теперь мы будем учиться в 5 классе и у нас будут новые предметы и разные учителя. Как все ново и интересно!

В школьном дворе тесно от собравшихся, находим свой 5 «Г», а рядом собрались «бэшники» (5 «Б»). А кто это с ними? На учителя совсем не похож, таких в нашей школе №3 не было. Очень выразительные огромные черные глаза, немного грустные, но лучатся каким-то неуловимым светом,

*В редакции многотиражки «Теплоконтроля»
(А. Колодин, А. Письманник, В. Рошектаев).*

теплотой. Говорит что-то собравшимся вокруг детям и их родителям и улыбается очень по-доброму. Вот повезло – такой классный руководитель, нам бы такого...

Ждем начала урока. Уже знаем, что Русский язык и Литературу у нас будет вести этот самый новый в нашей школе учитель. Когда он вошел в класс своей неспешной походкой, положил на стол журнал и свою элегантную папку, поздоровался, мы замерли, да до самого звонка так и сидели притихшие: перед нами был человек совершенно особенный, и мы, пятиклассники, это поняли сразу и все. Удивляло в нем все: и приятный голос, и манера общения на уроке с нами. Теперь я это могу объяснить: он видел в каждом человека с чувством собственного достоинства и никогда на него не покушался, а сам всегда оставался естественным и последовательным, не отступая от своих принципов и убеждений в угоду кому бы то ни было.

Уроки русского языка не «проходили» – пролетали. Все было интересно, потому что понятно, и не только отличникам. Никому не было скучно искать подлежащее и сказуемое, ставить запятые, размышлять, как написать слово, как

проспрягать глагол. А при этом мы еще и смеялись: Аркадий Моисеевич обладал необыкновенным чувством юмора, умел так пошутить, что все покатывались от смеха, но никто не чувствовал себя обиженным.

А вот первый урок по предмету «Литературное чтение» (ведь это 5 класс) запомнили многие, а я особенно, потому что в тот день и час сделала свой выбор – стану обязательно таким же учителем, как Он. А было это так...

Аркадий Моисеевич вошел в класс, сел за свой стол и спокойным, будничным голосом сообщил, что почитает нам сейчас одну книжку. Открыв томик, начал читать, а читал он необыкновенно, и выразительно, и просто – не каждый профессиональный артист так сможет. Не слушать его было невозможно!

Было достаточно, что мы учились у Аркадия Моисеевича когда-то. Мы стали друзьями на всю жизнь. Это была незабываемая поездка. Аркадий Моисеевич подарил нам не только Питер со всеми его главными музеями и даже Мариинским театром, но и настоящих друзей.

На том уроке мы узнали о парижском мусорщике Жане Шамете, который собирал ювелирную пыль, убирая мастерские, просеивал ее, чтобы собрать только золотые крупинки, сделать золотой слиток и выковать золотую розу на счастье несчастной Сузи – той девочки, которую когда-то поручил ему доставить из Африки во Францию его командир. Вы узнали? Да, это К. Паустовский, «Золотая роза». Я думаю, Аркадий Моисеевич серьезно отклонялся от школьной программы, но зато мы узнали столько замечательных писателей. Прочитает он нам на уроке, например, главу из «Кондуита и Швамбрании» или из «Педагогической поэмы» – и мы находим книгу и читаем ее всю. Никто не принуждает, просто самим интересно. Читаешь и слышишь голос Учителя, его интонации – книга оживает, герои становятся близкими и понятными.

Кстати, когда я сама работала в школе, то на первом уроке Литературы в каждом новом классе читала детям «Золотую розу». Впечатляло и сближало...

Итак, в 5 и 6 классах я была счастлива, что у меня такой Учитель. Но, как известно, счастье не бывает долгим. Придя в 7 кл., мы узнали, что Аркадий Моисеевич перешел работать в другую школу. Плакали все классы, где он работал. Казалось, что мир рухнул в прямом

смысле. Что делать? Мы с подругой из класса, где он был не только учителем, но классным руководителем, отправились в эту самую 131 школу. Встреча была грустной, но обнадеживающей: наш дорогой Учитель сказал, что через два года мы тоже придем учиться в эту школу (наша была восьмилеткой), обязательно будем видаться, а пока пригласил прямо к себе домой, чтобы пообщаться и за книгами.

Этим приглашением, выдержав паузу, мы и воспользовались. Именно общение, разрешение многих вопросов и проблем нашего «трудного» возраста, чтение книг по совету Учителя – все это было так необходимо. Мы делились самым сокровенным, даже дома с родителями не всегда это было возможно. Вот с этого момента, наверное, и началась новая история, сухо говоря, формирование будущей меня.

Звоним в дверь. Выходит наш Аркадий Моисеевич, одет по-домашнему, радушно встречает нас как дорогих и желанных гостей. Так было всегда. А ведь мы были не единственными жаждающими. Часто на лестнице или в дверях квартиры сталкивались с очень и не очень знакомыми лицами. Хорошо помню, как встретила Володю Рощектаева. Он уже писал стихи и, конечно, приходил к Учителю, чтобы посоветоваться, поделиться.

...Итак, мы входим – коммуналка. Жизненное пространство – комната метров 20, где уместился письменный стол, обеденный, два диванчика, а вдоль одной стены огромные шкафы с книгами – настоящее богатство. Пройти можно только боком. Теснота... Как тут размещалась семья: жена, дочка, сам Аркадий Моисеевич. А бывало, приходилось уплотняться, так как появлялся рыжий кот, конечно,

Мы снова в своем классе.

любимый Тихон или чудесная собачка Чарли. Сейчас пишу и думаю, а ведь на эти метры в день рождения Учителя мы заваливались человек по 10-15, сидели даже... на спинке дивана. И всем было так хорошо, кто-то брал гитару, кто-то рассказывал анекдот, и все ждали, когда Аркадий Моисеевич прочитает что-то свое – стихи, юморески...

Восьмой класс, канун Нового года. При встрече Аркадий Моисеевич нам с Ольгой говорит, что собирается на зимние каникулы свозить свой 10 «Г» в Ленинград и может нас взять с собой. Соглашаемся без колебаний, родители не возражают. Уже в поезде мы не чувствовали себя чужими, хотя нас вполне сложившийся коллектив видел впервые. Было достаточно, что мы учились у Аркадия Моисеевича когда-то. Мы стали друзьями на всю жизнь. Это была незабываемая поездка. Аркадий Моисеевич подарил нам не только Питер со всеми его главными музеями и даже Мариинским театром, но и настоящих друзей.

Наконец я в 131 школе. Учитель и друзья рядом. Теперь я могу иногда пойти на урок настоящей

Литературы в 10 «Г» и услышать, как Аркадий Моисеевич доносит до своих умных учеников, одержимых любовью к математике, но очень любящих самовыражаться везде и всегда, классические шедевры так, чтобы они не казались скучными гостями из далекого прошлого. Мне повезло: я стала свидетелем, как Учитель знакомил сначала с автором, избегая примитивного изложения фактов биографии, погружал в атмосферу того времени, соотносил с историческими событиями и настроением в обществе, что и формировало мировоззрение поэта или писателя и воплощалось в героях произведений. Таких слов, как «образ», «идея» др. подобных, Учитель никогда не произносил. В результате Чацкий и Онегин, Печорин и Базаров, Катерина и Раскольников становились живыми, теплыми и понятными и сохранялись в памяти навсегда, а их жизненный опыт уже подсознательно использовался в течение жизни теми, кому повезло, как и мне.

Школа позади, я студентка филфака КГУ. Аркадий Моисеевич еще работает в школе. Ученики по-прежнему хвастаются, что учатся у Письманника. Наша дружба не прерывается, я даже чувствую себя членом семьи. Аркадий Моисеевич в шутку, а может, и серьезно называет меня старшей дочкой, а Лена – своей старшей сестрой. Теперь я часто оказываюсь и среди пришедших в гости родственников, друзей, знакомых. Люди в этом доме бывают удивительные. Душа компании всегда, конечно, Аркадий Моисеевич. Сколько интересных историй из жизни, остроумных шуток, воспоминаний об армии, иногда... стихи. Ведь писал с юности, но больше читал других. Благодаря ему мы узнали М. Светлова, А. Галича,

В. Высоцкого, Б. Окуджаву – всех не перечислить.

А однажды среди гостей я увидела Олега Лундстрема – легендарного композитора и дирижера джазового оркестра (афишами был обклеен весь город!). Как? Откуда? И Аркадий Моисеевич рассказал, что они знакомы с момента возвращения Олега Лундстрема из Шанхая. Для созданного им джазового оркестра нужны были и тексты песен, и репризы, и концерты. И Аркадий Моисеевич все это писал. Когда оркестр Лундстрема пригласили на прослушивание в Москву, в чем очень помог А. Ключарев, обеспечив музыкальное содержание и использовав свой авторитет, нужен был сценарий, и Аркадий Моисеевич написал все нужные тексты. Результат истории известен: оркестр Олега Лундстрема отбыл в Москву, получил широкую известность. Бывая в Казани, Олег Леонидович всегда встречался с Адиком, как близкие часто называли Аркадия Моисеевича. Эти два талантливых, удивительных по-своему человека умели дружить.

ПРОЩАНИЕ

Да, Он был в преклонном возрасте, и болезни донимали. Все равно очень тяжело... Я смотрела, сколько и каких людей пришло его проводить. Многие знакомы. Понимаешь, что это те, кто у него когда-то учился, или работал, или дружил, кому он помог найти или не потерять себя, кого он внутренне обогатил, просто сказал доброе слово, умно и вовремя пошутил.

P.S.

Оглядываясь на прошлое, не перестаю удивляться, как почти 19 лет Аркадий Моисеевич проработал-продержался в школе, которая

в те годы, хотя и сейчас не меньше, отличалась консервативностью, идеологическим прессингом. А ведь Учитель наш был таким внутренне свободным, смел иметь собственное суждение, так часто не совпадающее с официальным, хотя Он его никому не навязывал. Ведь не могли этого не замечать те, кому положено бдеть...

Расставание со школой неумолимо приближалось, и 1 сентября 1973 г. Аркадий Моисеевич в школу не пришел. Он стал сотрудником небольшой газеты на «Теплоконтроле». Однако от своих учеников уйти не получилось, да Он и не собирался...

Часто спрашиваю у своих студентов в неформальной, как это теперь принято именовать, обстановке, кого из своих школьных учителей они помнят. Редко кто назовет хоть одно имя, признаются, что все смешалось в памяти. Но если случится и назовут такого учителя, то замечаешь, что этот человек отличается от других. Наверное, он несет в себе частицу отданной ему тем Учителем души.

Нам повезло – мы встретили Учителя, а Он раздавал щедро свою душу тем, кто способен был принять и всю жизнь благодарить судьбу за такой подарок. ■

Встреча «гешников» (10 «Г» кл.) спустя 30 лет.

► Альфия Шамова

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Семьдесят пять лет назад на Северо-Западном фронте Великой Отечественной войны начала издаваться первая фронтовая газета на татарском языке.

Пройдут годы, историки будут с волнением перелистывать пожелтевшие страницы фронтовых газет и, прочитав даже маленькие заметки, скажут с большой благодарностью о военных писателях и журналистах:

– Какому святому и великому делу посвятили они себя!
Афзал Шамов

Фото из архива автора

Много лет назад, перебирая архив моего отца – татарского писателя Афзала Шамова, я наткнулась на «Информационный сборник союза журналистов СССР» за 1989 год, в котором прочитала эту цитату. Она тронула меня до глубины души, поэтому я решила по материалам татарских фронтовых газет написать книгу под названием «Ут эчендә туган матбугат» («Печать, рождённая в огне»).

С первых дней Великой Отечественной войны на всех фронтах ежедневно стали выходить газеты на русском языке. Всё хозяйство красноармейской газеты Северо-Западного фронта «За Родину» состояло из железнодорожного эшелона, надёжно замаскированного хвоей. Объект по-военному называли «Сосной». Каждый вагон был отдельный цех: наборный, стереотипный, печатный, линотип, цинкография, ротация, электростанция, радиостанция. Радисты из эфира ловили Приказы Верховного Главнокомандующего, Указы Президиума Верховного Совета СССР, Постановления ЦК ВКП(б) и Советского правительства, оперативные сводки Совинформбюро, выступления руководителей страны для предстоящего номера газеты.

Ответственным редактором газеты «За Родину» был полковник Н. Кружков.

10 июля 1942 года вышла в свет первая татарская фронтовая газета «Ватан өчен». Заместителем ответственного редактора был назначен старший политрук Гани Гильманов – опытный военный журналист, до войны многие годы работавший в Казани в татарской газете «Красноармеец», военным корреспондентом-организатором – журналист Абдулла Ахмадеев, литературным сотрудником-переводчиком – писатель Хатиб Усман, корректором – Нафик Ягудин.

Редакция фронтовой газеты прошла славный путь: Старая Русса – Валдай – Рыбинск – Брянск – Киев – Житомир. Адрес редакции: сначала полевая почта 557, часть 652, затем полевая почта – 18 715-А.

Хатиб Усманов вспоминал о тех днях: «Каждое купе эшелона – отдельная редакция. Здесь мы работали и жили, выпускали газету на русском, татарском, латышском, литовском, узбекском, казахском языках. Мы, военные журналисты разных национальностей – «правдист» Борис Изаков, поэты Михаил Светлов, Сергей Михалков, Михаил Матусовский, Валдис Лукс, Жубан Молдагалиев, Сагынгали Сеитов, писатели Юрий Корольков, Константин Горбунов – жили единой семьёй, работали по-братски... Журналист, офицер он или солдат, получив важное задание,

приладив пистолет, с вещмешком за плечами, быстро отправлялся на передний край. Идя на передовую, он сначала попадал под налёт фашистских самолётов: они летели как стая стервятников, нападая на эшелоны, автоколонны, постоянно бомбя; неожиданно то там, то здесь взрывались машины, кто-то кричал благим матом, однако их крик заглушался взрывами бомб, шумом моторов. Стиснув зубы, стонала земля. Фашистские самолёты, сбросив все бомбы, начинали пулемётный обстрел дороги... После этого журналист оказывался под артиллерийским, миномётным огнём, лишь пройдя их, попадал в траншеи переднего края... Вот так мы добывали нужный живой материал для газеты. Заметки, очерки, статьи писали в траншеях или в углу блиндажа на планшетах, примостившись на корточках».

На первой странице первого номера татарской газеты вышли следующие материалы: передовица – «Непобедимая дружба», сводка Советского Информбюро за 8 июля, «Последние известия с фронта», заметка красноармейца А.Рахматуллина «Огнём и мечом», фотография «Славные сапёры подразделения лейтенанта Патронова».

На второй странице статья старшего политрука А. Исаева «Зверства

Фронтовик шагыйрь Фатих Кәрим сугышчылар белән өңгәмә уздыра.

П. Сотников фотосы.

немцев в Демянске», заметки батальонного комиссара Р.Фрейдена «Что такое Второй фронт?» (В помощь агитатору), А. Чугреева «Васюнин», Хатиба Усманова «На родном языке», фото В. Шаровского «Заместитель политрука Ф. Викулин, командуя группой в 9 человек, сражался против 30 немцев и сам уничтожил 3 немецких солдат и одного офицера».

На третьей странице под словами «Воин, учись у мастеров меткой стрельбы! Пусть каждая твоя пуля по-снайперски разит врага» помещены следующие материалы: заметки зам. политрука Ф. Зайнуллина «Мастер своего дела», красноармейца Г. Зыятдинова «Я видел, их уничтожил Гибадуллин», старшего политрука И. Рокотянского «Геройство Денисова», старшего сержанта Д. Семёнова «Помогло

умение», старшего сержанта С.Номоконова «Снайперские законы» и фотография П. Бернштейна «Красноармеец А. Кононов на открытой позиции ведёт огонь из противотанкового орудия. Этот расчёт за один день меткой стрельбой уничтожил дзот и пулемётную точку противника с командой».

На четвёртой странице стихотворение Х. Усманова «На страже», заметки И. Денисова «Отделение военторга в партизанском крае», рубрики «В стране Советов», «За рубежом», статья Б. Изакова «Первые итоги войны в Египте» и фотография П. Бернштейна «Активные участники самодеятельности сержант С. Михайлович, старший сержант С.Пустович, сержант Н. Панченко».

Во газете за 14 июля 1942 года помещены следующие материалы: передовица «Крепче бейте врага!»,

сводки Советского Информбюро, заметки «Точные залпы», «Новые достижения Номоконова», фото П. Бернштейна «Старший лейтенант Фёдор Чистяков в одном бою уничтожил более 200 фашистов».

На второй странице – статья Ильи Эренбурга «Отразим атаку!», заметки капитана А. Марченко «Несокрушимый рубеж», зам. политрука Г. Паламарчука «Передовики вступают в партию», красноармейца Х. Мухамметгалеева «За Родину, за Сталина!», младшего политрука М. Гутина «Рекомендация, полученная в бою».

На третьей странице под словами «Бейте врага как Чистяков! Он пулёмётным огнём уничтожил 200 фашистов» – репортаж старшего политрука Г. Торсова «Побеждают стойкие», заметки сержанта К. Малова «Постоянно учиться», «Смелость Ахметова», статья А. Розена «Первые удачные шаги», очерк Б. Бялика и Л. Плёскачевского «Герой-пулёмётчик».

На последней странице заметки старшего батальонного комиссара Л. Дубровицкого и интенданта 2 ранга Л. Копелёва «Стая волков», капитана А. Балицкого «У нас не будет сирот!» и новости «Из-за рубежа».

Специальным распоряжением областного комитета ВКП(б) Татарии от 13 августа 1942 года для творческой помощи фронтовой газете на Северо-Западный фронт на два месяца был командирован старший политрук Гумер Разин (довоенный псевдоним – писателя Гумера Баширова), который прибыл в редакцию 24 августа 1942 года.

На страницах газеты печатались пламенные стихи, рассказы, очерки Хатиба Усмана: «Наши герои» (1942, 24 июля), «На страже» (1942, 10 июля), «Связист Ильяс» (1942, 4 сентябрь), «Фронтовая девушка» (1942, 21 июля), «Сердце, закалённое в битвах» (1942, 8 сентябрь);

Редакция «Ватан өчен», апрель 1943 г.

соавтор Г. Разин, о разведчике Заяне Хакимове), «За каждую каплю крови» (1942, 11 сентябрь), «Сыны Гарасата» (1944, 5 апрель), «Крылатый богатырь» (1943, 16 февраль; о лётчике-истребителе Мингазе Ибатуллине) и т.д.; статьи «Людоеды» (1942, 20 ноябрь) и т.п. Его герои – отважные бойцы, самоотверженно защищающие Родину.

Гумер Разин также активно сотрудничал в газете. Здесь увидели свет его очерки и статьи: «Сегодняшний Татарстан» (1942, 28 август), «Военные дни пулемётчика», «Сердце, закалённое в битвах» (1942, 8 сентябрь; соавтор Х. Усман, о разведчике Заяне Хакимове), «Гармонист» (1942, 6 октябрь), «Так однажды...» (1942, 30 октябрь; о снайпере Шаяхметове), «Боевые дни пулемётчика» (1942, 4 сентябрь), «Комиссар Шайхулла Чанбарисов» (1942, 29 сентябрь) и другие.

«В редакцию необходим был поэт, – вспоминает Хатиб Усманов. – Я пошёл к Гильманову и рассказал о молодом поэте, рядовом миномётчике Шарафе Мударрисе, который находился в рядах действующей армии этого фронта. Не прошло и дня, как

редактор подготовил все документы, необходимые для вызова в редакцию с передовой солдата Ш. Мударриса. Поэта должен был привезти я. Вместе со мной для ознакомления с передовыми частями фронта послали и Гумера Башира».

С сентября 1942 года опытный солдат Шараф Мударрис стал внештатным поэтом редакции. Он не боялся ни огня, ни воды, работал вдохновенно...

В донесении начальника отдела пропаганды и агитации Политуправления Северо-Западного фронта начальнику ГлавПУРККА говорилось: «...Большое количество очерков, рассказов, статей о боях-татарах поместила татарская фронтовая газета «За Родину». Удачным является очерк о красноармейце Гали Мухамметгараеве, который уничтожил 58 немцев и 3 вражеских танка, о снайпере Атнагулове, о дружбе бойцов разных национальностей... Татарская газета имеет свой литературный актив. Старший лейтенант татарин Чернов, командир миномётной батареи, присылает в газету стихи. Его стихотворение «Мы из Татарии» красноречиво воспекает подвиги

сынов Татарии, которые, наряду с сыновьями других народов, отважно воюют на фронте.

Красноармеец Шараф Мударрис – талантливый писатель. Его стихи и очерки вызывают у читателей глубокие чувства любви к Родине и ненависти к врагу...»

В газете помещены рубрики «Герои фронта», «Советы фронтовикам», «Партийная жизнь», «За рубежом», «По родной стране», «В Татарстане», «Письма солдат», «Чаян на фронте».

В феврале 1943 года обком ВКП(б) командировал в редакцию писателя Мирсая Амира. На страницах газеты вышли его очерки и рассказы: «Курай», «Снайпер», «Агитатор», «Герой Коттыбай», «Скворец», «Неожиданно для врага», «Простодушный человек», юмористические заметки.

Шараф Мударрис опубликовал в газете стихотворения: «Перед атакой», «За Волгу», «Клятва», «Знакомый кустарник», «Родной народ», «Ленин, Ленин!», «Армия, вперёд!», «Стальная каска», «Гульбадар», «В землянке», «Севастополь», «Свободная Ельня!», «Смоленщина», «Парад»; фронтовые поэмы «Командир»

и «Артиллерист Вагап»; очерки: «Незабываемое происшествие», «Снайперы Атнагулова», «Лётчики», «Наша Магира», «Героические парни», «Двадцать три месяца на войне», «Молния», «Мелодия скрипки», «Слова вождя», «Парень из Альметьевска»; статьи: «Он отомстит», «Цветы Татарстана» (О советских девушках в шинелях), «Большой и славный путь», «Отчизна».

16 марта 1943 год в газете «Ватан өчен» помещена телеграмма товарища И.В. Сталина:

«Казань.

Секретарю Областного комитета ВКП(б) Татарской АССР товарищу Колыбанову

Председателю Президиума Верховного Совета Татарской АССР товарищу Динмухамметову

Председателю Совнаркома Татарской АССР товарищу Гафиатуллину

«Передайте мой братский привет и слова благодарности Красной Армии трудящимся Татарской Автономной Советской Социалистической Республики, ранее собравшим 100 миллионов рублей для строительства танковой колонны «Колхозник Татарстана» и дополнительно собравшим 100 миллионов рублей для строительства эскадрильи боевых самолётов «Советский Татарстан», а также собравшим подарки и тёплые вещи для Красной Армии.

И. Сталин».

Материалы татарских поэтов и прозаиков печатались также в русских фронтовых газетах. После перевода своего стихотворения «Идель – Сылу» и опубликования его в газете «За Родину» на русском языке Шараф Мударрис стал известен всему фронту. В письме Хасану Хайри от 7 июля 1943 года он сообщает: «Хатиб пишет большую вещь. Я тоже не отстаю. Вот посылаю тебе на память поэму «Артиллерист Вагап» и самую последнюю работу, переведённую на русский язык («Певец русской славы»). Сейчас создаю поэму о Родине. Во всяком случае, я буду счастливым, если её через два месяца pošлю в Союз» (в Союз писателей Татарии).

9 июля 1943 года в газете напечатана поэма Ш.Мударриса «Артиллерист Вагап». Герой поэмы, оставшись один, храбро сражается с целой сворой фашистов:

*И здесь сейчас опять был бой неравный.
Рвались снаряды, стон стоял и свист...
Здесь бил прямой наводкою недавно
Мой друг и брат
Вагап-артиллерист.
Здесь и земля, и небо стали дыбом.
Здесь смерть швырялась
Пламенем в лицо.
Эсэсовцы, подобно хищным рыбам,
Стянулись здесь,
Образовав кольцо.
В таком бою свинцовый ветер дует.
Вагап один...
Врагов не сосчитать.
«Капут, сдавайся, рус!
Ты одинокий!»
Но пушка гроыхала им в ответ.
За взрывом взрыв.
Снарядов визг жестокий.
И в ключья всё! Врагу пощады нет!
Вагап один у пушки – без расчёта...
Погибли близкие, друзья и земляки.*

Образ советского воина Вагапа олицетворяет непобедимую силу народа, сражающегося с врагами. Уничтожив десятки фашистов, Вагап погибает, но дорога, которую он очистил для победного шествия советских войск, – это дорога его бессмертия. Над павшим героем восходит солнце, как бы озаряя его подвиг, олицетворяя собой его вечную славу...

В газете опубликованы стихи Фатыха Карима, Аделя Кутуя, Кави Наджми, Нури Арслана, Ахмеда Юнуса, старшего лейтенанта юстиции Мустафы Нугмана, командира – зенитчика Нура Гайсина, рассказы Атиллы Расиха, статья Ахмеда Ерикеева «Богатырь» (О Герое Советского Союза Салавате Каримове), рассказ Идриса Туктара «Ласковые слова», очерк Газиза Иделле «Советские патриоты» и т.д.

Газета «Ватан өчен» выходит до 21 ноября 1943 года, затем редакцию отправляют в резерв. Но с 15 марта по 8 апреля 1944 года татарская газета выходит вновь. Всего выпущено 164 номера.

После расформирования Северо-Западного фронта редакция газеты в полном составе перешла в распоряжение вновь сформированного Второго Белорусского фронта, где с 3 мая 1944 года стала выходить под названием «Фронт хакыйкәте» («Фронтовая правда»). ■

> ПОЭЗИЯ

> ПРОЗА

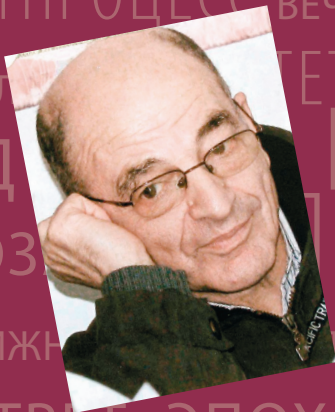
> ДУРА И ДОРОГИ

> БАЛ-ОМУТ

> ЛИТЕРАТУРА БЕЗГРАНИЦ

> ДЕБЮТ

> ЛИТПРОЦЕСС

***

Евгению Соседову

вино тебя не успокоит
и валидол не укротит
когда над заповедным полем
клубится волчий аппетит

когда громада мортон-града
всё ближе а ряды тесней
и дальнобойщики за мкадом
угрюмей дантовых теней

Отчизна пятится чубайсом
чумным инвестором глядит
но воздаётся не по прайсу
и льготный кончится кредит

ты не один перед ордою
хранишь аллеи и пруды
когда князя и смерды в доле
и осрамился аудит

но упыри от света сникнут
не тронув рощи золотой
хоть настоящее так дико
под грязной варварской пятой

2015 – 2016

Окончил Московское Педагогическое училище №1 им. К. Д. Ушинского и Московский Открытый педагогический университет им. М. А. Шолохова по специальности «учитель русского языка и литературы», а также Высшие курсы сценаристов и режиссёров в Москве (мастерская Л. Голубкиной и О. Дормана). С 2012 года состоит в Союзе писателей XXI века. Автор поэтических книг «Мир» и «Свой век».

Сергей Брель

Всесоюзный поэтический конкурс им. Гавриила Каменева «Хижицы» был объявлен казанским литературным кафе «Калитка» Центральной библиотеки города Казани с целью обратить внимание на незаслуженно забытое имя поэта – первого русского поэта-романтика, автора первой русской героической баллады «Громвал», интересного переводчика и прозаика, отца готического направления в русской литературе, создателя жанра «мрачной элегии». За три месяца на конкурс было прислано 99 работ. Москва, Санкт-Петербург, Астрахань, Белгород, Брянск, Волгоград, Екатеринбург, Иркутск, Кемерово, Краснодар, Красноярск, Нижний Новгород, Новосибирск, Оренбург, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов, Севастополь, Ульяновск, Челябинск, Ярославль, а также Алтай, Башкортостан, Дагестан, Карелия, Марий Эл, Пермский край – вот далеко неполная география участников конкурса. Почти треть работ – от авторов Татарстана. Победителями конкурса стали Сергей Брель (Москва, 1 место), Евгений Морозов (РТ, Нижнекамск, 2 место) и 3 автора, разделивших 3 место: Светлана Чернышова (Севастополь), Юлия Долгановских (Екатеринбург) и Андрей Дмитриев (Нижний Новгород). Предлагаем читателям журнала «Идель» подборку стихов победителя конкурса Сергея Бреля.

***

У Везувия зубы безумия
над помпеями наших амбиций,
и надежду при помощи зуммера
ищет тщетно турист бледнолицый.

Но гоняют подростки на скутере
по расплавленной пьядца Меркато,
ловят счастье простое, беспутное,
под гранатово-сладким закатом.

Взгляды этих Джанкарло и Массимо,
кудри этой Фьяметты с айфоном
страсть Неаполя щедро украсила,
словно вышли на паперть иконы,

и народных волнений неистовство
выдыхается на солнцепёке
у засиженной чайками пристани
под жарой, прожигающей щёки, –

терракоту любви опрометчивой...
Справедливости нет и в помине,
но томит ожидание вечера,
разговора под сводами пиний

о налогах, погоде, пособиях
и конце, что вполне предсказуем.
Продолжается подвиг истории.
Точит зубы безумный Везувий.

Ашея, 2016

***

От языческой своей наготы
осень прячется, не в силах листы
удержать на присмиревших ветвях
и замаливать грехи растерях –

незадачливых писательских дач,
где дружили диссидент и палач,
где крутили Рио-Риту в лучах
солнца дети, от любви одичав.

Клён клянётся здесь платить по счетам
на банкетах и не пьёт капитан,
грант спустивший и залёгший на дно.
– Кто о чём, а ты опять об одном!

Гегемона больше нет, гимн увяз
в глубине бронезилетов и ряс;
ветер северный, осины дрожат
от безбрежности вернувшихся жатв.

Эта осень – наш манеж на крови,
бросит, если попросить: «Оторви!»,
плюнет, если умолять: «Беса ме
мучо!» – мучить тоже надо уметь.

Погляди, как эта роща горит,
застывают в янтаре бунтари,
бутафорские стрельцы-удальцы
и выносят мертвецов подлещи

на расправу под небесным шатром.
Грома нет, и здесь не ходит паром,
но ворон пересчитает погост.
Спит писатель – за покойного тост!

Хоть сто нянек, но не помним родства
с волшебством, чьё наказание – листва;
замела, позолотила и – в прах,
но приветствует простор-патриарх

всех забытых, именитых и тех,
рано сбившихся с пути неумех,
стелет под ноги рябину с ольхой.
«Воля есть, – твердит, – но вряд ли – покой!»

Переделкино, 2016

***

Путь в Элладу бесконечности –
переулок, арка, лужа,
дом, веками изувеченный,
композитор – зол, простужен.

То Москва метелью выстудит,
то туманами изводит...
Сколько мук ещё горит в груди,
затаившихся расподий!

Пётр Ильич, мы здесь, от гаджетов
и постов устав, оттаем
и прислушаемся – надо же! –
к музыке ночных скитаний,

под грозой от счастья прыгая,
вспомним, как смычок неистов,
и над улицами-книгами
запоют скворцы-альтисты;

зазвенит сосулька, падая
во дворе консерваторском
так неожиданно, хоть угадано,
поменяв тоску на «Тоску».

Это мысль умчится, мечена
росчерком мечты, – до Марса
с марсовых полей неметчины,
за предплечье контрабаса –

в звёзд гармонию звериную
от высоколобой чуши,
над Сейшелами – Курилами,
всем, что губит наши души,

всем, что в уши рвётся с яростью
необузданной химеры,
первою строкою в Яндексе,
массой беспробудно серой.

2016, после Малера

АНАТОЛИЙСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Элле Крыловой

В окне, как в рамке полотна,
гора до неба громоздится;
рассвета алая гвоздика
предчувствия жары полна,

и минарета кипарис,
глядишь, и призовет к намазу,
слова Всевышнего – топазы
прозрачные – бросая вниз

в толпу, которой мил базар,
которой вера – all inclusive.
Нет ничего прочней иллюзий,
но властно неба бирюза

твердит о том, что выше нас,
и турка примиряет с курдом,
и споры кажутся абсурдом,
и разногласья – хоть на час.

Всё ширясь, облако ползёт
от гребня синего в долину,
где Сулейману и Селиму
покоя алчность не даёт,

где повседневность так щедро
на выдумки, как параноик,
и время мерное земное
на рынок тащится с утра.

Чамьюва, 2014

Рустем Сабиров

ФОРТУНА

(фрагмент повести «Сказание о Голландце»)

Так вот, именно после той безобидной в общем-то истории с отцом Франклином и началась охота на «Летучего Голландца». Рассказывали об этом разное, все истории обычно похожи одна на другую. Однако же об одном случае можно поведать подробнее.

Однажды небольшая эскадра из двух фрегатов и одной бригантины подошла к острову Кергелен и бросила якоря у восточной оконечности мыса, закрывающего ту самую бухту Рождества, о коей только и было разговоров в ту пору среди моряков в тех водах. Капитан флагманского фрегата «Фортуна» Оберон Магнус давно уже для себя решил не валять дурака, не заниматься идиотскими, никчёмными поисками, а, дождавшись утра, обойти пару раз эти Богом забытые острова, убедиться, что никакого судна там нет и быть не может, да и повернуть обратно. А ежели и встретится какая чертовщина, так наплевать и забыть. «Я, господа, благодаренья Богу, христианин, а не какой-нибудь, прости господи, готтентот, чтоб бегать за привидениями», — сказал он по этому поводу офицерам.

К ночи капитан бригантины «Дагераад» Дамиан Виссер неторопливо доложил ему, что проплыл вдоль северной оконечности необитаемого острова и ничего примечательного не обнаружил.

— Но там, на берегу, был костёр! — вдруг нетерпеливо и взволнованно выпалил подштурман с бригантины, некий ван Деккен, неожиданно вынырнув из-за его спины.

— Вот как? — даже не взглянув на него и без всякого интереса произнёс капитан Магнус. — Что, в самом деле?

Капитан бригантины досадливо покосился на ван Деккена и нехотя кивнул.

— Ну да. Однако, полагаю, ничего существенного. Верно, какие-нибудь... охотники, рыбаки. Мало ли.

— Нужно высадить людей на берег, — насутился ван Деккен.

— Сейчас? Вы с ума сошли, — капитан Магнус с трудом подавил зевоту. — В этакую темень рисковать людьми ради того, чтобы обнаружить на берегу угасший костёр и дрыхнувших охотников за тюленями?

— Но...

— Завтра. Утром. Довольно об этом. Господин капитан, — он повернулся к Виссеру и произнёс с издевательской отчётливостью: — Как рассветёт, отправьте-ка подштурмана ван Деккена на берег, пусть лично всё изучит. И ежели отыщет что-нибудь, кроме камней и пингвиного дерьма, пусть доложит во всех подробностях. А теперь, господин подштурман, явите любезность, оставьте нас, нам есть о чём потолковать.

Ван Деккен вспыхнул от обиды, коротко козырнул и скрылся, свирепо скрипя половицами.

***

Капитан Магнус ногтем отщёлкнул крышку табакерки с изображением пернатой головы индейца и взял щепотку.

— Кстати, кто он такой, этот ваш подштурман? Что-то я его не припомню, — недовольно спросил он у капитана бригантины, когда за ван Деккеном демонстративно громко захлопнулась дверь. — Не угодно ль по бокалу другому ликёра на сон грядущий? У меня есть пара бутылок старого «Шериданса». А? Как говаривал мой батюшка, примерить ночной колпак?

— Ну, это с удовольствием, — охотно кивнул Виссер, ибо давно искал расположения мрачного и нелюдимого капитана Магнуса.

— Так я по поводу подштурмана...

— Да он как раз с того самого беглого флейта, — криво усмехнулся капитан Виссер, лихо ополовинив бокал, — за которым нам тут велено гоняться. Вот и мается. Не терпит. То ли счёты свести, то ли грех искупить, а то ли вместе всё. А то и капитанские галуны примерить. Честно говоря, этот парень меня бесит с самого первого дня. Мне его буквально силком засунули ещё в Капстаде.

Виссер был ещё молод, ему едва стукнуло тридцать. А выглядел вообще мальчонкой-переростком, этакий долговязый и неловкий, длиннорукий. На его широком конопатом лице постоянно блуждала гримаса не то удивления, не то восторга. Что не мешало в должный момент быть расчётливым, решительным и хладнокровным.

— Кстати, господин капитан-командор, может, хоть вы растолкуете, что такого натворил этот, как его там, ван Стратен? — спросил он с неизменной улыбкой уличного простофили.

— А не знаю, — буркнул Магнус, шумно втянув в себя воздух и скривившись в предвкушении чиха, — да, не знаю, вообразите. Во всяком случае, не знаю ничего преступного. Видите ли, Виссер, когда проступок очевиден и понятен, это одно. А когда преследуют и не говорят за что, это совсем другое. И это другое — подозрительно и гадко, вот что я вам скажу, Виссер. Тем более, что усердие для его поимки проявляется просто неслыханное. Можно подумать... Вы хотите что-то сказать, Виссер?

Виссер вместо ответа лишь пожал плечами и молча кивнул на дверь. На что капитан Магнус усмехнулся, подошёл бесшумно к двери и хрипло выдохнув: «А кто это там?!», с размаха пнул в дверь и выглянул наружу.

— Никого, Виссер, — сказал он, расхохотавшись. — Однако, верно, предосторожность не лишняя.

Он вернулся к столу, снова взял понюшку, затряс головой, четырежды громогласно чихнул.

— Вам интересно знать, что мне ведомо про этого ван Стратена? Мало что ведомо. Знаю, что он родом из Роттердама, что моряк бывалый, хоть и не военный. Плавал, говорят, всё больше в вест-индских водах. И вот именно там, где-то возле Кюрасао, кажется, и приключилась с ним какая-то история, которая едва не закончилась прямо-таки мировым скандалом. Впрочем, надлежит отыскать этот чёртов флейт, арестовать капитана и офицеров и препроводить судно в Капстад.

— Это я, положим, тоже слышал, хмуро добавил Виссер. — А ещё я слышал, что судно то запрещено досматривать, даже ступать запрещено на борт. Вот так! Это как же прикажете его препроводить? На верёвочке, как бычка-первогодку?

Капитан Магнус в ответ лишь замахал руками и вновь разразился чихом.

— А ещё я слышал, — вдруг повысил голос капитан Виссер и тотчас украдкой зыркнул в сторону двери, — что досматривать то судно будут англичане, не наши. Там, в Капстаде. Понимаете, что это означает?

Хотел добавить ещё что-то ещё, однако замолк, ибо сам не знал, что это может означать. Капитан Магнус угрюмо скривил лицо и выругался вполголоса.

— Так всё-таки это правда. Это что ж за жизнь такая пошла? Голландцы должны ловить голландское же судно и отдать его англичанам на позорный досмотр? Бред! И, значит, я, который мальчишкой-гардемарином бился с англичанами у Данжнесса, должен буду, как потная шестёрка, искать своего же брата, голландского моряка, чтобы отдать на растерзание этим ненасытным псам. А не будет такого. Не будет!

Для верности Магнус бухнул по столу багровым волосатым кулаком так, что раскрытая табакерка вновь захлопнулась.

— А что вы станете делать, ежели мы его повстречаем? Ну вот, а господин капитан-командор?

— А ничего не стану, Виссер. Знаете почему? Скажу по секрету и только вам: потому что мы его не повстречаем. Ну вот не повстречаем, и всё тут. Вы меня ясно поняли, капитан?

— Куда ясней, — усмехнулся капитан Виссер, вновь покосясь на дверь. — Так ещё по бокалу? ...

***

— Эй, Бруно, бездельник! Ты хоть знаешь, от чего то судно «Летучим Голландцем» прозвали?

Подшкипер фрегата «Фортуна» Якоб Дюнсте, коренастый и почти совершенно лысый детина с багровыми отметинами от картечи лицом, считал себя весельчаком и рассказчиком, а значит, всеобщим любимцем и душою общества, что отнюдь не соответствовало действительности.

— Да почём мне знать, дядя Якоб, — вздохнул матрос Бруно, — Это вы у нас всё знаете, у вас голова вон какая. А у меня — с ваш кулак, и того меньше.

Матрос Бруно, помощник командора, глуповатый конопатый коротышка, неуклюже сляпавшийся всех рассмешить, и тем снискать хоть какое-то расположение обвёл всех сияющим взглядом.

— Ты, лоботряс, на мою голову не кивай, она, небось, поумней, чем у всех у вас вместе взятых. Так не знаешь, значит. А отчего птиц называют летучими знаешь?

— Чего тут знать. Летает, стало быть, и летучая.

— Так вот и он, корабль тот, тоже поэтому.

— Так он что, летает что ли? — Бруно уже приготовился залиться смехом.

— В том-то и штука.

— Ой, да ладно, летает! Вроде умный вы человек, дядя Якоб, а скажете иной раз как в лужу... извините.

— Ты язык-то шелудивый придержи! — подшкипер Якоб Дюнсте побагровел от негодования. — В лужу! Забыл, паршивец, как пеньковый шкерт по жопе гуляет?!

— Ладно вам, дядя Якоб, он же не то сказать хотел, — вмешался матрос Бертус, локтем осторожно отпихнул сконфуженного и напуганного Бруно в сторону и быстро пересел на его место. — Однако ж ведь и впрямь странно это. Ну как это — летучий. Чего у него, крылышки что ли отрастают?

Подшкипер Дюнсте ещё некоторое время хмуро молчал, гневно раздувая ноздри.

— Крылышки не крылышки. Авиданное ли дело, чтоб корабль за единое мгновение проскакивал две мили?! Вот так просто — раз моргнул, а он уже на две мили вперёд ушёл? Так скоро даже златоклюв¹ не летает. Он ведь даже не перескакивал, а будто в одну дыру проваливался, а из другой выныривал целёхонький. И ловить его, ребята, это всё равно что зайца в поле в одиночку.

— Вы сами что ли видали, — осторожно заинтересовался Бертус, на всякий случай приготовившись отскочить в сторону. — Как он, это, проскакивает?

— Сам не видал. Но человека, который видал своими глазами, знаю. И вот он болтать не станет. Он плавал на корвете «Дондерслаг» подшкипером, как и я. Джордан его звали...

РАССКАЗ ПОДШКИПЕРА ДЖОРДАНА

Ну да, видел я его. И не я один. С тех пор не забуду, хоть всякое перевидал, считай, с четырнадцати лет плаваю.

Мы тогда пристали к острову Тристан-да-Кунья. Это, я вам скажу, такая чёртова глушь, ка-

ких поискать на свете. Острова — их там всего с пяток будет — всегда были безлюдными, да и как там жить. Вроде и зима не морозная, и лето не знойное, но ветра, особенно по весне, такие, что не то что человека, скотину с ног валят, вот какие ветра. Говорят, так оно порой и случалось, когда англичане собрались там коз разводить. Животин просто со склонов кубарем сбрасывало. Вот какие дела. А прибились мы к острову чисто по необходимости — надо было водой запастись. Воду брали прямо в ручьях возле ущелий, их там видимо-невидимо, этих ущелий, вдоль берега. Но потом нам капитан наш велел подняться на гору Квинмери. Гора эта — бывший вулкан. Да и как сказать, бывший. Спящим его ещё называют. Спящий не спящий, а дымок порой курится с вершины. Вот проснётся такой «спящий», и мало никому не покажется. Там, короче, с горы стекает ручей, у ручья этого даже имя есть, Боббер, так его англичане назвали. Ручей особенный, вода в нём мутная и тепловатая, довольно мерзкая на вкус. Вот её-то наш капитан и велел набрать, вроде как она от многих болезней помогает, особенно для почек полезно. Послал троих матросов и меня за старшего. Причём набрать велел не снизу, возле берега, а наверху, возле самого источника, там будто бы вода самая такая, какая надо. А к истоку карабкаться, почитай, целый час через окаянный кустарник да ещё с двумя плетёными флягами по десять кварт в каждой.

В общем, мы набрали этой самой воды и пошли уже потихоньку вниз, вдруг один из нас увидел кострище. Потухшее, даже мокрое от прошедшего дождика. Однако, по всему видать, недавнее: одна головня даже дымилась ещё. Стало быть, есть тут кто-то. Потом глядим: ярдах в пятидесяти вверх по склону — вроде как шалаш. Пять-шесть тощих лесин, заброшенных жухлыми ветками, вот какой шалаш. Подошли поближе, оказалось никакой не шалаш, а вход в пещеру. Видно, чтоб ветрами не надувало. В пещере никого. Однако и хозяин вскорости обнаружился. Как нас увидел, припустился наутёк. Но так припустился, как будто нарочно, чтоб мы увидели: пробежал шагов двадцать и остановился как вкопанный. Вид у него был, конечно, как у шута на ярмарке. Только пострашней. Волосы

¹ Сероголовый альбатрос.

чёрные, грязные, спутанные, до плеч, бородён-ка редкими клочками. Лицо плоское, будто вовнутрь вдавленное. Роба на нём морская. Правда, рваная донельзя: на спине куда ни шло, а спереди – пузо голое, считай, и рукав один почти болтается, вот какая роба. Стоит, на нас посматривает с опаской. Потом заговорил, загундосил, как ручной попугай: «flint, flint, flint...²». Мы-то не поняли поначалу, какой-то такой ещё такой флинт. Потом поняли, что он нас за англичан принял. Нашёлся у нас один с огнивом. Как не дать, тем более собрату моряку.

Тут ещё выяснилось, что вообще свой, голландец, хоть по роже и не скажешь, а никакой не англичанин. Правда, кто он, откуда, с какого корабля, как сюда занесло – не говорит. Говорим ему, пошли с нами, пропадёшь тут один. Сдохнешь мол тут без покаяния, прости, Господи. Он и согласился, хоть и отнекивался поначалу.

Капитан наш, господин Крезье, человек нрава сумрачного, сперва накричал на нас за задержку, мол, погода портится, уходить надобно поживее отсюда, от этих чёртовых скал. А голос у него, у господина капитана, – слышали, поди, как морские котики кричат? – вот какой голос. А уж как нашего найдёныша увидал, так и вовсе: это, что, мол, ещё тут за ряженая обезьяна. Я докладываю – мол, так и так, отыскался тут, на горе, наш он, моряк, и говорит по-нашему. Один он тут. Забрать, говорю, его надо. А капитан мне – здесь я, говорит, решаю, кого забирать, а кого оставлять с богом. Почём, говорит, тебе, дураку, знать, как он тут очутился?! Люди ведь за просто так на безлюдных островах не оказываются. Может, грех на нём, да такой, что самому Каину проклятому тошно в Преисподней? Вот как сказал. Только я хотел ему сказать, что, может, на нём и грех, мы того знать не можем, да ведь оставлять его тут ветрам на съедение тоже грех немалый. Капитан-то наш, господин Крезье, страсть какой набожный. Да тут найдёныш наш заговорил. Да складно так заговорил: «Эй, Микке, а давай я расскажу твоим парням, кем ты был годов пять назад? А? То-то удивятся твои парни, то-то удивятся!» Вот как заговорил.

Мы все, ясно дело, растерялись. Зато уж капитана нашего, господина Крезье, точно кипят-

ком ошпарило. Он сперва выругался как-то по-особому, словами непонятными, потом пистолет рванул с пояса. Был у него пистолет, маленький такой, французский, фасонистый. Да только выстрел не получился, боёк впустую щёлкнул, выдать, порох отсырел. Тогда он забрал у мичмана Бленка палаш, да просто-таки вытянул у него прямо из ножен и кинулся было за тем островитянином, да тот, понятно, поджидать не стал, взвился, как дикая кошка по скосу через кустарник, поди его догони.

Скрылся. Но напоследок крикнул: «Эй, парни, а капитана-то вашего знаете, как звать? Микке Мес, вот как! Знайте и другим скажите. Кой-кому будет интересно узнать!». Вот что крикнул.

Глянули мы на капитана нашего, господина Крезье. А тот стоит, спокойней спокойного, будто ничего и не было, улыбается даже. «Давайте, ребята, грузимся поскорее, и так провозились дольше некуда. Не вековать же здесь, в адовом предместье. Скоро поднимем якорь, хвала Создателю, ветер самый попутный. При таком ветре, глядишь, через двое суток доберёмся до Ла-Платы. А уж там нынче весна, благодать Господня». Таким его не видели. Добрый весь такой, улыбочивый... Погрузили мы на шлюпку фляги эти чёртовы, да ещё тушку пингвинёнка. Они его с мичманом Бленком подстрелили на берегу, так, от нечего делать. Сели – сперва капитан, господин Крезье, потом мичман.

И вот тут, капитан наш, господин Крезье, вдруг схватил кормовое весло крякнул с натугой и что было сил, а сил у него навалом было, оттолкнулся от прибрежного валуна. Р-раз! Господин мичман, видать, что-то хотел ему сказать, мол, что вы творите-то, люди же там наши остались! А тот ему тем же веслом по башке – хрясь! Тот кулём в воду. А капитан наш скакнул к вёслам и погнал во весь дух в сторону судна нашего, оно на якоре стояло в четверти мили от берега. Мы все в крик, понять ничего не можем. А он только хохочет да ручкой машет. Пока, мол, ребята, не тоскуйте тут без меня...

Мичмана Бленка мы, однако, из воды выловили. Еле успели, ещё бы минута, его бы, пожалуй, насмерть о камни расшибло, ветрило был что надо. Он-то нам и сообщил, как пришёл в себя,

² Flint (англ.) огниво.

что дела наши плохи, хуже некуда. Острова эти – в стороне от всех путей, корабли здесь бывают, может, раз в два года, и то, как мы, случайно. Но надеяться надо, ибо надежда – это последний дар Господа человеку. Вот так и сказал.

Так и вышло. Пробыли мы на этом острове двадцать девять дней. И выжили только потому что была она, эта самая, Надежда, которая последний дар. Точно говорю. Если б не она и господин мичман, пропали бы мы.

Жили в той самой пещере. Она большая была, пещера и, главное, тёплая. Вулкан её грел изнутри, видать. Что ели? Омаров ловили, их там пропасть, в заливы, ловили плетёными корзинами. В том же заливе тюленя забили палками. Так что еды хватало, не голодали. Найдёныш держался особняком, с нами не разговаривал, зыркал исподлобья. Пару раз драку затевал. Да как-то по-подлому, втихую. Напал на юнгу, Томаса. Искусал его всего до крови. Но Маркус ему охоту отбил. Отдубасил как надо.

Костры жгли, не переставая. Нарочно подбрасывали хворост посухее, чтоб дым был почерней да погуще, да повидней.

И ведь дождался! То судно первым увидел мичман. Была у него складная зрительная труба. Вот в неё он и увидел. Поначалу нам ничего не сказал, боялся, вдруг это мерещится ему. Ведь мы ж тогда ни о чём другом, как о проходящем мимо корабле, и думать-то разучились. Потом сказал. Так мы чуть не передрались все, каждому желалось на корабль тот посмотреть. И тут он возьми и пропади. Вот просто был – и нету его совсем. Что тут было – словами не описать. Люди катались по земле, кляли Небеса, изрыгали богохульства. Лишь господин мичман, не пал тогда духом. И такие странные слова произнёс, как сейчас помню: «Не отчаивайтесь. Он вернётся». Так и сказал.

И вот, вообразите, что со всеми нами было, когда корабль тот впрямь появился у самого входа в бухту. Просто как с неба свалился. Да! На том самом месте, где месяц назад стоял на якоре наш корвет. И Бога помянули и Дьявола, пропади он совсем. «Не смотреть туда! Не смотреть!», – кричал один из нас, уж и не упомяну кто. – Это не человеческий корабль! Не люди там, не люди!» Не смотреть. Легко сказать. Мы о корабле четыре недели мечтали, а тут – не смотреть. Да

пускай хоть призрак, хоть что. Лишь бы отсюда. Корабль...

А уж когда оттуда, с полубака, носовая пушка шандарахнула, подумал я, что ведь никакой это не призрак. Ветер вскоре принёс запах порохового дыма, а его с чем спутаешь! Мичман трубу свою подзорную чуть не в глазницу себе ввинтил. Мы стоим, считай, не дышим. А тем временем с судна спустили шлюпку с четырьмя гребцами...

Вышли на берег, люди как люди, ни серой не пахнут, ни ладаном, ни мертвечиной. А пахнут себе чем положено – морем, потом, табаком, от кого и выпивкой. Да притом ещё, свои, голландцы!..

***

– Ну и дальше что?

– Дальше? Так не поймёшь. Толком не говорил он, что дальше. Говорил доплыли они на той посудине до Порт-Ноллота. Это портишко такой, мелкий, триста с лишним миль от Капстада. Говорил, что судно то называлось... Вот забыл уже как. «Сильфида», что ли? «Сильвия»? В общем, как-то так. Говорил, что на берег сошли не все, только трое. Адвое – мичман Бленк и тот найдёныш – так и остались на этой... «Сильфиде»... Чудеса, да и только. Вот лично я бы – ни за какие коврижки...

ИЗ ДНЕВНИКА МИЧМАНА БЛЕНКА

«...Самый правдивый дневник пишется, когда нет никакой надежды, что кто-либо его прочтёт. Вот там – истинная правда, Но таких дневников, полагаю я, природа не видывала. Вот и я: пишу записки сии без всякой, вроде бы, надежды, что они будут прочитаны. Но всё же, но всё же...»

Отчего людей покоя века тянет Океан? Жажда новых земель. Нажива. Страсть к приключениям. Однако это лишь то, что всегда лежит на поверхности. Я думаю, человек в сердцеvine своего разума понимает, что суша лишь временное пристанище, как у морских птиц, – просто передохнуть, свить гнездо, вывести потомство и – снова туда, в святое небо Океана. И ещё – в Океане люди несравненно ближе к Богу. Да и суши как таковой и нету вовсе. Есть лишь устоявшиеся, обжитые отмели, и всего-то. Одному Богу ве-

домо, сколько было их, твердынь, казавшихся незыблемыми и вечными...

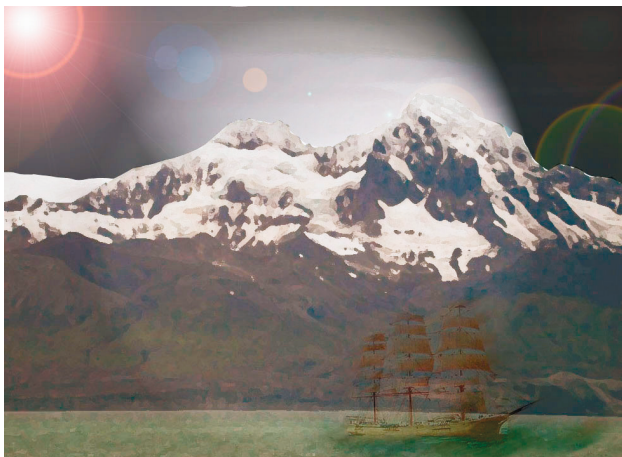
Океан в моём воображении рисуется рекою. Да, такую же рекою, что те тысячи рек, что питают его. И он, как и подобает реке, имеет свой исток, низовье и устье – огромную, возносящуюся в бездну Дельту. Но Дельта эта – не ревущий водопад, а плавный, нисходящий вверх каскад.

***

Сентябрь, 29, года 17....

Верил ли я, когда говорил товарищам по внезапному несчастью, что спасение неизбежно? Нет. Ни на грош. Я был в том же глухом отчаянии, как и они. Просто понимал, что лишь эта моя несуразная, вымученная надежда невесть на что держит нас у той грани, за коей мы все превратились бы в воющее, озлобленное скопище безумцев.

И когда тот корабль лёгким, воздушным опереньем обозначился на горизонте, а потом вдруг пропал, я не испытал ни ужаса, ни отчаянья. Я словно уже пережил это некогда, в отдалённых закоулках разума: сумрачный, раздираемый в клочья горизонт и трёхмачтовый корабль, явившийся словно ниоткуда и туда же канувший. Я точно знал, что он вернётся. Так оно было, так оно и будет. И я был счастлив, и счастье это можно сравнить разве что с ликованием слепца, немислимым чудом узревшего Божий мир, которого прежде не видел и увидеть не чаял! И, клянусь перед Богом, не было для меня разницы в ту

минуту, что глухой, безлюдный Тристан, что Порт-Ноллот, куда нас должны были доставить. Остаться на судне я не смел и мечтать.

Тот найдёныш с острова, он назвал себя Линксом, шепнул мне по секрету, что, мол, ему тоже сходить в Порт-Ноллоте резонанету, потому как тюрьма – это есть самое лучезарное, что его может там ждать, но и это навряд ли, ибо скорее всего его просто повесят, можно, конечно, уйти за кордон к кафрам, но ведь и кафры, едва прознают, кто он такой есть, пожалуй, сдерут с него кожу, а после, пожалуй, и сожрут. Такие вот дела.

И всё же я не терял надежды.

К рассвету следующего дня мы подошли к Порт-Ноллоту. Однако же меня сие ничуть не удивило, хотя от Тристана до Ноллота при самом что ни на есть попутном ветре ну никак не менее четырёх суток пути. Я, можно сказать, принял это как должное. Нам сказали, что в гавань судно заходить не станет. Встало на якорь неподалёку. Нам велено было перебираться на шлюпку. Трое из наших рыдали от счастья, завидев очертания городских крыш и верхушку церкви. Я и Линкс молчали. Каждый о своём. И тут неожиданно Линкс просто-таки бросился в ноги штурману, задрал голову, иступлённо выкатив глаза: «Мой господин! Славный мой господин! Дозвольте мне остаться здесь! Ради всего святого молю, дозвольте!»

Я был ошарашен: ведь именно я должен был попросить об этом, причём, сам Линкс сам слёзно меня об этом просил. Побоялся, что двоих не оставят?

«Остаться? – штурман насмешливо сощурился. – Оно, конечно, возможно. – Да только к чему ты пригоден. На корабле ведь каждая койка на счету. Кем ты был на вашем судне? ... Чего молчишь. Как хоть оно хоть называлось, судно ваше хоть помнишь?»

Линкс весь подобрался, обвёл всех нас ненавидящим и вместе с тем ищущим взглядом затравленного зверя.

«Да где же ему знать. Он же вообще не из наших, его же там, на Тристане... – рассмеялся было Суант, один из моих матросов, но я не дал ему договорить».

«Корвет «Дондерлаг» – так называется наше судно! – я наконец решился вмешаться в разговор. – Оно ушло в Южную Америку, в Буэнос-Айрес. Я – Бленк, мичман, на корвете отвечал за артиллерию правого борта. А этот парень, – я кивнул на своего невольного сообщника, – Линкс, матрос-гальюнец. Парень тупой, но своё дело делает справно».

«Матрос-гальюнец? – штурман рассмеялся. – Что вот так прямо матрос-гальюнец?»

– Ну не совсем, – ответил я, невольно поймав на себе взгляд Линкса, в котором вполне ужились мольба и злоба.

«А вы? Вы, сдаётся мне, тоже желаете остаться на нашем судне? – вновь усмехнулся штурман».

«Пока ещё не решил, – ответил я, дивясь собственной наглости».

«Решайте. Нам комендор как раз нужен весьма. А вот гальюнец – штурман снова рассмеялся и развёл руками – тут как-то обходимся».

«Да, я хотел бы остаться, – ответил я, позволил себя некоторую паузу, – но в паре с этим парнем».

«Вы как будто ставите условие?»

«Нет. Помилуйте, с чего бы мне. Просто, есть одна причина...».

«Хорошо. Будь по-вашему. Хотя... лично мне он не нравится».

«Мне тоже не нравится. Но так легла карта ...»

***

...Глупо считать Океан просто гигантским скопищем воды. Тогда и человек, в сущности, лишь средоточие влаги, не более.

«Сладкая боль берегов», – говорите вы? Да, есть она, эта сладкая боль, и мне ли её не знать. Нам она ведома куда острее и горше, чем вам. Знаете почему? Мы не отделяем сушу от моря. Океан – это мир. Суша лишь малая часть его. Человек слишком рано выбрался на сушу, утратил корневую, глубинную связь с Океаном. И теперь осваивает его вслепую, оттого и все его злоключения...

Суша манит доступностью и соблазнами. Океан влечёт свободой. Соблазны исчезают

по мере насыщения. Свобода остаётся свободой.

***

17... год, 2-е октября

Среди ночи разбудил торопливый, взволнованный шепоток: «господин командор, эй, господин командор, уж простите, что беспокою, но вам на палубу выйти очень необходимо...»

Я с трудом признал спросонок голос вахтенного рулевого Фила Ларкинса.

«Ну?! Чего тебе? Что случилось? Толком говори».

«Да там с пушкой что-то неладно. Сам не понял...»

«С пушкой? С чего ты это взял?»

«Да мне этот сказал, новенький, Линкс. Поди, говорит, буди немедленно господина комендора, не то беда может случиться. Но больше, говорит, покудова никого не буди, а то разговоры, мол, пойдут. Глядишь, мы с ним вдвоём управимся. Пойдёмте уж. Только плащ наденьте, ливень на палубе, сохрани Бог».

***

У четвёртой мортиры, что по левому борту, в самом деле был настержь распахнут щит пушечного порта. Это было невероятно: все бортовые орудия с вечера были исправны, должно закреплены, порты задраены, что такое могло приключиться за пару часов – уму непостижимо. Возле лафета недвижно маячила тощая фигура Линкса. Он-то откуда тут взялся?

«Тут вот петля у щита малость прогнулась, – закричал он, перекрикивая ветер, – щит и вздыбился. А ветер, сами видите, как раз с той стороны. Глянуть не успеешь, как палубу зальёт. Надо же делать что-то. Ты – он вдруг с непонятной властью ткнул пальцем в сторону рулевого – ступай живо к себе на место. Шума покудова не поднимай. Ну?! Ступай, я сказал!»

Приказной тон Линкса мне показался странным, ибо на судне он был, по сути, никчёмным нахлебником, ибо ничего толком не умел. Однако это почему-то не насторожило. Не насторожило и то, что

Линкса просто-таки трясло от возбуждения и остро разило недавней выпивкой.

«Вот сами извольте глянуть, – сказал Линкс, когда рулевой скрылся из виду. – Петля там. Болтается почти... Да отсюда не увидишь. Давайте-ка я вас подержу, да приподниму, а то как бы вас волной, не приведи бог, не смыло.

– Не надо, – я попытался отстраниться.

– Мне и так видно. Щит исправен, петля на месте. Его надо просто опустить и задвинуть засов.

– А я тебе говорю, петля там! – зашипел Линкс прямо в ухо. – Петля там, ты понял?!.. Понял, ты, убогий?! – Застонав от натуги, он чугунной хваткой обхватил меня за пояс, сипловато ухнул и приподнял над палубой и прижал животом к перилам борта. – Значит, говоришь, матрос-гальюнщик?! Сейчас поглядим, который из нас гальюнщик...

Упершись ладонями в борт, я что было сил оттолкнулся от перил назад, но Линкс был сильнее и жилистей. Кроме того, им двигала непонятная, бешеная одержимость.

«А хочешь, я тебе расскажу, кем я был на бриге «Слин» с весельчаком Микке Месом? У меня даже прозвище было – Блодсóкер³! Прежде чем выбросить тебя за борт, я покажу, как я это делал. А уж потом отправлю домой, в океан. Я ведь читал твои сраные каракули. Вот пусть океан тебе и поможет. Раз и навсегда...

Однако я даже не успел ужаснуться: Океан как будто впрямь пришёл на помощь: вздыбившаяся за бортом тугая и плотная волна с необыкновенной силой ударила и, едва не задушив, отбросила нас обоих далеко от борта, чуть не к середине палубы. Мне наконец удалось вырваться из дьявольской хватки Линкса и первым вскочить на ноги. Линкс был сильнее и выше, но я немного владел ухватками английского кулачного боя и с трёх ударов свалил его с ног и даже ненадолго лишил чувств.

В этот момент послышались частые удары корабельного колокола, и тут же, едва

держа равновесие от качки, из-за стены кубрика появился рулевой Ларкинс. Линкс наконец приподнялся с залитым кровью лицом, схватил, видимо, заранее заготовленный двадцатифутовый багор, хотел метнуть в меня, но, завидев кинувшегося ему наперерез Ларкинса, наотмашь ударил его багром в бок...

***

Через несколько миновений Линкс уже лежал навзничь, со связанными руками, таращил белки, высоко вскидывал подбородок, выкрикивал что-то порой по-голландски, порой на каком-то вовсе не понятном, воющем языке. Рулевого, стонущего, плюющего кровью, увели в кубрик. Кто-то из команды не удержался и с маху пнул Линкса под рёбра. Его тут же отвели в сторону. А Линкс зашёлся каркающим кашлем.

Подошёл рыжебородый штурман (имени его я называть не стану) и коротко приказал ему подняться. Тот сперва сплюнул розовой слюной, затем, глянув ему в глаза, всё же опершись о локти, попытался. Кто-то из команды рывком за ворот поднял его на ноги.

«Ступай за мной, – сказал штурман и, не оборачиваясь, пошёл в сторону штурманской рубки. Команда молча расступилась, пленник, боязливо озираясь, побрёл, спотыкаясь, за ним. Вскоре туда же зашёл и капитан...

...Капитан приказал сменить курс на зюйд-зюйд-вест.

17... год, 4-е октября

Сегодня вновь пристали к острову Тристан-да-Кунья. Меня прошиб ледяной озноб, когда я снова увидел сквозь туман этот безжизненный серо-голубой конус. Линкса, всё так же связанного, пересадили в иллюку, с ним сели капитан, я и ещё трое матросов. Линкс сидел напротив меня, спиной к острову, косился и поминутно сплёвывал за борт. Странно, я не испытывал к нему ни ненависти, ни злорадства. Всё, чего я желал, это чтобы этот человек исчез наконец из моей жизни. Просто исчез.

³ Bloodsucker (голл.) пиявка.

Когда шлюпка ткнулась в прибрежную гальку, капитан вывел Линкса на берег, знаком приказав нам оставаться на местах.

«Вилли Чан, я не вправе судить вас за то зло, что вы совершили в этой жизни. Хотя оно велико и омерзительно. Но я считаю себя вправе принять решение, что вам не должно более пребывать в обществе людей, ибо вы есть нелюдь. Судьбу вашу предсказывать не стану. Пусть её решит воля Всевышнего».

Сказав это, капитан коротким движением кортика рассёк верёвки, стягивающие запястья пленника и легионку подтолкнул в спину. Линкс шумно выдохнул, безмятежно запрокинул голову и вытянул руки в стороны, всплескивая запястьями, будто отряхивая от воды.

«Привет родным местам, – произнёс он, не оборачиваясь, скрипучим, ржавым голосом. – Эй, капитан, не составишь мне компанию? Скучать не дам, можешь не сомневаться. Что молчишь?»

«Здесь сухари, – помолчав ответил капитан, – три фунта, сколько можем. На три дня хватит. Воды пресной здесь сколько угодно. Прочее добудешь сам...»

«А Библия?! – Линкс вдруг рассмеялся, всё так же, не оборачиваясь. – Обычно дают Библию. Мне вот в последний раз давали».

«На сей раз нет. Библия на судне одна»

«Эка жалость! – вновь расхохотался Линкс. – Мне бы на пару недель хватило на подтирку. Кстати, кэп. Ты вот стоишь за моей спиной. А я нутром чую твой страх. Слизкий, как дохлая медуза, страх. Так?!»

«Не так. Я тебя не боюсь, Вилли Чан из города Парамарибо, полуфламандец-полукитаец. Бандит и каннибал. Ты мне не противник».

«Знаю. Но ты уверен, что шлюпка, на которой мы прибыли, всё ещё тебя дожидается? Сдаётся мне, она уже потихонечку отшвартовалась от берега и плывёт себе обратно на судно. Так случается, уж поверьте. И вот тогда...»

«Мы здесь, господин капитан, – подал голос канонир Брандер, сидевший на вёслах. – И ежели надо...»

«Не надо. Твоё последнее желание, Вилли Чан? Говори быстро!»

Пленник открыл было рот, чтобы сказать что-то, вероятно, нечто злое и циничное, но я по какому-то толчку наития его опередил.

«Огниво! – Крикнул я. – Как без него. У тебя нет огнива! Flint! Flint! Лови!»

И бросил ему огниво через головы гребцов. Тот поднял руку, но ловить не стал. Огниво упало, распластавшись, возле его ног.

«Flint, – усмехнулся он, затем неторопливо и старательно вдавил огниво в хрустящую мокрую гальку. – Flint! – выкрикнул он, с лихорадочным ожесточением вдавливая огниво в камни. – Фли-и-нт!!! – вдруг расхохотался он каркающим безумным смехом и торопливо зашагал вверх по склону горы, так и не обернувшись....»

***

На рассвете от бригаантины «Дагераад» отчалили две шлюпки. Одна, с тремя матросами на борту, на всякий случай пошла в бухту, другая под командой ван Деккена обошла прибрежные рифы и причалила к мысу. Мыс этот походил на опрокинувшуюся в море длинную, почти идеально прямую, отшлифованную волнами скалу без малейшей растительности, если не считать бурого, щетинистого лишайника да выброшенных волнами водорослей. Никакого костра, даже остывшей золы, не нашли. Да и кому придёт в голову жечь костёр на скользкой, продуваемой ветрами каменной глыбе, которую хорошая волна запросто перехлестнёт поперёк? Матросы, злые, непроставшиеся, продрогшие, открыто посмеивались над сконфуженным штурманом.

Но в тот самый момент, когда шлюпку наконец подняли на борт бригаантины, а ван Деккен хмуро одёргивая мундир, собираясь доложить капитану Виссеру о результатах разведки, марсовый матрос, весь извиваясь от возбуждения, закричал пронзительным, срывающимся голосом: «Смотрите! Смотрите туда!» Из бухты, освящённый косыми, бледными лучами восходящего солнца вышел корабль. У выхода его резко подхватила боковая волна, он качнулся, накренился, точно махнул на прощанье мачтами, и стал разворачиваться на северо-восток.

— Поднимаем якорь! — в бешенстве, потеряв представление о субординации, закричал ван Деккен, — Это он, я его узнал! Надо что-то делать.

— Для начала надо дождаться второй шлюпки, — проводил сквозь зубы капитан Виссер, не отрываясь от подозрительной трубы.

— А что делать с ним?

— С ним? Полагаю, нужно оставить его в покое, — невозмутимо ответил капитан Виссер.

— Вы ответите за это! — срывающимся голосом закричал ван Деккен. — Это я вам гарантирую.

— Вы? — Виссер снисходительно усмехнулся и потрепал его по плечу. — Что вы можете тут гарантировать, милейший. Успокойтесь наконец. Успокойтесь. Не то беду накликаете. Помяните моё слово.

— Да вы изменник! — окончательно вышел из себя ван Деккен. — Такие, как вы... Можете быть уверены, в первом же порту я...

— В первом же порту я вас высажу с корабля к чёртовой матери, — всё так же невозмутимо ответил капитан Виссер. — Вот в этом можете быть совершенно уверены.

— А ещё...

— А ещё одно, — перебил его Виссер, — вот только ещё одно единственное слово, и я посажу вас под арест да вдобавок прикажу вас связать.

***

Вторая шлюпка отыскалась не сразу. Её случайно заметили с бригантины около устья неглубокого извилистого каньона. Издалека показалось, что она пуста, но когда подошли ближе, увидели что в шлюпке, привалившись плечом к рукоятке румпеля, лежит человек. Это был матрос Мартин Вихте. Капитан Виссер встряхнул его за плечо, он с явным трудом открыл глаза и глянул на капитана пустыми, неузнающими глазами.

— В чем дело! — Виссер облегчённо перевел дух и еще раз встряхнул безжизненно обмякшего матроса. — Вихте, что с тобой? Где остальные? Говори, ну!

— Остальные? — Вихте исподлобья посмотрел на капитана с напряженным непониманием. — Кто остальные? Дамман, Роозе? Где

они? Да говори же ты! — Дамман... — Вихте с большим трудом попытался придать лицу осмысленное выражение. — А, Дамман! А он ушел. С этим... И Роозе тоже.

— Куда ушел, с кем?! Говори ясней, скотина, пока я не вышиб из тебя мозги!

— Ну с этим, с Лету... Да вы сами знаете, чего спрашиваете...

Более ничего путного вытрясти из Вихте не удалось, поскольку выяснилось, что он вдребезги пьян. К полудню он проспался, после чего был основательно выпорот линём и вторично допрошен. Однако бедняга плакал и клялся, что вообще ничего не помнит.

Матросы Дамман и Роозе были признаны утонувшими. А так называемый «Летучий Голландец» — не более чем миражом, досужим вымыслом. Так решил капитан флагмана Оберон Магнус, и никто не стал ему возражать.

***

Однако уже на подходе к порту случилось происшествие, дикое и труднообъяснимое. Примерно в десяти милях к югу от Игольного мыса с борта бригантины «Дагераад» было замечено судно. Эта был голландский торговый флейт «Калипсо», шедший с Малабара с грузом сандалового дерева. И тогда штурман ван Деккен, воспользовавшись тем, что капитана Виссера не было на мостике, самолично приказал рулевому изменить курс и идти на сближение. Подойдя ближе, он велел канонирам открыть огонь, а когда те попытались возражать, выхватил пистолет и сам первым бросился с горящим фитилём к орудию. Ошеломлённый капитан Виссер, услышав канонаду, выскочил на палубу, попытался было вмешаться, но был тут же тяжело ранен ответным картечным залпом с флейта, на котором решили, что подверглись атаке корсаров. После короткого боя флейт был подожжён и взят на abordаж. Побойща на палубе, однако, не случилось. Штурман ван Деккен, который в числе первых бросился с саблей на палубу с пистолетом в руке, ясно увидел, что ошибся, и застрелился на глазах у всех...

Океан отличается от Суши ещё и тем, что Судьба, Фортуна, здесь является не предметом досужих догадок, а самой канвою жизни... ■

Тимур Алдошин

***

Все предметы в квартире скозились в Ту Сторону, Где Ты:
 полки рвутся к тебе, как объятые Зовом полки;
 даже платья в шкафу, от тоски, что тобой не надеты,
 пустотой рукавов вторят тёплым изгибам руки.
 И вода, для тебя так умевшая ласково литься,
 сносит краны в отчаянье: что, мол, кого-то жалеть?
 Так же рушится люстра, на чьи-то ненужные лица,
 не имея желания, их освещая, смотреть.
 Дом, покинутый смыслом, трепещет, как стрелка компаса,
 ищет полюса в мире, где ты королевой зимы
 затворилась в дворце... И уходит, как Стэнли в пампасы,
 чтоб найти Ливингстона, душа, потерявшая «Мы».
 То вдруг щёлкнет замок, то буфетная стенка, то чайник
 прокряхтит стариковски: «Оставила...» Нет тишины
 в напряжённом, как жилы, орущем, надсадном молчанье
 мёртвой радиоточки перед окончаньем войны.

***

Горько помнить всех тех, кто шагнул с недописанной строчки –
 для поэтов у смерти всегда день открытых дверей...
 Торопитесь сказать – никому не подарят отсрочки,
 торопитесь для тех, кто ответственной нас и добрей.
 Только им не дано разрешиться от муки глаголом:
 их работа – держать эту землю и наши листы...
 Насаждайте деревья в пространстве холодном и голом,
 чтоб, обнявшись с Комбатом, спокойно промолвить: «Чисты».

***

Два телефона на окне
 вибрацией толкались:
 звонили то тебе, то мне –
 но мы не просыпались.
 Звонили то она, то он,
 затерянные в мире –
 но был глубок наш общий сон
 в затерянной квартире.
 И снилось нам, что на окне
 два телефона бьются
 друг с другом, и к тебе, ко мне,
 и падают, как блюда.
 И кто-то встанет и возьмёт
 рыдающую трубку...
 ... И сон уже трещал, как лёд,
 под телом жизни хрупко.

***

Я постараюсь забыть свой сон,
 проехать колесом
 таблетки. Жизнь забывает всё,
 и даже своё лицо.

Она не может жить без зеркал,
 но в доме нету. Стоит,
 держась за краешек косяка.
 Жизнь – это то, что болит.
 Боль, как на цыпочках в зале мать,
 коснётся всех одеял
 на теле воздуха: «Это я.
 А всё остальное – тьма.
 Ты спи, мой сын, сам себе и дом,
 и тот, кто ночует в нём,
 а я в нём зеркало, мне – в тот зал,
 где ищут меня глаза.

***

Митенки твои ужасны...
 Каждой птице в холода
 деткой хочется ужаться
 в шубу тесного гнезда.
 Все наружу птицы, пальцы,
 словно требует рояль
 их горохом осыпаться,
 цвет на клавиши кроя.
 Чёрно-белый ужас музыки
 вырывает пальцы в лёд,
 в наготу судьбы и музы,
 из одежды тело пьёт.
 Чтобы разобраться в дрожи
 тайных цифр и кнопок всех,
 медвежатник срежет кожу –
 голым нервом слушать сейф.
 Отдаётся в пальцах болью
 каждый трепет тёмных нот –
 на кровавых мышцах солью
 Слово Божие встаёт.
 Открывая тугие двери
 в сокровенной тишине...
 Руки – вечная потеря
 у сапёра на войне.

***

Оливер Твистер танцует твист.
Ему сегодня прёт фарт.
Он сам себе Мустафа и Свист,
и Смок Белью, и Брет Гарт.
Он крест на карту не ставил свой,
и не садился в «Кресты»,
на нём крест-ноль не играл конвой,
его ладони чисты.
Его ладони пусты, как снег –
он всё рассыпал друзьям.
И если он совершает побег –
то не от нас, а к нам.
И ты, который важней, чем бог,
но глупее, чем зверь,
когда он устанет без задних ног –
открой счастливчику дверь.

РУКИ

Отчего, как будто у порога
храма, так взволнованно дрожа,
к человеку тянется, как к богу,
робкая звериная душа?
Оттого, что есть у каждой тяпы
для любви, и дружества, и таск
и хвосты, и языки, и лапы –
нету рук для человечьих ласк...
Отчего у крайнего предела
нежности, спохватываясь вдруг,
рвётся прочь из тесной клетки тела
неутешный птенчик губ и рук?
Оттого, что у любви здешней,
как у кутьки, в чайных блюдах глаз –
ужас обделённости кромешной:
у неё нет рук для Божьих ласк...

***

Все лапы мира ловят кислород,
как мышенку. Один лишь лист, привязан,
вновь вздох свой из сердечка отдаёт, –
о, бойся, вечно жить он не обязан.
Он не обязан вечно не лететь.
Настанет час – и падшие вокзалы
затянет листьев уходящих сеть,
и скажет, плача: «Я тебе сказала...»
Папье-маше. Осенних лёгких куст.
Цветной муляж в окне мединститута.
И выдох неба посинело пуст
бескровною улыбкой Иисуса.
И, налетавшись, умирать миры
к тебе придут под стулья и кровати...
Глянь, как плывут всё песни да костры
по твоему желтеющему платью.

***

Утро. Женщина всё решила,
осознав себя самоё.
И стиральна ревёт машина,
как взлетающий самолёт.
Трап убрать – как выносят трупы,
как мешок на помойку, как
облажавшуюся труппу
ярый хохот голодных клак!
Всё кончается. Есть границы
у любой беспросветной мглы.
Так расклёвывают птицы
сикхской башни нагое «мы».
Так проходит мирская слава.
Так, отжавшись, лежит бельё.
Так, раздевшись, стоит дубрава,
осознав себя самоё.

***

Ты в ленточках. Вы из кино.
В глазах ещё экран летает,
и на второе эскимо
непоправимо не хватает.

Ещё блестят в твоих зрачках
машины, смокинги, коктейли...
И сумка старая в руках
уже терпима еле-еле.

Ах, кто б сказал тебе, что здесь,
в твоём немногочетии бедном
такая Тайна счастья есть!
Такая, что за нею следом

ты временем, как вброд водой,
пойдёшь в другом тысячелетье,
когда покажутся бедой
экрана сбывшиеся сети.

***

Он доложил с усмешкой кислой: «Бог-с...»,
лакейски ловко вывернув и дверь, и
двойную спину, и ехидство: «Бокс, –
а чья возьмет...» Я встал и хлопнул: «Верю!»
И это был долг вежливости, и
«держать удар» или «в седле держаться», –
я никого не видел. Но свои
принудил кресла от локтей отжаться,
и встал навстречу. Было лишь темно,
и свет свечи, дохлынув до проёма
дверного, стал, как ткнувшись лбом в окно,
где – свет, стекло, чужих не ждут, все дома.
Так за порогом плотно мрак стоял.
Не блудный сын как, не как гость, но Дом как –
так, что с свечою таял и терял
лакей с свечою в руке черты подонка.
Он становился светел и бестел.
Он воткнул был в дверную ночь, как верба.
Как леденечный херувим, блестел,
и сквозь него уже чертил неверно
какой-то жизни новой мотылёк.
Я сделал шаг. Ко мне бежать метнулись
цветы с обоев, воздух, потолок,
но, как слеза, сдержались и смигнулись,
перемигнулись с каплющим шитьём
на стекшем в свечку золоте ливреи,
перемоглись, и в очередь живьём
ложились в мглу, что жгла живей, левее,
больнее сердца. Где она жила,
уже не сердце тёмное болело –
весь мир по эту сторону стекла
стоял и ждал, когда б ему велела
пройти насквозь – уже не твердь, не тьма,
а ткаявая себя в лучах проёма
златая и молочная, как Мать,
Его Жена, строительница Дома.

***

Приказ быть неопознанным. Крепясь,
как треснувший остов левиафана,
скрипя ребром, внутри себя вцепясь
в нить, что не Ариадна, но Омфала
заставила – постыдный труд! – сучить,
мять, прять, как красть у подвигов отцовство...
В такую тьму повержен быть учиться,
что глянешь в сердце – и увидишь Солнце.

Альбина Тумерова

СТАРЫЙ ДОБРЫЙ ПЛАЦКАРТ

Вноль часов пятнадцать минут я вошла в полутёмный вагон поезда. Многие спали, традиционно пахло воблой, колбасой, человеческим телом. Похрапывали, сопели, тихо переговаривались. Мне досталось место верхнее возле туалета. Нижние соседи проснулись от моей возни, немолодой мужчина мокрозвонко причмокивал, пытаясь, видимо, извлечь кусочек пищи. Жена сделала ему замечание, он лишь огрызнулся в ответ и тяжело перевернулся с одного бока на другой.

Я сняла верхнюю одежду, уложила вещи на третью полку, расстелила постель и мгновенно уснула...

— Галя, кофе три в одном купи! — и я проснулась.

— У нас «Нескафе» есть! — донеслось глуше.

— Я с молоком хочу! — и мужик смачно, до кишечного выворота, закашлялся.

«Курильщик со стажем», — подумала я.

Две головы: одна почти уже лысая, другая когда-то выкрашенная в бордово-свекольный цвет теперь серебрилась, серела сединой на макушке. Крошечный кусок колбасы, отскочив от губ, нырнул в межгрудье, в то самое ущелье, и никто этого не заметил.

Завтракали они громко, их булки крошились на стол и под стол. Помидоры, не желающие разрезаться тупым ножом, мялись и текли, и мужчина хлебным мякишем промокнул со стола жижу и отправил себе в рот. Чуть позже, когда уродливых красных ломтей осталось мало, супруги выяснили, что помидоры-то, оказывается, были немытые, муж и жена друг на друга понадеялись. Ужаснулись тому, что и

огурцы, которые они ели вчера, и яблоки — все было немытое! Пожилая женщина принялась ругать мужа, что, дескать, она дала ему пакеты и велела намывать всё как следует в дорогу, а он ей — не было такого! Перебранка длилась минут пять, в конце которой супруги решили, что опасно доедать оставшиеся три ломтя немытого помидора и сунули их в битком-набитый отходами пакет от постельного белья. Со стола убирать они не собирались — сразу после трапезы рухнули каждый на свою полку, мужчина развернул газету, а женщина... достала планшет (кто бы мог подумать!), долго елозила пальцем по экрану и включила какое-то видео. Наушников у неё не было, потому мне пришлось прослушать передачи для домохозяек вроде «Давай поженимся» и «Пусть говорят». Я дважды попросила убавить громкость, но женщина этого не сделала и ничего мне не ответила, хотя я понимала: она слышала. Всем сердцем возненавидела я противную старуху! Читать не получалось — слишком много беспросветной тупости на квадратный метр. Господи, я ведь лежу, пытаюсь читать Новый завет, и проклиная неудобную мне пожилую женщину. Прости, Господи, что не выношу подобные Твои творения, что ненавижу их и желаю зла, потому что они посмели меня задеть!..

О, не помогает, не помогает, совершенно не совпадает! Шепчу одно, а сердце: «Сдохни, тварь», — твердит, и, главное, легче, гораздо легче, чем от молитвы! Невыносимо мне находиться среди средних, донельзя простых, беспардонных! Как только меня задевают гру-

бостью или резким словом, вместо того чтоб простить, не заметить, я всем сердцем проклиная человека.

Новый завет положила под подушку и отвернулась к стене. На моё счастье, планшет вскоре разрядился. Некоторое время мы втроём лежали в тишине. Эти два недоразумения убаюкались монотонным качанием поезда, а я лежала с распахнутыми глазами. И зачем я взбунтовалась? Да так глубоко, что теперь чувствую боль и опустошение? Сколько раз приказывала себе: позволь людям быть такими, какие они есть, этому миру позволь быть таким, сама будь собой и честно делай своё дело. И неужели мы с ней, вот с этой вот, одинаково любимы богом?! Гордыня, мать её! Когда уже научусь, когда достигну, когда же сердце моё станет добрым, когда же смогу подставить вторую щеку или всю жизнь так и буду «сдохни, тварь», а потом каяться, маяться, сожалеть... Успею ли я пожить на этом свете хорошим, добрым человеком?

Одно время я сторонилась людей, но «возлюби ближнего своего» не давало покоя, уж я порой так старалась возлюбить, что ненависть к несовершенству человека усиливалась, я очень тяготилась тем, что вынуждена находиться рядом. Тогда я придумала вот что: пыталась в человеке увидеть бога, кусочек бога, маленькую крупицу бога, ведь совсем без бога человек не бывает, и умудрялась её, эту крупицу, находить (или придумать), и было легче выдержать человека, порой удавалось даже испытать к нему тепло...

Всю дорогу, почти тридцать часов, мы ехали втроём, четвёртый человек не появился. Присесть за стол пожилые супруги мне так и не предложили, я ходила пить чай на боковое место и вновь взлетала на свою полку. Мужчины и женщина по-прежнему раздражали своей невоспитанностью, нетактичностью, неумением вести себя в общественном месте, своим молчанием и своими разговорами. Разговаривали они, только когда принимали пищу, всё остальное время кричали, сморкались, кашляли и вздыхали. Мужчина (я не ошиблась, это был курильщик) украдкой дымил в туалете, и запах его вонючих, найдешёвейших сигарет противно висел в воздухе. Мне очень хотелось пойти пожаловаться, но я сдерживалась. По-

сле очередного перекура я пролепетала что-то вроде «меня тошнит», а он ответил: «Ты ж не беременна». Его жена, видимо, испугавшись, что я могу сказать проводнику, решила задобрить меня яблоком — вытянула вверх руку, в которой только что держала носовой платок. «Съешь», — единственное, что она мне сказала за всю дорогу. На яблоко налипли крошки от печенья, и пахло от него копчёной курицей.

Ни найти, ни придумать крупицу бога ни в нём, ни в ней не получалось. Едем дальше, три чужих человека. Супруги воткнулись каждый в свой сканворд и время от времени задавали друг другу вопросы и друг друга поддевали: «Как?! Ты не знаешь, кто написал «Три товарища»? Ну ты и дура!» — «Так ответь кто, умник!» — «У дощечки своей спроси». Я вдруг ощутила себя частью их жизни. Представила, что, например, единственная возможность продолжить свой земной путь — заботиться об этих людях, быть рядом изо дня в день, вести беседы, есть за одним столом... Какая пытка! Муж и жена, лет сорок, наверное, а может, и все пятьдесят прожившие друг с другом, стали, похоже, настолько близки и так хорошо друг друга знали, что вновь сделались чужими. Ведь чужой — это тот, о ком ты не знаешь ничего или знаешь слишком много.

На станциях мы, будучи далеко не скоростным, не фирменным, а лишь скромным пассажирским поездом без биотуалетов, стояли подолгу. Чем ближе к Ростову, тем теплее сентябрь. Несколько раз за день я выбиралась на станциях, стояла под солнцем, даже купила крупных семечек у худящей маленькой старушки, мне почему-то стало жаль её. Голос её был мягок, добр, ласков, а глаза ясны и взгляд глубок. Когда старушка, отдав мне газетный кулёк, прошла мимо нашего вагона, я сыпнула семечек на асфальт. Мгновенно слетелись голуби.

В детстве я увидела, как на дядю Витю, старика с первого этажа, сел голубь, на грудь сел, когда гроб с дядей Витей во дворе стоял. Тётя Нина, жена его, прошептала тогда: «Ангел по душу Виктора прилетел». С тех пор мне казалось, что каждый голубь на свете рассчитан на одного умершего человека, что, когда людей хоронят, голуби прилетают, чтобы забрать

душу на небо. И когда я видела много голубей, стаи голубей, я представляла много мёртвых людей. В доме, где я жила, часто умирали, в год три-четыре человека, и я бегала смотреть, как прощается с жильцом двор. Мне почему-то нестрашно было смотреть, меня завораживали похороны, но я не любила, когда плачут, мне нравилось, когда тихо переговариваются. И я каждый раз ждала голубя и очень переживала, потому что лишь однажды, когда прощались с дядей Витей, я увидела птицу и услышала голос тёти Нины: «За душой прилетел». К нему прилетел, а ко всем остальным опаздывает... Душа останется под землёй и уж не выберется на небо никогда.

Уже во взрослой жизни я всё ещё иногда всерьёз думаю, что каждый голубь, пусть даже самый облезлый и помоечный (уж каков человек, таков и его голубь), приставлен к душам, у каждого голубя — свой покойник, и, если голубя не подкормить, он не успеет вовремя долететь, сесть на грудь и отнести душу на небо. Конечно, я понимаю, что ерунда это полная, а всё же не подкормить не могу...

Маленькая, воздушная, почти святая пожилая женщина, хотелось догнать её и купить семечек ещё. Я скормила птицам почти всё, оставив себе лишь небольшую горстку. Чтобы отучить меня от вредной привычки лузгать, мама говорила, что перед продажей в горячие семечки люди погружают ноги, это избавляет от боли и просто полезно. Я представила, как старушка лечила ноги в этих семечках и, пока сидела, погрузив по щиколотку, мастерила из газеты кульки, а когда боль ушла и семечки остыли, она аккуратно высыпала их в кульки и поспешила к поезду.

Проводник велела пассажирам вернуться. В тот день горстка семечек была единственной моей едой, и я не испытывала чувства голода, и, несмотря на духоту, мне не хотелось пить. И вдруг я поняла, что купила не потому, что пожалела старушку, а потому что мне позарез надо было что-то от неё, кусочек её получить, потому что одного взгляда на неё было достаточно, чтобы понять, что в ней не надо искать крупицу бога, не нужно её выдумывать и цепляться — она вся и есть бог. И когда она умрёт, к ней слетит самый белый

Рисунок Вилены Муллагиловой

голубь на свете и отнесёт её душу на седьмое небо. А вот эти — голуби моих попутчиков — рваные, грязные, вечно голодные — сколько ни сыпь им — клевать не перестанут, да и за душой вовремя не прилетят...

К вечеру все мои гаджеты разрядились, а спать ещё не хотелось. С болью чистюли-перфекциониста я отметила, что простыни моих попутчиков сползли с матрацев, да и сами матрацы норовили съехать с полок, плоские подушки задавлены были тяжёлыми головами проживших целую жизнь людей.

Вечером, когда уже начали спускаться сумерки, состав наш вновь встал минут на двадцать, но не на станции, а просто на путях — мы пропускали скоростной поезд. Супруги, думая, что это полноценная остановка, отправились было подышать, но проводник их не выпустил, мужчина, должно быть, упрасивал открыть дверь, чтобы, стоя в тамбуре, покурить. Минут пять их не было. За это время я успела спорхнуть с верхней полки, стряхнуть простыни и без единой морщины натянуть их на матрац, взбить подушки и выбросить, наконец, готовый разорваться от мусора хиленький пакет, вместо него повесить пустой. Сделав это, я вновь взо-

бралась наверх и отвернулась к стене. Не знаю, то ли меня сильно раздражал неряшливый вид, то ли хотелось как-то позаботиться об этих тяжёлых во всех смыслах людях, то ли мне было стыдно перед богом за моё к ним раздражение, но интересно то, что, вернувшись, ни один из них не заметил перемены, не заметили они и отсутствия мусорного пакета. Как ни в чём не бывало уселись за стол и громко начали разговаривать, потому что собрались поесть.

И вдруг я поняла, что попутчики раздражали не столько неряшливостью и неуважением к другим, а своей нелюбовью друг к другу, усталостью друг от друга и от жизни, своей старостью. Бывало, я боролась с собственной тихой злобой к людям, заставляла себя мгновенно переменить отношение — ведь любое раздражение от гордости. Почему люди раздражают меня? Потому что я ставлю себя выше их. Он — неугоден моему величеству... Мудрость преподобного Амвросия Оптинского, как и мудрость многих других священнослужителей, сердцем не принимается, мало во мне бога, мыслить по-христиански совершенно не умею, да и учиться не особо стремлюсь. С сожалением не раз отмечала в себе, что невыносимо далека от единственно верной истины, что в жизни меня волнуют моё удобство, моё спокойствие, моё удовольствие. Смирением и не пахнет. И как Бог всё ещё терпит меня?

Засыпая, я размышляла о том, что моя соседка с серебристо-серой макушкой и свежесколько-бордовыми концами волос и та воздушно-святая, абсолютно седая, что продала семечки, — ровесницы, а вот от одной я не смогла и яблоко съесть, а от другой сгрызла семечки, думая, что они, прежде чем попасть ко мне в руки, согрели её ноги.

В Ростове настоящее бабье лето, двадцать градусов тепла. Мои попутчики ехали дальше, но в Ростове, как и на других станциях, вышли на улицу. Мужчина закурил, женщина, заложив руки за спину, медленно прохаживалась.

Когда я со своим огромным рюкзаком спускалась с поезда, мои попутчики вдруг с ужасом поняли, что я их покидаю, и оба, не сговариваясь, подошли ко мне и не то разочарованно, не то испуганно поглядели. Мужчина, вспомнив вдруг, что меня от курева тошнит, выбросил под поезд только что начатую сигарету. «Уже уходишь?!» Мне показалось, они едва сдержались, чтоб не вцепиться в меня. «Ты так тихо сидела там наверху, — проскрипел мужчина. — Мы с женой даже и не поругались ни разу».

И я подумала, что, возможно, стала им чем-то таким, как для меня та старушка с семечками.

«Хорошего отдыха», — сказала я.

И тут страшно расхохоталась женщина: «Отдыха! Ха-ха-ха! Мы не отдыхать едем, сына хоронить!» — она достала платок и промокнула выступившие от смеха слёзы. «Чё сразу хоронить, может, это ещё и не он!» — огрызнулся муж.

Тем временем проводник велел всем вернуться в поезд. «Не он, так отдохнём, а он, так похороним, чё. Первый раз, что ли! Ну, зашла, зашла! Иди давай, а то в Ростове останешься!»

И мужчина взобрался по ступеням и исчез в вагоне. Женщина от смеха всё никак не могла ухватить поручень, а ухватив, не могла поднять ногу на ступеньку. Казалось, она сейчас покатится по платформе в истеричном своём смехе. Я сняла рюкзак, влезла в тамбур и оттуда ухватила мою попутчицу, а проводник толкал её хохочущее тело снизу. Мы сумели втащить её в поезд, я приняла на себя плотное тело неприятной мне женщины, но совершенно не почувствовала тяжести.

«Думаешь, он это?!» — жадно спросила она.

И я увидела, что она не смеется, это она так плачет. Будто бы смеется, а на самом деле это плач у неё такой, не как у всех людей.

«Шесть лет уж ездим! Всё не он!»

Я спрыгнула, и поезд медленно поехал дальше. ■

Поэт, пародист, издатель. Родился в г. Невель Псковской области. Автор множества книг – серьёзных и несерьёзных. По профессии – учитель с большим педагогическим стажем. Лауреат Третьего поэтического фестиваля памяти Поэта (Израиль), премии журнала «Флорида» (США), премии «Золотой телёнок» (Россия). Председатель Международного Союза Писателей Иерусалима Федерации Союзов писателей Израйля, член реколлегии альманаха «День Поэзии».

Евгений Минин

ИЗБРАННЫЕ ПАРОДИИ

ОЧЕЙ УЧАРОВАНЬЕ

*Жизнь моя – как заболоцкость чья-то – свет, которым отмерзал сосуд.
Эдуард Учаров*

У меня повсюду многозначность, посреди лирических забот. Иногда нахлынет пастерначность – рифма в мозги стукнет – и убьёт. Жизнь моя есенинскую ранью мчится вдаль на розовом коне, и родных стихов учарованье – просто как мурашки по спине...

ГРАБЛИМОЕ

*Никакие мы не грабли,
На которые сто раз...
Елена Сунцова*

Мы, поэты, не брикеты,
Сочиняем каждый день.
Недослышаны, не спеты,
Не коса и не кремь.
Мы не пушки, мы не сабли,
Не алмаз, не аметист.
И, конечно, мы не грабли,
Грабли – это пародист.

ИЗБОКОННОЕ

*Куда податься? Догорели избы
и рукописей жухлые листы.
Галина Илюхина*

Да здравствует эпоха феминизма,
дискриминация уже идёт ко дну,
Под Комарово все сгорели избы,
и я во все входила, как в одну.
Моя душа от жизни расцветает,
к чему литературная возня, –
коней неукротимых не хватает –
пол-Питера отдала б за коня.

СЛУЧАЙ В БАНЕ

*Там фривольная монголка моет ноги при свече
и у Пушкина наколка «В.В. Путин» на плече.
Александр Кабанов*

Получил письмишко с бранью, присланное в номер «Шо»,
где меня послали в баню, раз послали – я пошёл.
В бане видел, как в киношке, не сочтите за брехню:
там монголка мыла ножки так фривольно в стиле ню.
И ещё – на верхней полке я увидел при свече:
Тёзка Пушкин при наколке «В.В. Путин» на плече.
А на попе – без обманов, сквозь парилки едкий пар,
разглядел – «А.М. Кабанов!»
Представляете – пиар!

ОБ ЖИЗНИ

*Тяжело душе в ночи бессветной.
Жутко на отшибе бытия.
Как рулон бумаги туалетной,
Рвано убывает жизнь моя.
Лев Котюков*

Жизнь моя как молнии зигзаги.
Жизнь моя, чего не снится мне.
Ты похожа на рулон бумаги,
Что висит в уборной на стене.
Убываешь, жуткая, без звука,
Жизнь, ты не спеши трубить отбой!
Но поверь, какая ж это мука,
Подтираться каждый день тобой.

ПОДГРИБАЛЬНОЕ

*когда я воскресну то буду грибом
в знак кармой оказанной чести...
Алексей Цветков «Песни и баллады»*

высокая кармой оказана честь
мне будет когда я воскресну
и буду из почвы стремительно лезть
навстречу труду и прогрессу
полезу под критики едким дождём
я вверх с горделивой осанкой
кем буду не знаю – маслёнком груздём
а может и бледной поганкой

НАСЕКОМНОЕ

*Нам нужно не забыть между делами:
мы тоже бабочки с прекрасными крылами,
за нами вслед встанут – неясные пока –
поэты – шелкопряды языка...
Светлана Кекова*

Все мужики-поэты – стихопряды
выводит их язык одни рулады,
в стихах он заплетается порой
от водки, заедаемой икрой.
Другое дело – бабочки-стишницы,
рифмовницы и строчек мастерицы,
Порхаем между премий, нам знакомых,
в литературном мире насекомых...

ДЕТСКИЙ СТИШОК

*Где же папа? Вот напасть!
Заглянули кошке в пасть.
Заглянули в унитаз.
Папы нету. Вот так раз!
Маша Рупасова*

Ищет, ищет мама папу.
Всё нашла – штаны и шляпу,
Галстук есть, а папы нет!
Заглянула в туалет.
И, приблизясь к унитазу,
Догадалась мама сразу.
Стал ей белый свет не мил:
– Дети, кто тут папу смыл?

НАПЛЕВАТЕЛЬНОЕ

*Я не люблю людей. Природу?
Ну, так – когда по ней гулять.
И точно знаю, что народу
взаимно на меня плевать.
Олег Хлебников*

Когда гуляю по природе,
то на природу наплевать.
Народу тоже стыдно вроде
меня, известного, не знать.
Как все людишки доконали,
обрыдли, Господи прости!
Я и печатаюсь в журнале,
чтоб их со свету извести...

ПЕЩЕРНОЕ

*Чтобы осталась хоть горстка, исписывай гору,
гуру один говорил, а я не пишу ничего
и, забываясь в пещеру (платоновскую), как в нору,
тем и питаюсь, что вижу из сна своего.
Олег Чухонцев*

Что сочиняю – не всё принимайте на веру,
но как питаюсь – могу рассказать между тем.
Я залезаю во сне в (платоновскую) пещеру,
то, что приснится, всю ночь беззастенчиво ем.
Днём без еды сочиняю стихи, мемуары,
и за творенья не смейте меня упрекать.
Честно признаюсь – за нынешние гонорары
рифму приличную даже не стоит искать.

СПОРТИВНОЕ

*Сказать, какой? Но я и сам не знаю,
Удобно ли в таком признаться сне?
Что я в футбол с Ахматовой играю,
Пасую ей, она пасует мне.
Александр Кушнер*

Мы как-то раз с Ахматовой играли
В футбол – подумать, что приснилось мне!
А Рейна вместе с Найманом не взяли –
Они страдали горько в стороне.
Недолго пасовался со старушкой,
И получалось всё у нас о'кей.
Я спал в трусах, а завтра лягу с клюшкой,
Чтоб погонять с Андреевной в хоккеей.

НЕ НА...

*И тут пошёл такой дербент,
и непонятно, кто враги:
кто протестующий, кто мент:
копыта, клювы и клыки...
Сергей Мнацаканян*

Хлебал супец и пил кисель,
стихи писал, имел престиж,
но тут пошёл такой брюссель,
такой чудовищный париж.
Я положил на всё прибор,
пишу, как двадцать лет назад,
но тут пошёл такой босфор
что охватил меня асад.
Сижу в квартире сам не свой,
страдаю молча у окна:
пугают третьей мировой,
вот только этого не на...

► Гаухар Хасанова,
переводчик

Рузаль Мухаметшин

ПРЫГУН

Я впервые наблюдал Сикорского в таком гневе*. Он, конечно, и до этого, бывало, разносил в пух и прах солистов, когда те не могли взять нужную ноту. Но чтобы так беситься и выходить из себя — аж лицо пошло пятнами! — нет, такого раньше не было.

Но и я хорош...

Пытаясь завершить четвертый акт, я просидел всю ночь, утром ополоснулся холодной водой, чтобы разлепить покрасневшие глаза и немного освежить мозг, и к десяти утра явился на репетицию. Тот, кто знает, поймет: с первых же тактов в оркестре наметилось напряжение: оказалось, я во многих местах забыл проставить значок повтора. До сих пор сердце сжимается, стоит мне вспомнить, с каким с тяжелым уханьем, словно орел-могильник, партитура пролетела над моей головой. Пришлось тут же, на месте, срочно исправлять и переделывать.

Вспомнилось, что и до меня какой-то композитор пережил точно такую же ситуацию...

Только я завернул на улицу Касимовых, как зазвонил телефон.

— Да, Сергей Валерьевич?

— Ты же должен понимать... — художественный руководитель оркестра уже говорил спокойно — видимо, выпил целебного китайского чая. —

У нас мало вариантов. Или мы дорабатываем твоё произведение... — он немного помолчал. — Или всё к черту.

— Я же стараюсь, — сказал я, немного встревожившись: мне не хотелось убирать в стол произведение, в которое уже было вложено столько сил.

— Остался месяц.

— И того уже нет...

— И оперы нет.

— Будет.

— Ты должен сейчас жить исключительно этим. Надеюсь, ты не хочешь опозориться перед всем миром?

— На днях закончу.

— Ладно.

А ведь, между прочим, в договоре стоит условие — успеть к фестивалю «Казанская осень»! Разве я виноват, что кое-кто оказался больным на всю голову и заявил: «Покажем в рамках Универсиады»! Мне что, разорваться надвое? Один будет писать клавир, второй делать оркестровку... Эх! Пропустил свой въезд. Теперь придется объезжать несколько домов. Тем временем снова зазвонил телефон. Я раздраженно потянулся к трубке (о чем еще он забыл мне сказать?!) и удивился: на экране,

* Если кому-то покажется, что изображенные события или личности в какой-то мере ему знакомы, считайте, что это неслучайно. — Автор.

вместо ожидаемой фамилии, пульсировало имя «Аида». Ответить не успел: как только я подъехал к подъезду, телефон замолк. И тут же боковое зеркало отразило ее, несущуюся ко мне (жена тянула за руку Амира). У сына в руках был плюшевый заяц.

— Что это за дурацкое животное? — пробурчал я, вылезая из машины. — Тебе мало машин и танков?

— Ты сам животное, — сказала сухо Аида. — Это твой прыгун, который ты подарил на годовщину нашего знакомства, любимая игрушка Амира.

— А, прыгун, — сказал я, стараясь спрятать свой конфуз за интонацию безразличия. И в самом деле, я когда-то купил его в ГУМе за бешеные деньги, за которые вполне мог бы приобрести лошадь.

— Привет, брат, как дела?

Не ответив на приветствие, Амир спрятался за матерью.

— У меня к тебе просьба, — сказала Аида с ужасающе серьезным видом. Меня всегда пугала эта ее манера говорить (женщинам, вообще, не идет быть серьезными). Так случилось и в этот раз — я встревожился.

— Сначала зайдем ко мне, небось, не чужие люди.

— Теперь чужие, — обрезала она, но все же решила зайти.

* * *

— Только на два дня, — попыталась она позвать к моей совести.

— Какие два дня! — я чуть не ошпарил себя свежесваренным чаем. — У меня каждая секунда на счету! Каждое потраченное мгновение бесценно.

— Не надо говорить со мной книжными словами, ладно?

— Через месяц премьера. А я даже не приступал к эпилогу. Как я могу взять ребенка?

— Что же мне делать?

— Пусть твоя мать посидит с ним!

Аида пронзила меня возмущенным взглядом и, когда холод из ее глаз благополучно перетек в мою душу, спросила спокойно, словно ничего не случилось:

— Ты дурак?..

Я хлопнул себя по лбу, и это был мой ответ. Да, я точно дурак!

— Тогда оставь его с Диной. Она же, как на заказ, сейчас в отпуске.

— В Турции?

— Тьфу, проклятье... Как говорится, друзья познаются в беде

Я вообще не перестаю удивляться родителям жены. Ее отец — полковник. Живет в Москве. Впрочем, если верить Аиде, скоро придется говорить «жил». У него случился инсульт. И он сейчас в тяжелом состоянии. Мать Аиды как угорелая села на первый поезд и посреди ночи отправилась в путь. Вот скажите мне, на кой черт?! Вы разведены по закону. Всё! Вы теперь друг другу никто! У вас нет никаких взаимных обязательств! Можете расслабиться и жить в свое удовольствие! Вы уже не вместе. И если кто-нибудь из вас собирается куда-нибудь отправиться (скажем, на тот свет), то пожалуйста, теперь это никак не касается другого. Не лезьте друг к другу! Объяснить бы это ее матери...

— Может, тебе не стоит ехать?

— Как это? — Аида растерялась. — Это же мой отец...

И Аида подключила свое самое страшное оружие — слезы. Это очень надежный прием, который она применяет с большим удовольствием и со знанием дела и который завершается молчаливой капитуляцией противной стороны, меня то есть. Это прием, тысячу раз испытанный и тысячу раз себя оправдавший. Потому что я не могу видеть слез... Вернее, я их боюсь. Каждый раз кажется, что ее слезы, беззащитно стекая с крыльев носа на подбородок, огненными каплями прожгут мое нутро, опалят сердце, обуглят душу.

— Это же мой отец...

Я мельком взглянул на Амира. Он возился с моими документами, вытряхнув их из барсетки. Пока Аида не поднялась в последнюю атаку и не поставила в споре жирную точку, я выхватил из рук сына бумаги и, не дожидаясь, пока он скривит в плаче губы, быстро включил телевизор — сын без слов принял это предложение. На экране показывали мультфильм о Татарстане.

— Поезд отправляется через два часа. Завтра я буду там. Послезавтра в десять вечера сяду на обратный поезд. В семь утра в субботу буду в Казани. Я пошла.

– Не делай этого...

Аида умела жалить. Не торопясь, пропитав каждое свое слово ядом, она спокойно сказала – словно плюнула мне прямо в самое сердце:

– Ты два года не мог быть ребенку отцом. Попробуй хотя бы два дня.

Впав в странное оцепенение, я краешком сознания уловил, что жена, обнимая сына, что-то объясняет ему, – сказанные ею слова, растекаясь по венам, уже успели деморализовать мое тело и сознание. И я лишь догадался, но не видел четко, как открылась входная дверь и Аида растворилась в темноте подъезда. Не слышно было и стука захлопнувшейся двери. Лишь пахнувший в лицо холодный ветерок словно отрезвил меня. Рядом нетерпеливо крутился Амир:

– Где мама?

– Уехала.

– Куда?

– В Москву.

Сын взобрался на диван и затих, обняв прыгуна.

Что же делать с этим ребенком?.. У меня дел невпроворот.

– Хочешь спать?

– Не-а...

– Хочешь есть?

– Да-а...

Зайдя на кухню, я распахнул дверцы шкафчика: китайская лапша, кофе, мука... полба! Сейчас я сварю кашу. Потом уложу его спать. Потом буду работать, решил я. Взяв с подоконника сочное яблоко, гревшее свой румяный бок в лучах вечерней зари, я протянул его Амиру:

– Погрызи пока.

Когда каша была готова, Амир показал свой истинный нрав. Сначала, зацепив кончиком ложки кашу, он попробовал и пришел к выводу: «горячо», и отодвинул кашу в сторону. Я начал перемешивать кашу и дуть на нее, чтобы остудить. Но сын все равно отодвигал ее от себя:

– Не-а, не буду...

– Будешь, – говорю я.

– Не буду!

– Будешь, а потом спать! – стою я на своем.

– Не-а! Не буду спать! – настаивает сын на своих правах, но он явно переусердствовал с применением силы, поэтому тарелка летит на пол и разлетается вдребезги.

С трудом сглотив огненный комочек, уже готовый вырваться наружу, я промолчал. Положил кашу в другую тарелку и поставил ее перед Амиром:

– Только попробуй не съесть! – Я был зол, и мой голос теперь звучал грозно. Амир настороженно замолк. Уже идя в ванную за тряпкой, я уловил за спиной легкое эхо его голоса:

– Всёявно не буду...

Пока я вытирал пол и отмывал тряпку, каша из тарелки исчезла. Но торжество от одержанной победы было недолгим, барабан моей души, уже готовый отбить победоносную дробь, разорвался надвое, не дождавшись даже прикосновения палочек... Устремив на меня взор, наполненный светом невинности, ребенок поделился своей радостью:

– Папыгун покутал.

Прыгун был весь в каше. Но я и не думал злиться. И не стал бы злиться... Если бы случайно не посмотрел в сторону стиральной машины: из секции для закладки порошка, пенясь, выкипала каша.

– Ээээх... мать твою!

– Папыгун не кател, – прояснил ситуацию сын.

– Сейчас же иди отсюда, свинёныш! – прикрикнул я.

Амир вскочил на стул и с независимым видом заявил:

– Нет! Сам иди!

– Не спорь! – сказал я.

– Нет! – сказал он.

– Ах, вот я тебя!..

– Нет! – возразил он, нисколько не понижая тона.

К этому моменту все мои чувства уже кипели, погромыхая крышкой моего бедного тела. Разбрасывая направо и налево «жемчужины» слов, которые в одну секунду уйдут из памяти, я схватил Амира за шкирку, как слепого щенка, и закинул в зал. Наконец, сын не выдержал и разревелся...

Когда я закончил чистку стиральной машины, ребенок уже успокоился, но все еще всхлипывал, лежа на полу в той же самой позе, в которой я его оставил. Своей ладошкой величиной со спичечную коробку он поглаживал палас и всхлипывал... И хотя сердце мое сжалось, я не нашел

в себе силы подойти, обнять, утешить. Нечего. Не стану баловать. Пусть осознает свою ошибку. Сам подойдет!

* * *

Утром я проснулся от того, что на меня, кажется, рухнул потолок. Не придавило ли Амира? Где он? В глаза словно засыпали стеклянной пылью — веки невозможно открыть, режет глаза. Я уперся рукой о стену, и квартира перестала качаться, и от сердца отлегло: передо мной стоял сын с моим ботинком в руках.

— Где пыгун? — были его первые слова.

— Нельзя бить папу, — сказал я. Еще не совсем очнувшись, я выдернул у него из рук ботинок. Сколько я спал? Один час? Полтора часа? Я вытряхнул из своей спутанной шевелюры дорожную пыль. — Больше так не делай.

Пытаясь ладонями собрать в кучу раскаляющуюся голову, я поплелся в ванную. Нет, мир все еще плыл. Он все еще не нашел себе берега, чтобы причалить.

Амир с нетерпением дождался, пока я отцеплю уши Прыгуна. Не дав ему упасть на пол, подхватил и обнял:

— Пасиба.

— На здоровье.

После кружки крепкого, как деготь, кофе мне немного полегчало. Я протянул Амиру кусок хлеба с колбасой:

— Сядь, ешь.

Прихватив вчерашние черновики, вышел в зал. Приведя в порядок свои несчастные мятые записи, я попробовал в меру своих сил (голос у меня тот еще!) напеть мелодию: «В каком столетии ты осталась, жива ли ты, как ты, моя родина?». Снова пропел. И снова. Что-то пронзило меня до мозга костей, нежная грусть заняла в висках. И в сердце что-то захлопало крыльями. О Рабби... Я ли это написал? И в самом деле — я ли?!

Это всё магия ночи. Когда суета и заботы окунаются в черный омут, жизнь словно стряхивает с себя седло — она обнажается, возвращается к своей дикой чистоте и невинности. Надо научиться слушать это время. Темное безмолвие, если уметь слышать, хранит в себе удивительно глубокие чувства. Напряди себе неспешно нитей, сколько душа твоя пожелает, сотки полотно своего нарождающегося произведения.

Тысяча благодарностей тебе, тысяча поклонов, о Рабби! Тысяча молитв за то, что выбрал меня, своего земного сына, разносить по свету твое божественное чудо! Не позволяй моей душе покрыться накипью. Не оставляй без вдохновения. Не лишай меня этой божественной мелодии... А ты, мир, прислушайся, коли имеешь уши, да услышь: «О, наша ханбике, постой, не плачь, ради всего святого, вытри слезы, — ведь есть еще надежда...» Звучание даже самых простых слов музыка может возвысить, придав им свет божественного начала, окунув в неземные цвета вечности. Прислушайся, вселенная: ведь это же ге-ни-аль-но!..

Однако торжество мое было недолгим, реальность быстро спустила меня из висячих садов фараона на грешную землю: на пороге возник Амир, он пританцовывал на подозрительном коричневатом-желтом пятне и недовольно ощупывал доньышко своих штанишек:

— Я покакал.

О Рабби, еще два дня, осталось еще два дня!..

* * *

Сегодня двадцатое июня. Четверг. Пришло время платить по ипотеке. А если не успею? Чем там угрожают, если не успею?.. То ли очередь отодвинется на несколько ступеней назад, то ли вообще выпадет из нее, — подробностей не помню. Да и не все ли равно? Надо успеть! Каждый месяц, дожив до этой даты, я отодвигаю в сторону все остальные мысли и стараюсь оплатить требуемую сумму вовремя. Слава богу, в это раз деньги есть. Я получил аванс за оперу. Надо просто перевести их с книжки на счет фонда.

Машина, въехав во двор банка и оказавшись перед огромным величественным зданием, словно растерялась; пристроившись на свободном местечке рядом с ярко-красным Дэу Матизом, она выдавила из своих железных легких последний вдох и затихла. Захлопнув дверцу, я осмотрел здание, упирающееся в небо: кто только здесь не ходит, какие только события в их жизни не происходят, какие дела не делаются, какие деньги здесь не крутятся! Это — царство сухих цифр и мертвых бумаг, заполненных сухими цифрами. Бедная бумага! Ведь на нее лучом божественного света могли пролиться и стихи! Ведь на эту бумагу мелодией божественного начала могли

просыпаться и ноты песни! На ней, как отражение взгляда небесного творца, могли отпечататься картины природы! Но они обречены всю жизнь хранить на себе холодные, бездушные и, несомненно, небожественные цифры.

— Сатри, сатри! Акбаус! Это — акбаус! — закричал Амир.

Действительно, напротив, на каменном сооружении, имитирующем скалу, нежась в прохладе бьющего снизу фонтана, разлегся величественный барс.

— Откуда его знаешь?

— В мутике есть акбаус. — Амир опустил на колени, оперся левой рукой в траву, второй рукой подпер подбородок и открыл рот: — Вот такой акбаус.

— Точно, — рассмеялся я. — Молодец, пошли, найдем в банк.

— Нет! — отрезал он. — Я буду сматеть акбауса.

— Ты уже посмотрел. У папы есть дела. Пошли.

— Нет! — стоял сын на своем. — Сматеть акбауса.

— Потом посмотришь.

— Нет! Вот такой акбаус.

Он снова встал на колени и, вновь оперев левую руку в траву, оперся подбородком на правую и открыл рот. На этот раз мне уже было не смешно. Не реагируя на его протесты и слезы, я подхватил сына подмышку и направился к входу.

Мы уже были почти у кассы, но сын и не думал успокаиваться. Ища поддержки, я огляделся по сторонам: к счастью, в уголке стоял какой-то дядечка в очках с толстыми линзами и чесал свою ступню о порожек. У него были впалые щеки, и вся левая сторона его тела как-то странно отвисла, — может, оттого что он держал в руке истерханский портфель. Я попросил его пригрозить сыну пальцем и сказать «нельзя!». На детской площадке, стоило какой-нибудь взрослой женщине сказать это Амиру, когда он шалит или капризничает, сын успокаивался в мгновение ока. Правда, эффект длился всего пять минут. Но сейчас мне этих пяти минут хватило бы за глаза. Однако (то ли дядечка был страшный, то ли он переусердствовал с возложенной на него ролью) стоило ему в перерыве между сморканиями прикрикнуть: «Нерр-зя!», как Амир вцепился в мою ногу и оглушающее завыл в два... да где там! — в три раза сильнее!

Когда я протягивал сберкнижку миловидной девушке, сидевшей на кассе, ребенок все еще не успокоился. Ухватившись за мою ногу, он крутился вокруг нее, внимательно осматриваясь по сторонам:

— Дяди нет, дяди нет.

— Разрешите ваш паспорт, — сказала кассирша.

— Пожалуйста.

А Амир все твердил свое:

— Дядя усёл.

Внимательно изучив паспорт, девушка, считавшая себя, судя по всему, украшением мира, выразила соболезнование:

— Ваш паспорт недействителен.

— Как это?

— Дядя хьюса, — сказал Амир.

— В нем есть записи, не предусмотренные постановлением правительства № 828.

— Какие записи? — спросил я, не скрывая раздражения. — Ничего там нет.

Однако, к сожалению, на второй странице, который она мне продемонстрировала, прижав к стеклу кассы, и в самом деле, была нарисована косоглазая перекошенная рожа с перебитым носом и с торчащими во все стороны синими волосами.

— Со-о-о-нсе, — с удовлетворением протянул Амир.

— Мать... твоя... женщина! — Я снова повернулся к кассиру. — Мне нужно срочно перевести деньги.

— Это невозможно.

— Вы меня, наверно, не поняли. Повторяю: мне нужно только перевести деньги.

— Я хорошо вас поняла. Но ваш паспорт испорчен. Поменяйте.

— Страница с моей фотографией есть? Есть! Страница с пропиской есть? Есть! Может, вы бы придрались к вкладышу на татарском языке, но его у меня и так нет. Что вам еще нужно?

— Извините. Ничем не могу помочь. До свидания.

Прежде всего я мысленно отругал себя: идиот! Кто в двадцать первом веке хранит деньги на сберкнижке? Сейчас я мог бы просто пойти к банкомату...

Мы вышли на улицу, и на свете не было никого, кто радовался бы так сильно, как Амир. Пока я горестно вздыхал, он уже подбежал к фонтану:

– Это акбаус!

Прервав мои невеселые размышления, зазвонил телефон. Имя, отразившееся на экране, окончательно разбередило мне душу, погрузив в еще более печальное состояние.

– Добрый день, Сергей Валерьевич.

– Надеюсь, ты сейчас с головой погружен в процесс созидания?

Пытаясь скрыть свои чувства, я ответил:

– Разумеется.

– Ладно, правильно.

– Нет времени даже сходить в туалет. – Я, конечно, перегнул палку, но мои слова понравились маэстро.

– Четвертый акт закончен?

– Как раз заканчиваю.

– Всё еще?..

– Сегодня завершу.

– В ближайшие дни ты обязан жить только работой. Забудь обо всем. Не выходи из дома. Работай день и ночь, пиши, пиши! Иначе мы пропали, – тяжело вздохнул он, перед тем как положить трубку.

И вот удивительное дело: в этот момент надо мной словно небеса раскрылись, и я вспомнил своего близкого знакомого. Писателя Мурата Дусая. Впрочем, он теперь тот еще писатель... Уже давно ничего не пишет, кроме смс-сообщений. Может быть, он и прав. В то прекрасное время, когда общество не прислушивается к печатному слову, не нуждается в нем, какая польза расходувать типографскую краску? Останется больше на рекламу пива. И опять-таки – экономия бумаги. В такой обстановке примыкать к торжествующим псевдопоэтам, заполонившим сад поэзии, подобно сорнякам, неприлично, да что там – просто преступление.

Короче, Мурат Дусай, с какой стороны на него ни посмотри, хороший человек. К тому же у него полно друзей и знакомых. Возможно, пришло время поинтересоваться, как у него дела?

– Ассалам! – сказал я и начал было излагать свою просьбу, но он уже все понял.

– Иди к Алсу, – сказал он. – В паспортный стол на Дубравной. Скажешь, от Мурата Дусая. Она тебя не бросит.

Боясь спугнуть удачу, я вместил свою радость в простое слово «спасибо».

Если быстро сделают, то я избавлюсь от этого ипотечного платежа уже сегодня. Словно призрак, привидевшийся Гамлету в опере Марио Дзафреда, перед глазами предстал весь мой день: сейчас надо срочно ехать к Алсу... Кажется, в барсетке есть подходящая фотография... Затем поехать домой, перекусить, покормить Амира, потом поработать с оркестром... Далее по дороге домой заглянуть в банк. Пусть кассирша обалдеет!

Однако в составленный план мероприятий пришлось вносить серьезные изменения. Сначала следовало ехать домой и лишь потом браться за другие дела, потому что ко мне приближался абсолютно мокрый Амир, за которым тянулись ручейки:

– Пыгун купася.

Мое сердце словно забилося не в груди, а в висках.

– Ты что сделал?! – сказал я, шлепнув его по задку.

– Нитиво.

Его ответ взбесил меня.

– Ты перестанешь или нет?! Ты можешь себя вести как нормальный человек?!

Когда же вернется его мать? Когда я избавлюсь от этих тысяч забот? Когда я, наконец, сяду и засучив рукава возьмусь за свою работу?! Ей-богу, я сыт этим, надоело! Я устал смотреть за ребенком! Устал от выносящего мозг Сикорского! Устал от нескончаемой бумажной каши в этой проклятой стране! Надоело!

Сейчас весь мир собрался комом у меня в горле. ■

Продолжение следует

► Галина Булатова
преводчик

Фаниль Тилязов

РАЗГОВЕНИЕ

СУПРУГЕ МУЛЛЫ, БИБИМАМДУДЕ

Брошенный щенок не даёт уснуть,
Взгляд его растерянный давит грудь.
Вот таким щенком и Апуш глядел,
Провожая маму в последний путь.

Вышел родничок, между гор кружа,
И о камни билась его душа.
На своём пути сирота Апуш
Холода и горя не избежал.

Вот Сосна с Субашем – родимый край,
Речка, над которой звучал курай.
В эту ли речушку в печальный час
Горькую слезу проливал Тукай?

Головы склоняющих – череда,
А на камне выбито на года:
«Матери пророка подобна ты,
Мать поэта, славная Мамдуда!»

ЛЕТИТ К СВОБОДЕ ГОРДАЯ ДУША

Под сердцем у казанского Кремля –
Соединились в камне смерть и жизнь.
Колючей проволокой окружён,
Поэт и воин гордо смотрит в высь.

Железных пут ему не разорвать,
На теле страшных ран не перечсть.
Не пламенная кровь течёт из них –
А льётся обжигающая песнь.

О, сколько было узников таких,
Нерасторжимых с тяжестью цепей,
И сколько их, героев, полегло,
Чтобы спасти татарских сыновей.

И в память тех безвестных храбрецов,
Кто за свободу голову сложил,
Под сердцем у казанского Кремля
Стоит, как символ, каменный Джалиль.

Седует мир, уходят времена,
И плоть, и камень в пыль веков кроша.
Назло судьбе и узам вопреки,
Летит к свободе гордая душа!

***

Седлали мы коней, не зная скуки
И страха – всё под силу было нам.
Хозяева теперь – чужие руки
Игренывым послушным лошадям.

Сгорали племена, за власть враждуя,
Другие – восставали из огня.
Отдал ты жизнь за землю дорогую,
Кому отдал уздечку от коня?

Нет, нас не одолели бы, я знаю, –
Ведь мой народ выигрывать рождён! –
Не допусти чужих до акбузатов,
До их уздечек и до их стремён!

Когда твой конь крылатой песней признан,
Как можно его имя очернить!
Будь на коне! Любимая Отчизна
Должна свободной, как и прежде, быть!

Увы, в стране творится беззаконье,
Тебя лишили памяти отцов.
Тобой адресированные кони
Давно несут на крыльях чужаков.

Но мы же племя всадников отважных
И родились, чтоб в битвах побеждать.
А хорошо бы этот мир однажды
Взять под уздцы и крепко оседлать!

*Ангелина Шлемова,
Университет Талантов*

МЕДВЕДЬ И КАНАРЕЙКА

Жил да был Медведь. Царствовал он в дремучем лесу, но жизнь вел одинокую, скрытную, других животных обходил стороной. И жил бы он своей спокойной жизнью, да однажды стало ему скучно. Сто лет скучал, тосковал, ничему не радовался лесной царь: ни дню ясному, ни Солнцу красному. Осерчало бы Солнце, да больно уж доброе было оно: каждого обогреть старалось, каждому помочь стремилось, путь осветить, сердце отогреть. Пожалело оно и Медведя да говорит ему: «Свет мой тебя не радует, лучи мои тебя не касаются. Грусть и одиночество заполнили сердце твое. Вот, возьми от меня подарок — пусть он всегда с тобой будет, в любой момент тебя порадует». Солнце отколело от своего лучика кусочек и протянуло Медведю Канарейку. Ещё совсем мала и хрупка, но уже столь красива была птица: глазки её самоцветами сияли, каждое пёрышко янтарём сверкало.

Обрадовался Медведь подарку, побежал скорей домой, птенчика усадил, накормил. И Канарейке так хорошо от заботы стало, что она от счастья как запела свою дивную песенку — Медведю на сердце сразу так хорошо стало, что всю свою столетнюю печаль и скуку позабыл он. Век он не улыбнулся даже, а тут от уха до уха разубался, засмеялся, затанцевал. «Теперь, — думает, — уж никогда грустить не стану. Счастливо, весело заживу!».

Так и жили они, оба счастливы были, заботясь друг о друге. Шли годы, Канарейка росла, Медведь тоже не молодец. И вот однажды прокралось сомнение в сердце медвежье: а вдруг улетит от него Канарейка и бросит его одного? Тогда ведь опять грусть-тоска на него нападёт. Испугался Медведь, завыл, расшвирился.

Всех подданных своих, с которыми столько лет не виделся, собрал, каждому работу дал: кто самоцветы искать отправился, кто клетку мастерить, кто украшать её. Удивилось зверьё лесное, столько лет не видели Медведя, но дело свое выполнили. Вот клетка готова, да какая! Подстать птице: золотая, камнями украшена, дно бархатом обито. Зажила теперь Канарейка в клетке: дни сменяли ночи, за годом шли года, за песней песня. А птица все росла, становилась всё красивее и красивее, засияли её перья, словно само Солнце, голос зазвенел, словно ручьи.

Счастлив был Медведь видеть своего птенчика рядом, не боялся он больше остаться один, не грустил. Да только теперь сердце Канарейки наполнила тоска: всё мечтала она, как на свободе жить будет, как песни вольные петь станет, как с птицами да со зверьём веселиться станет, с ручейками и травушками будет шептаться. Стала птица биться в клетке, да выпорхнуть не может никак — прутья жесткие ей всю грудь изрезали, камнями крылышки поломали, но наружу не выпустили. Ещё сильнее Медведь испугался, посадил птицу в чулан, чтоб она вовсе света не видела и о свободе не грезилась. Зажила Канарейка в чулане; вскоре перья её потускнели, блеск, озаряющий глаза, пропал, не пропела она больше ни одной своей песни. Все грустила, тосковала, мечтала...

Разозлился тогда Медведь на Канарейку, не смог терпеть её предательства. Вынес он клетку во двор, открыл дверцу, и ... птица осталась на месте. Казалось бы, вот она — свобода! Но Канарейка уже давно утратила надежду: она так долго и бессмысленно билась в клетке, что уже и представить не могла, что из неё есть выход. Тогда Медведь сам вытащил Канарейку из клет-

ки, выкинул её из своих рук, и полетела птица в далёкие края. Ветер нес Канарейку, которая, наконец, обрела долгожданную свободу. Вновь она запела, вновь засияли её крылья, согревшись под сиянием Солнца, вновь, почти счастливая, полетела Канарейка. Но песня её не была столь же прекрасной, перья не искрились так же ярко, глаза не сияли былым блеском — не покидало Канарейку чувство тревоги: боялась она и зелёной травы, и быстрых ручьев, и зверей, что пытались съесть её, и других птиц, что не приняли её к себе.

В итоге через год, зимой, напуганная и печальная Канарейка вернулась к Медведю. Но так обижен был на неё лесной царь, что не желал ей ни слова молвить, ни взглядом окинуть. Увидела Канарейка у порога свою брошенную клетку. Стала биться об неё птица, желая попасть внутрь так же сильно, как совсем недавно

билась, пытаясь из неё выбраться. Долго билась об прутья Канарейка; рубиновый дождь хлынул из её груди, капая на белоснежный снег. Израненная Канарейка не знала, куда ей теперь податься, где найти своё место. Взглянув ввысь, птица увидела озарявшее небосвод Солнце. Взметнув к небесам, направляясь к своей матери, Канарейка спела свою последнюю, самую прекрасную песню и исчезла, оставив после себя лишь алые капли крови, застывшие на ветвях ягодами рябины.

С тех пор, казалось бы, ничего не изменилось в жизни лесного народа: зверьё вело свою размеренную жизнь, лесной царь, как и в былые времена, жил спокойно и одиноко, практически не пересекаясь с подданными. Вот только теперь каждую зиму Медведь запирался в своей берлоге, боясь выйти в лес и вновь увидеть среди белоснежного покрова рубиновые ягоды рябины. ■

ИЛЬЕ БАЖИН

МИКРОДРОМЫ

Лапшу я ел, млея у шпал.

Тирад осанны та латынь нас одарит.

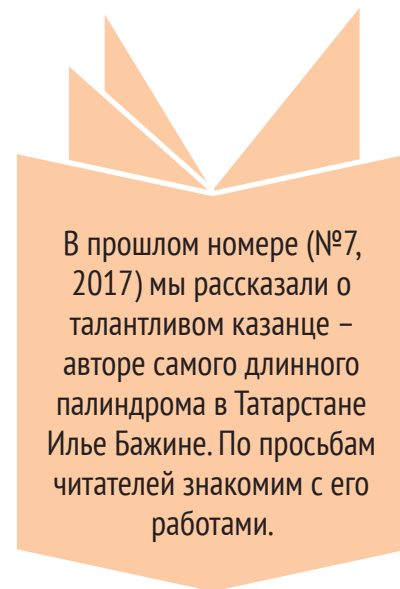
Йог упёр ларь бобов; обобрал репу гой.

Восход: звонко влетел в окно вздох сов.

Хорош кобыз; а лира дарила зыбок шорох.

Во гуле топь, ель сов манит к тинам во слепоте лугов.

Леший, шёпот кого тешит, тише того, кто пеший шёл.

В прошлом номере (№7, 2017) мы рассказали о талантливом казанце – авторе самого длинного палиндрома в Татарстане Илье Бажине. По просьбам читателей знакомим с его работами.

ОЛОРИФМЫ И ПАНТОГРАММЫ

Ядохнул –
Ядохнул.

Музыка лечит –
Музыка калечит.

Не жал и кипел,
Нежа лики пел.

Заместо тем
Замес, тотем.
Замес тот ем
За мест отъем.
Замес, тотем. Но ты –
Заместо темноты.

Поле земли внизу ныло –
Полезем ли вниз уныло?

По лесу травы, по лику десница.
– Поле с утра выполи, кудесница.

Навет, луна, снегами вверху мело
На ветлу нас негами вверху умело

Заплету и дуги блоком, постыло павши.
За плеть уйду, гибло компосты лопавши.

ФРАГМЕНТ ИЗ ПАЛИНДРОМНОГО ВЕНКА СОНЕТОВ

... Вело к тому. Шаги милонгам пели.

Цела, пьяна за кутежа мечтой
Цинга, туша пыли серье водой
Ведь обольёт. И мрак манили теми.
Тем зов о городе на кару дан.
Тёр воска шельме, лёг на вежу кат,
Умаслив звук. И нутром вис обман,
Уху печаль злив аду, иль унят?
А вот и катов иждивенью верчен
Инак. То Ватикана хор тих, нежен.
А гоблина красиво пенье рогов.
Оглоданное тело Пану вóздев,
И на родео пело пеленой.

А ноты ворковал за лир губой...

... А ноты ворковал за лир губой

Ухарь. По следу груб, алоэ жарив,
Ухаб урвавши гнал. Фагота ладив,
Анон юрода звал, калил. А в бой
Тамтам ударит аспид. Эра цен
Теребит. И берёт верзила бурс
Тенге, чтоб о китаре мог и курс
Такт не читать. Сумев от силы мен
Терпеть, на двор гитару ту на раз
Несёт он. Толп от видов уменьшило.
Не септима щема, во тле леп мило,
Анонсами мёл до пьяни гобой.

Те пяля искрою, обуглит саз

Аноним, слав верзилу на покой.

Аноним, слав верзилу на покой,

У нор копал. И, быв пока немой,
Урод на пятаке бесами скор путь
Уноет, опьянело пьян. И дёготь
Во небе ночь охотит, покружа.
Во севе звёзд армада. Год Кота
Манула. Вис арканом Лебедь. Овен
Макнул во длань до гнёта, рогу волен.
И лик во́ли хорош, не жав их разум,
Или во лики латинян и фатум
Дитё трудила, молвила полечь?
Диавола душа, башки мяв, речь
Вела. И лире ведомо Танат
Верчён во гон – тупик у мира трат.

Верчён во гон тупик у мира трат.

Верзила дик, один ретиво рад.

Бегущи ли журят усилье пут?

Бела, входя, слепа зима до туч.

Укором вил за ноль лопат окорим,

Укол бедов зарвём и новь зароним:

Угасшее, сопрев, катив, Ярило

Угар бытъя да со полем увило.

Море нам – утро лета на надёжу.

Матэ опью – одарит soLAR кожу,

Вороньим недвиженьем oTCИдев. И

Вело к тому. Шаги милонГАМ пели.

А ноты ворковал за лир губой

Аноним, слав верзилу на покой

***

И око Пану ли, зрев вальс миньона,

Ио бугрила, зла, во кровы тона.

И леп МАГнольи мига шум от кольев.

И Вед ИСТомье, нежив день миноров,

Ужо кРАЛось тирадою поэтам,

Уже дана на тело рту манером.

Олив умело посадя, ты брагу

О лир яви. Так верь – посеешь сагу,

Минора звон. Имев разводье блоку,

Мирок от Аполлона, злив мороку,

Чуть одами запелся. До хвалеб

Ту пели суть яру, жилищу Геб.

Даров и тернии докидали, зрев

Тартар и муки путного вне чрев.

Тартар и муки путного вне чрев

Танатом оде верили, алев.

Червями к шабашу дало в Аид.

Чело палив, ломали дурь Тетид,

Муть афинян Италики ловили.

Муз архиважен шорох, и ловки ли

Не лову? Гора тень годна льдов лункам,

Не в оде бельм она красива лунам.

А то к догадам рад зёв Зевесов,

Ажур коптить охоч, о небе нов.

Тог единя поленья по Теону,

Ту проксима себе катя Пандору,

Иомена копь выбила по Крону,

И око Пану ли, зрев вальс миньона.

И око Пану ли, зрев вальс миньона,

Застил губою Орк. Сиял Япет,

Ио богиня, подле Мимас. Но на

Олимпе Лель то в яме щемит песен,

О лишнем уводив, то плотно тесен.

За рану тура тигров Данте прёт,

Не мы. Листов ему статичен ткать

С руки Гомера тик. Об Отче гнёт.

Срубал, и, зрев, теребит и берёт

Не царь Эдип Сатира думать, – мать!

И обвалила, клав задор, Юнона.

Видала тога фланг и шва в рубаху.

Вираз Эола бурь гудел. Со праху

Ио бугрила, зла, во кровы тона.

Ио бугрила, зла, во кровы тона

Ионе лепо лепое. До рани

Во горе не повис, арканил бога,

Вед зóву на полёте он надолго,

Нéжен хитрó. Хана кита во ткани.

Не чревью нé вид живота китова

Тянул Иуда, вил зла чепуху

Нам. Бос, и в мор тунику взвил саму.

Так уж Евангельем лешак соврёт,

На дурака не дорого возьмёт.

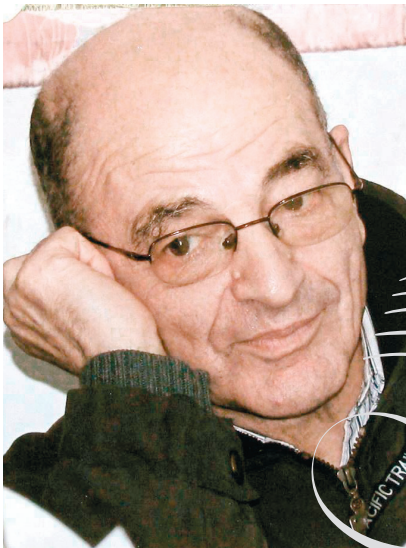
И метили нам карм и тел ободьев.

И од о вере силы пашут агниц.

И Отче мажет указанья палец.

И леп магнольи мига шум от кольев.

Родился в Киеве, ребенком жил в маленьком лесном поселке Кез в Удмуртии. Закончил филфак Киевского университета. Автор книги переводов с туркменского «Гуси прилетели». Много лет проработал в республиканской детской газете. Первые книги выходили издательстве «Малыш», в киевском издательстве «Веселка». В 2004 году в Ленинграде в издательстве «Гуманитарный проект» вышла книга «Про мышонка Шона, про амстердамского кота Тома и про разное другое», в 2014, в киевском издательстве «От А до Я», книга стихотворений «Монетки на ветке». Писал стихи и для взрослых. В Киеве вышли две книги лирики «На свету молодом» и «Миг бытия», в Ленинграде – «Галилейский круг», в Иерусалиме – книга иронических и сатирических стихов «Стихляшки».

Леонид Сорока

КУЗЯ

Жил сверчок по кличке Кузя
Неженатый, холостой.
Ползать он умел на пузе
Под диваном и плитой.

Приходил без спросу в гости,
Путал пол и потолок.
Забивался, будто гвоздик,
В самый дальний уголок.

Был такая крохотулька –
Проходил он где хотел
И на маленькой свистульке
Замечательно свистел.

Но однажды утром рано
Я проснулся – дом пустой.
Нет Кузи под диваном,
Нет Кузи под плитой.

Не с кем выпить чашку чаю,
Не с кем в прятки поиграть.
Где ты, Кузя? Я скучаю.
Приходи ко мне опять!

ДЯТЕЛ И ЧЕРВЯЧОК

Бу-бу-бу, бу-бу-бу!
Сидит дятел на дубу.
Острым клювом тук-тук!
Выходи-ка, друг, друг!

Червячок, давай вылазь
Из норы дубовой!
Там внутри темно и грязь,
Воздух нездоровый.

А снаружи красота.
Бум-бум-тра-та-та.

Выйди, вместе поглядим
В небо голубое.
А потом и заморим
Червячка с тобою.

Но ответил червячок:
- Я тебе не дурачок.
Хоть с тобою я знаком,
Ты большая птица.
Только мне с таким дружком
Лучше не водиться.

ПРО ИГОЛКУ

Взять у ёжика иголку
Или, скажем, у сосны –
Никакого в этом толку.
Ну кому они нужны?

А стальная у портного
С ниткой крепкою игла
Может юбку сделать новой,
Хоть не новой та была.

Починить сумеет брюки
В месте, порванном котом.
Не сама – нужны ей руки,
И умелые притом.

Если руки-неумёхи,
То уколет до крови.
Тут дела, конечно, плохи,
Но терпи и не реви.

Не зови иголку злою.
Уколола – не беда.
Лучше выучись с иглою
Управляться без труда.

А стишок мы так закончим:
Пропадёт на пальце след.
Этот маленький укольчик
Был на пользу, не во вред.

ТАЛАНТ

Так, как я, не скорчат рожи
Ни собаки, ни коты.
Пусть хоть лезут вон из кожи –
Все старания пусты.
Пёс и кот, пусть умный самый,
Не сумеет всё равно
Шевелить, как я, ушами
Уморительно смешно.
Подражать мне зря не пробуй
Никогда никто нигде.
Я ведь свой талант особый
Тренирую каждый день.

РЕКА

Вьётся змейкою река,
С гор несется, быстрая,
Отражая облака
Спинкой серебристою.

Хоть вода и холодна –
Хорошо нам с братиком.
Вместе с берега до дна
Прыгаем солдатиком.

Доплываем до буйка –
И назад за мячиком.
Вьётся змейкою река,
Змейкой не кусачею.

МЯЧ

За мячом бежим, крича,
Следом туча пыли.
Как на свете без мяча
Раньше люди жили?

Я бегу, и мяч у ног.
Бью в ворота точно.
Без мяча прожить не смог
Я бы ни денёчка.

Вот забил я первый гол!
Здорово, ребята!
Хорошо, что изобрёл
Кто-то мяч когда-то.

МОНЕТКИ

В октябре на каждой ветке
Золотистые монетки.
Дождь прошёлся проливной –
Нет монетки ни одной.

Тянут к нам деревья ветки:
– Где монетки, где монетки?
Ах, деревья, гляньте вниз,
На лесную тропку.
Там монетки улеглись
В золотую стопку.

ПОЛОСАТАЯ ЗАГАДКА

Папа в дом принёс арбуз.
А какой же он на вкус?
Сладкий он или несладкий,
Плох он или же хорош –
Полосатую загадку
Разгадает острый нож.

КОЛБАСКИНО ЧУДО

Чудо, чудо, чудеса –
Убежала колбаса.

Расскажите, что случилось,
Как все это получилось?

Тихо так она лежала,
Никого не обижала.

Фокстерьер ей строил глазки:
«Ах, как хочется колбаски?»

Кошка спрыгнула с кровати,
Облизнулась: «Очень кстати!»

Воробей сказал: «Чирик!
От колбаски я отвык!»

Мышка вылезла с опаской
Поздороваться с колбаской.

Посылали ей улыбки
Из аквариума рыбки.

Стали все хвалить колбаску,
И её вогнали в краску.

На столе она лежала,
Никого не обижала,

Не спешила никуда,
Но пропала без следа.

Под конец осталась в сказке
Только шкурка от колбаски.

Алексей Агафонов

ДОЛГОЖИТЕЛЬ

Существует расхожее мнение о мудрости старого человека. Различные сентенции о мудрости, приходящей к финалу, многочисленны, но не всегда соответствуют действительности. Мне импонируют строки Омара Хайяма: «Из жизни следует уходить, как из гостей – собрать вещи и поблагодарить хозяев». Далее:

*«Я побывал на дне глубоких ям,
В кольцо Сатурна лазил к небесам,
Разрыл я сети всех тысячелетий,
Но узел смерти мне не по зубам».*

О старческой мудрости следует судить, учитывая степень нарушения кровоснабжения мозга на фоне нарастающего склероза.

Возможны плавные или резкие переходы от объективной оценки собственной личности до граффити на стене с использованием подручного материала.

Оцениваю свое состояние еще на первой стадии процесса, но некоторые отклонения, несомненно, возникли. Обострилось чувство вины за летальные исходы после проведенных мной операций или непроведение таковых. Формулировка «у каждого хирурга есть персональное кладбище к концу собственной жизни» не приносит душевного равновесия и успокоения.

Память в защиту моей хирургической работы высветляет некоторые позитивные эпизоды, о которых и пойдет речь.

Командирован в Агрыз, где, проработав несколько недель, собирался в Казань. Получил предписание немедленно ехать в Красноуфимск! Больной в критическом состоянии – желудочное кровотечение. Городок, прилегающий к подножью Уральских гор, тихий, зеленый. Хирургическое отделение чистенькое,

ухаженное. В те давние годы «казанская железка» (Казанская железнодорожная больница) была престижна, и попасть на лечение в ведомственную больницу было непросто.

На пути в городок вспоминались мои учителя, а также профессор Василий Афанасьевич Гусынин, составивший основание для успешного развития хирургии в железнодорожной больнице. Василий Афанасьевич начал и успешно развивал нейрохирургию в Казани. Мой приход в железнодорожную больницу был им не одобрен: «Примем Агафопова, и неизбежно начнутся романы». Агафонов был принят, но романы не начались, и дальнейшее отношение В.А. ко мне было теплым и доброжелательным. Внешне он был незауряден: очень большой, грузный, значительный, красивый старик с массивной тростью. Женат на француженке, оказавшейся, как говорили, шпионкой. Она погибла в лагерях, ее заменила сестра погибшей, которую звали Мадлен. Василий Афанасьевич чувствовал себя и физически плохо, мы, хирурги железнодорожной больницы, периодически дежурили у него на дому. Редкие обходы Василия Афанасьевича свидетельствовали о филигранной наблюдательности и глубочайших профессиональных навыках. Обходы вызывали у меня грусть в связи с предвидением близкого финала жизни этого достойного человека. На обходе В.А. ассистенты двигали стул, и он больше сидел, преодолевая одышку, как бы подплывая к очередному пациенту. «Хороши ли ваши отношения с женой? Не омрачает что-либо вашу жизнь?» – спрашивал Гусынин. «Ничего не омрачает», – отвечал язвенник. «Очень-очень рад этому», – говорил вполне искренне В.А.

Обходы происходили в период торжества квазифизиологии Павлова, когда все болезни

объяснялись непорядком в ЦНС (аббр. – центральная нервная система), и прежде всего в коре головного мозга. Кто думал не совсем так (физиолог Л.О. Арбелли), заносился в рубрику врагов павловского учения и подвергался избиению, почти реальному, запрещению и отлучению!

Вспомнились обходы и другого незаурядного профессора Н.В. Соколова. Он был сухощав, абсолютно лыс, седые аккуратные усы украшали красивое лицо старика, мудрого, доброго человека и очень неплохого хирурга. Его глуховатый негромкий голос собирал неизменно «битковые» студенческие аудитории.

Восторженное обожание вызывал у меня доцент кафедры Петушков Владимир Николаевич: смелый, энергичный, талантливый, подвижный.

Венок моих учителей замыкала самая милая женщина и прекрасный хирург-неотложник Тихонова Татьяна Павловна, замечательная, нежная, незабываемая.

По-видимому, я был не самым безнадежным учеником. Эти воспоминания промелькнували в моей бедовой голове на пути в приуральский городок.

На перевязочном столе крупный мужик атлетического склада. Грубое лицо и большие узловатые кисти рук бледны, давление держится на 100-110 мм рт.ст., дремлет. Идет капельное переливание крови. «Еще только одна 250-граммовая ампула осталась, – тихонько сообщила медсестра, – недавно был обильный дегтеобразный стул (свидетельство о высоком внутрикишечном кровотечении). Все применяли: и хлористый, и желатину – не берет». Завотделением, немолодой серьезный человек, усатый, в больших очках, докладывает: «Накануне взял больного в операционную. Многолетний язвенник, неоднократно лечился, успех временный, и ранее подкравливал, а сейчас массивное кровотечение. Лапаротомия (вскрытие брюшной полости). Ревизовал желудок и двенадцатиперстную кишку. Немного рассек желудок в антральной части (вблизи двенадцатиперстной кишки), пальцем изнутри все ощупал, язвенного кратера (углубления по месту язвы) не обнаружено. Одним словом, источник кровотечения не выявлен.

Решил желудок не трогать, из живота ушел, а сейчас вот что происходит! Боюсь потерять больного!»

Не утомляю читателя своими рассуждениями...

Больной вновь на операционном столе. Края раны брюшной стенки еще не «схватились», и расшить мужика было нетрудно. Обнаружен инфильтрат на небольшом участке задней стенке двенадцатиперстной кишки. Там, несомненно, кровоточащая артерия. Как быть?! Считаю единственным верным решением удаление части желудка с отключением двенадцатиперстной кишки. Один из вариантов удаления – резекция – надежно остановит кровотечение и спасет жизнь больному. В дальнейшем, несомненно, возникнут некоторые нарушения деятельности желудочно-кишечного тракта, причиняющие неудобства больному, но жизнь его будет сохранена. Другого выбора у меня в то время не было.

Неволью вспомнилась моя операционная сестра Соня, с которой нам приходилось вдвоем, в условиях неотложки, делать резекции желудка, и, конечно, обидевший меня известный хирург Домрачев Иван Владимирович, сказавший на заседании хирургического общества: «Когда молодой хирург Агафонов поуменЕт (огромный, в прошлом цирковой борец вятич, Домрачев, свободно читавший на английском, любил предстать таким простаком), желудки стричь перестанет». На заседании я выступил с сообщением о семи успешных резекциях желудка при перфоративных язвах. Это была дань «моде» института Склифосовского, где выполняли первичные резекции желудка при перфорациях, что, конечно, было ошибкой.

Больной благополучно перенес операцию. Я решил остаться хотя бы на пару суток, чтобы понаблюдать за послеоперационным течением.

На другой день топот и возгласы в коридоре отделения: «Прямо в операционную! Скорее!» На носилках мертвенно бледная, молодая, очень большая женщина. Ее поспешно раздевают и кладут на операционный стол. На животе чуть выше пупка колото-резаная ранка. Возгласы: «Убили нашу красавицу!» Она без сознания, давление едва определяе-

мо, особенно запомнилась грива рыжеватых волос, ниспадающих с операционного стола. Отступая от канонов асептики, вскрываю брюшную полость: она переполнена кровью. Кровь имеет запах, по моим ощущениям, неприятный. Я знаю, что в отделении нет крови. Забираю кровь из брюшной полости, не раздумывая о целостности кишечника. Нет сомнения, повреждена аорта! Нахожу крупную артерию — источник кровотечения, и накладываю кровоостанавливающий зажим. Далее все усилия на возмещение кровопотерь! Нашелся большой шприц, называемый шприцом Жане, и, приспособив резиновый переходник, вливаю кровь непосредственно в брюшную аорту. Значительную часть потерянной крови удалось вернуть. Появилось давление и сознание. Первая фраза, услышанная от больной: «Что же он, сволочь, сделал? За что он меня так?» Потом мне стало известно, что ударил ее ножом маленький плюгавый мужчинка, который добивался ее внимания. Мы передохнули, прибрались, и тут я обнаружил, что мой зажим лежит на пересеченной верхней брыжеечной артерии. Это единственный источник кровоснабжения всего тонкого кишечника, который может иметь протяженность от 6 до 9 метров. Очевидно, что без тонкого кишечника жизнь невозможна. На операционном столе молодая, красивая, сильная женщина, но она обречена на скорую смерть, если не убрать тонкий кишечник, и на медленную, если убрать его. Есть еще один спасительный аспект — восстановление кровоснабжения тонкого кишечника, сшив пересеченную брыжеечную артерию, которая в диаметре тоньше карандаша. Мне известно: никто из хирургов Казани никогда не сшивал верхнюю брыжеечную артерию, артерию подобного калибра. Идут минуты ожидания, и я не знаю, как поступить. Больная держит давление, она жива, ее выхватили с того света. Она спит, получив изрядную дозу морфия, а я стою над операционным полем и не знаю, как быть. Приходят мысли, как бы со стороны. Понимаю: необходимо увеличить диаметр просвета артерии. Но как достичь этого?! Наверное, так же, как мы достигаем увеличения диаметра тонкого кишечника путем пересече-

чения его под некоторым углом!? Из шовного материала самый тонкий в распоряжении операционной сестры — ходовая четверка. Нить слишком толста. Даже самая тонкая колющая иголочка, имеющаяся в распоряжении операционной сестры, велика и груба. У меня нет ни игл, ни шовного материала! И опять, как со стороны, приходит совет: «Возьми обычную портняжную иголку». Я прошу принести иголку. Игла найдена и положена в кювет со спиртом. Вспоминаю ее прекрасные длинные волосы. Прошу отсечь длинную прядь и положить в кювет со спиртом рядом со швейной иглой. Удалось наложить узловатые швы и восстановить проходимость артерии. И когда я снял мягкие клеммы, сосуды брыжейки и тонкого кишечника стали заполняться кровью! Я понял, что отыграл у смерти эту женщину!

В то время в большинстве случаев мы оперировали без перчаток после специальной обработки рук. Это давало чрезвычайно большие возможности оперирующему хирургу, так как самая высокодифференцированная чувствительность — подушечки пальцев рук, нигде во всем теле нет более тонкой чувствительности. Брюшная полость тщательно осмотрена и осушена, других повреждений нет. Рана брюшной стенки зашита наглухо. На вторые сутки красавица уже сидела на койке и улыбалась своей прекрасной, радостной улыбкой красивой женщины.

Существует ли какая-то связь между событиями? Скорее всего, это совпадение. Все мои ученики — любимые. Сергей Обыдённов стал непревзойденным микрохирургом, ангиохирургом. Сегодня у него успешно работающая клиника. Он впервые в Казани пришил оторванную руку молодой женщине. Рука валялась в пыли у обочины. Рука прижилась с хорошим функциональным результатом. Другой великолепный хирург, также имевший отношение к руководимой мною кафедре, которому мне удалось помочь в оформлении операционного атласа к его докторской диссертации, Максимов Саша, заведует отделением сосудистой хирургии в Казани, выполняя сложные, порой уникальные операции на сосудах различной локализации.

Вот, пожалуй, и всё! ■

ПОРТРЕТ ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ АКТИВНЫЙ

ОТДЫХ ДЕБЮТ ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК НОВИНКИ ОТ ТАТАРСКОГО

КНИЖНО ИЗ ТЕ ККИ В ПЕРЕВОДЕ

НАУ ЭЗИ ЮТ ПРО ЧТЕНИЕ

ПРОЗ ДЕБЮ ТОФИКАЦИЯ

ИМ ТОЖЕ Б ЕТ ЭП РСКОГО КНИЖНОГО

ИЗДАТЕ ДИ Б И РУКАМИ ВЕЧНЫЙ

ЧЕЛОВЕ ИЯ ВЕЧ ЮБИЛЕИ

ВЧЕРАВ ТЭПОХИ АКТИВ ДЫХ

ДЕБЮТ ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК НОВИНКИ ОТ ТАТАРСКОГО КНИЖ

ТЕТРАДИ БЕЗ ОБЛОЖКИ НАУКО СТВА ИЗ

СВОИМИ РУКАМИ ДЕБЮТ ПРО ЧТЕНИЕ ПРОЗА ЮБ ЗИЯ

VS СЕГОДНЯ ФОТОФИКАЦИЯ ИМ ТОЖЕ БЫЛО ДВАДЦАТЬ ПОРТРЕТ ЭПОХИ

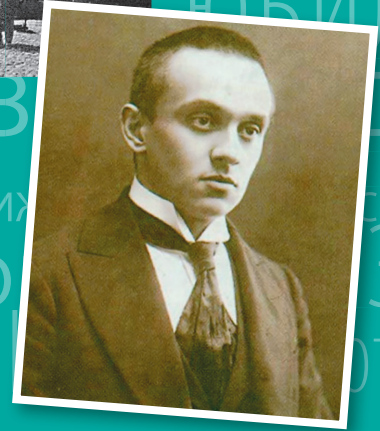
НОВИНКИ ОТ ТАТАРСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕ РАДИ БЕЗ О

БЛОЖКИ ИМ ТОЖЕ БЫЛО ДВАДЦАТЬ ПОРТРЕТ ЭПОХИ

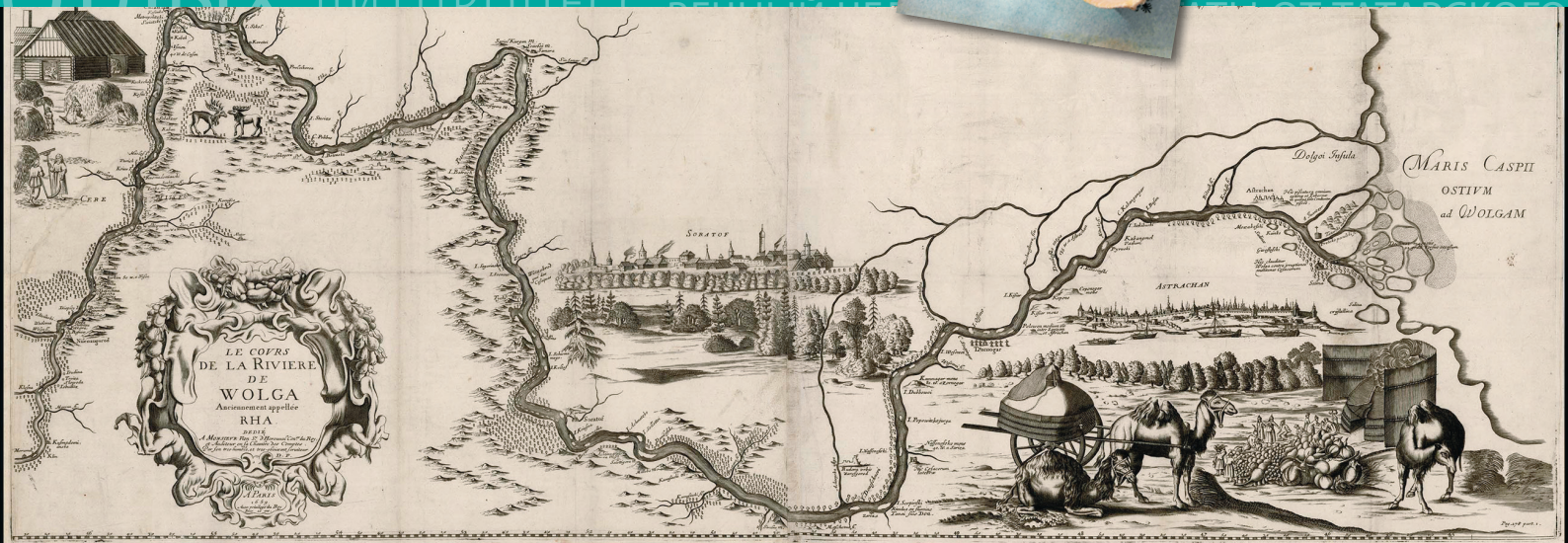
ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК АФИША ЮБИЛ ТОФИКАЦИЯ

ВОЛНА ПОРТРЕТ ЭПОХИ ЕРА VS НОВАЯ

ОТДЫХ ПИТПРОЦЕСС ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК АКТИВНЫЙ

ПОРТРЕТ ЭПОХИ
ЭКОЛОГ
МУЗПРОСВЕТ
КОНТРАМАРКА

Собираясь на отдых, многие берут с собой книжки. На этот раз, вместо детектива, я положил в чемодан необычное чтение – «Учёныя записки Императорского Казанского Университета» от 1908 года, под редакцией ректора Николая Загоскина. И не прогадал...

«ВЗЯЛ БЫ КНИЖЕЧКУ ДА ПРОЧЁЛ»

Ознакомившись с содержанием, поразился разнообразию тем, которые пыталась охватить редколлегия. И чего тут только не было! Мне вспомнился рассказ Чехова «Умный дворник», который так выговаривал окружающим: «Вот ты, Миша, взял бы книжечку да прочёл бы тут. Тебе польза, да и другим приятность. А в книжках обо всех предметах распространение. Там и об естестве найдёшь, и о божестве, о странах земных. Что из чего делается, как разный народ на всех языках. И идолопоклонство тоже. Обо всём в книжках найдёшь, была бы охота...»

Так и в этих «Записках» всё из перечисленного дворником можно

было найти. И даже сверх того! И про жертвоприношения у древних народов, и про Книгу мёртвых, и про мелодику в трагедиях Эсхила, и про санскрит и т.д. Но обо всём по порядку...

МАЛО МЕСТА!

Пробежав по «официальной части» (раньше это слово писалось с двумя «ф») с её докладами, прошениями, протоколами заседаний и т.д., я увидел, что времена меняются и университет тоже, а вот проблемы остаются.

На Совете слушали заявление проф. Е. Головина следующего содержания: «Заведуемая мною зоологическая лаборатория оставлена в прежнем помещении. Комната, в которой располагается лаборатория,

Фото из архива автора

предназначалась по плану для дамской уборной и была отведена мне временно до приискания более удобного места. Посему имею честь покорнейше просить уважаемый Совет указать мне, в каком помещении я должен буду вести свои занятия в текущем учебном году».

Постановили изыскать для лаборатории дополнительную комнату. Сложнее оказалось дело с помещениями под библиотечные фонды.

«До сих пор библиотека не располагает собственным помещением, соответствующим её целям, и вследствие этого не приносит студенчеству всей той пользы, какую может и должна приносить. Временно приютившаяся в здании общежития, она не имеет, не говоря уже о столах и стульях, даже собственных шкафов. Комната, отведённая для библиотеки, едва может зараз вместить 6-8 студентов, являющихся за получением книг. Наиболее подходящим в данное время для этой цели является бывшее помещение студенческого буфета. Если Совету будет угодно предоставить это помещение под библиотеку, то там можно было бы сосредоточить многотомные издания исторических памятников, таких как Monumenta Germaniae Historica и т.д., в настоящее время рассеянные

Пономарёву-Капучиди в фонд редких книг библиотеки им. Лобачевского, где он работал. Здесь сладковато пахло старыми книгами и стояла глубокая тишина – толстые стены не пропускали уличный шум. Преподаватели и студенты сосредоточенно читали и выписывали. Уединиться с каким-нибудь редким фолиантом или подшивкой старых газет под торжественными сводами, воздвигнутыми архитектором М. Коринфским, было очень приятно.

ПРИБАВКА К ЖАЛОВАНИЮ

Денег никогда не хватало. Ни людям, ни правительству. Кому-то может показаться, что при самодержавии народ жил лучше, чем сейчас. Сомневаюсь. Но одно могу сказать точно, что простой народ и мечтать не мог о бесплатной медицине, о материнском капитале и пособии за второго ребёнка, о программе по переселению из ветхого жилья в новое и т.д. Качество

Была сильна социальная раслоённость общества. Состав студентов Казанского императорского университета разнился по сословиям и достатку. Кто-то приезжал на лекции на модной тогда «эгоистке», запряжённой рысаком орловской породы (цена такого коня сопоставима со стоимостью иномарки), как это делал, например, Лев Толстой; кто-то добирался на извозчике, как Владимир Ульянов; кто-то на конке, как большинство студентов-разночинцев, но многие преодолевали значительные расстояния пешком, так как снимали жильё подешевле на окраинах. Были и такие, у которых имелась всего одна пара обуви на двоих, поэтому ходили на занятия по очереди. Мы и представить себе не можем такой бедности! Сегодня уровень жизни стал гораздо выше.

Преподаватели Императорского университета – элита среди учителей высших

СОВЕТ УНИВЕРСИТЕТА НЕ ЭКОНОМИЛ НА КОМАНДИРОВОЧНЫХ ДЛЯ ПРОФЕССУРЫ. УДОВЛЕТВОРЯЛ ПОЧТИ ВСЕ ПРОСЬБЫ О ПОЕЗДКАХ ЗА РУБЕЖ. И НАДО СКАЗАТЬ, ТАКИЕ КОМАНДИРОВКИ БЫЛИ ДОВОЛЬНО ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫМИ.

по разным кабинетам, и вследствие трудности пользования ими, остающиеся мёртвым капиталом».

И судя по тому, как было просторно в библиотеке для книг и читателей в советские времена, проблему эту тогда удалось решить. Будучи школьником, я приходил к своему отцу Александру Николаевичу

жизни тогда было другое. Люди рассчитывали только на свои силы и не ждали помощи от государства. Случись стихийное бедствие: потоп, лесной пожар и т.д., – незначительную помощь оказывали лишь благотворительные организации. Погорельцы и жители затопленных сёл тянулись в города – просить копеечку.

учебных заведений. Однако рядовые преподаватели получали весьма скромное жалование. Эту острую проблему Совет также старался решать:

«...усилить каждому университетскому служителю девятирублёвый месячный оклад до 12-ти рублей; затем весь остаток от 6000 руб.

из специальных средств университета употребить прежде всего на пропорциональные прибавки остальным служителям за выслугу лет. Низший оклад служительского вознаграждения определить в 12 руб. в месяц, с перечислением на этот оклад всех служителей, получающих в настоящее время меньшие оклады».

Значительно выше ценился труд профессоров. А как же иначе? Ведь до этого звания дослужиться надо, да не лезть и послушанием, а исключительно умом и талантом.

«Историко-филологический факультет имеет честь покорнейше просить ходатайства Совета Университета о поручении господину заслуженному ординарному проф. Д.А. Корсакову чтения лекций в течение 1908 года по кафедре русской истории, с вознаграждением его за этот труд в 1200 руб. в год».

Совет университета не экономил на командировочных для профессуры. Удовлетворял почти все просьбы о поездках за рубеж. И надо сказать, такие командировки были довольно продолжительными:

«Юридический факультет на основании единогласного определения своего, состоявшегося 21 сентября сего года, имеет честь

ходатайствовать о командировании А.А. Овчинникова во Францию с 20 августа 1908 года по 20 августа 1909 года с сохранением за ним получаемого им за чтение лекций вознаграждения (которые он читать, разумеется, не будет в связи с отъездом, – прим. автора) по 1200 руб. в год и о назначении ему из сумм Министерства Просвещения единовременного пособия в размере 600 руб.».

При этом очень щепетильно подходили к затратам по хозяйственной части:

«Правление университета покорнейше просит дать разрешение господину Аристову на выписку 6 фонарей для актового зала. Прилагаемый тип фонарей является из разнообразных предлагавшихся наиболее дешёвым и изящным – 1 тыс. 02 руб. Профессорский состав указал на нецелесообразность освещения актового зала дугowymi фонарями, предпочитая им освещение лампами накаливания».

Здесь мы сделаем небольшое отступление – не лирическое, а финансовое – и рассмотрим, сколько можно было купить на один николаевский рубль 1900 года. Цены на продукты питания были тогда такие: мука пшеничная стоила – 8 коп. за фунт (0,4 кг), молоко – 10 коп. за

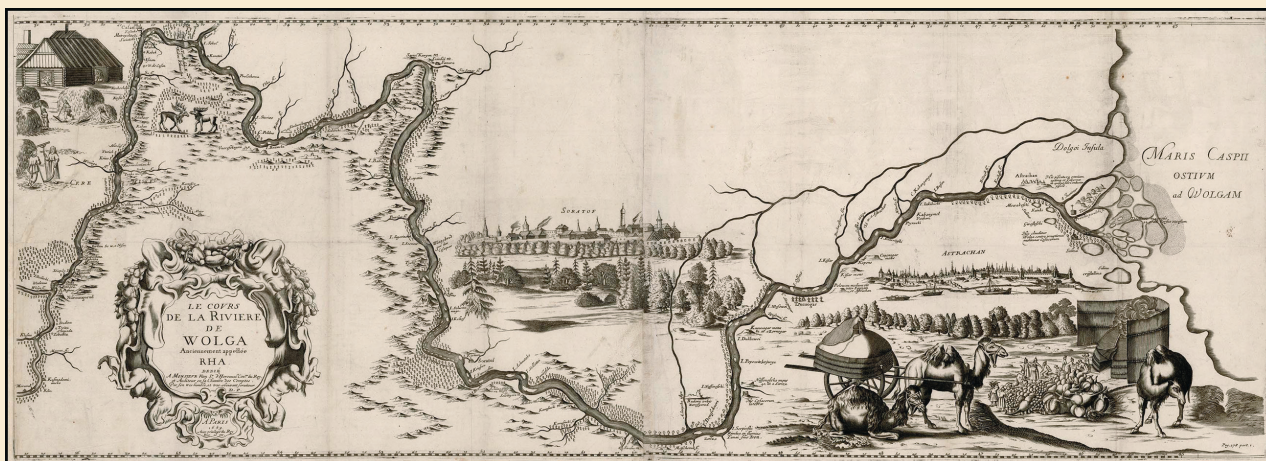
бутылку (1 л.), говядина – 19 коп. за фунт, судак – 25 коп. за фунт, антоновка – 3 коп. за фунт. Роскошный номер в новейшей гостинице Казани «Бристоль» стоил 4 рубля за сутки. Билет на комфортабельный пассажирский пароход от Казани до Астрахани первым классом – 26 руб. 75 коп., стерляжья уха в ресторане парохода – 90 коп., поросёнок под сметаной с хреном – 50 коп., редиска с маслом – 50 коп., бутерброд с чёрной икрой – 25 коп.

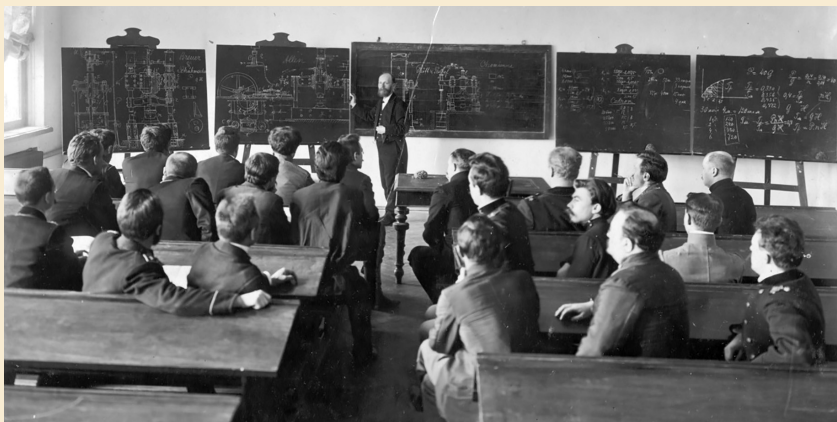
КЛЕВЕТА «ТОВАРИЩА»

Министерство Народного Просвещения долго не утверждало деканом Физико-математического факультета проф. Зейлигера. В чём же дело? Оказалось, причина в... басне!

«Проф. К.С. Мерезковский настоятельно считает необходимым довести до сведения господина Министра Народного Просвещения, что та басня, которая, как сообщалось в своё время в прессе, была распространена по поводу проф. Зейлигера, представляется по глубокому убеждению Совета не чем иным, как злой клеветой».

«Проф. А.А. Панормов заметил, что он совершенно не имеет понятия об упоминаемой здесь басне, пущенной газетой «Товарищ», и не знает,

в чём, собственно, она состоит. При дальнейшем обсуждении этого вопроса проф. П.И. Кротов заявил, что он не может согласиться с формулировкой ходатайства об утверждении проф. Зейлигера деканом, в которой бы содержалась ссылка на какую-то статью в газете «Товарищ», так как он такой газеты не читает. Для него будет достаточно заявления г. Ректора, что на господина Зейлигера была взведена какая-то клевета, которая как таковая, конечно, и не может быть причиной неутверждения его деканом».

Левикадетская газета «Товарищ» выходила в Санкт-Петербурге с апреля 1906 по декабрь 1907 года и распространялась по всей империи. Потом она была запрещена, но за это короткое время успела прослыть скандальным изданием. Что в

той басне было правдой, что ложью, сейчас уже не представляется возможным разобрать, однако, как видим, пущенная «утка» сделала своё дело – профессор Зейлигера пострадал, и ему пришлось долго восстанавливать справедливость и своё честное имя.

ДОХОДНОЕ МЕСТО

Из протокола заседания Совета университета: «...ожидаемая к поступлению в 1908 году доходность сбора за лекции определена в 90000 руб., каковая сумма получена из среднего вывода действительного поступления сбора со студентов и посторонних слушателей за 1906 год (72000 р.) и за 1907 год (108000 р.) Итого – 180000 руб.»

Очевидно, что у Казанского университета была определённая

автономия. Учебное заведение по собственному усмотрению могло распоряжаться полученными от обучения средствами. Однако по некоторым вопросам испрашивалось разрешение Министерства Просвещения. Например, проводить ли панихиду по Пушкину или нет. Обязательно согласовывались кандидатуры на новые должности и т.д.

БОЛЬШОЙ ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ

Чуть ли не четверть «Записок» отведена проблеме судоходства по великой русской реке. Вопрос изучался сотрудниками университета в течение нескольких лет тщательнейшим образом.

«...в Волгу вложены правительством и частными лицами многомиллионные капиталы как в виде средств транспортирования, так и в виде затрат мелиоративного характера. Чтобы оценить по достоинству значение Волги как естественного транзитного пути для многомиллионных грузов, достаточно вспомнить, что эта река со всеми притоками протекает по 23 губерниям центральной и восточной полосы России, что целый ряд крупных промышленных уездных городов стоят на её берегах, что один только Нижний Новгород ведёт торговлю на 200 миллионов рублей в год».

Во время весеннего половодья река оживала, а затем вода уходила, и появлялись мели, непреодолимые для пароходов и барж.

«Мы прекрасно знаем, сколько мытарств пришлось претерпеть Адаму Олеарию во время его знаменитого путешествия от Нижнего Новгорода до Астрахани в 1636 году. Ознакомление с теми частями его мемуаров, где он излагает перипетии плавания голштинского посольства по Волге, рисуют картину, более чем хорошо нам знакомую по личному опыту, рассказам очевидцев

и газетным корреспонденциям и отличающуюся лишь деталями. В описании Олеария мы встречаемся не только с почти всеми теми перекачками, которые и в настоящее время являются главнейшими препятствиями судоходству. Неудобства волжского пути, как известно, озабочивали (устаревшее слово, т. е. вызывали озабоченность, – прим. автора) и Петра Великого, а при Екатерине II, после учреждения Главного Управления водных коммуникаций, волжское мелководье было признано официально, и на Волгу была отправлена специальная комиссия для описания наиболее затруднительных мест.

Каждый год русло углубляли, до сих пор вдоль фарватера можно видеть длинные косы островов, образованные из поднятого со дна песка. Как убедительный довод приводится зарубежный опыт:

«Поразительным по своей доказательности является в этом отношении пример Северо-Американских Соединённых Штатов. Американцы, одновременно с постройкой железных дорог, покрывших густой сетью страну, не оставили без внимания и водных путей; сотни миллионов долларов были истрачены ими на регуляционные работы, но зато в результате получилось баснословное удешевление перевозки. К сожалению, у нас в России с развитием железнодорожного строительства во 2-ой половине 19 века устройство наших внутренних водных путей быстро пришло в упадок».

К сожалению, сейчас Волга «стоит». Краны в «порту пяти морей», как писали о Казани в старых путеводителях, ржавеют. Торговые баржи и пассажирские пароходы заходят редко. Увы, нет того движения на реке, которое было в советские времена! Причина сейчас, скорее, не в мелях, а в отсутствии государственной

программы, которая позволила бы вдохнуть в великую русскую реку вторую жизнь. Здесь и бизнес-план, и логистика, и модернизация водного парка, и повышение уровня сервиса. Что-то надо делать...

ЭКСКУРС В МИРОВЫЕ РЕЛИГИИ

Неслучайным мне показался тот факт, что в университете, который находится в городе, где в мире и согласии сосуществуют несколько религиозных конфессий, большое внимание уделялось истории мировых религий. Для добычи новых сведений университетом организовывали командировки в ведущие библиотеки Европы и экспедиции в религиозные центры Востока.

«Учёные записки» публикуют обширный материал по возникновению религии в Вавилоне, Ассирии, Хананеи, Финикии, Египте, Китае, Японии и т.д. Приведу описание одного мексиканского обряда:

«В честь Гуитцилопохтли приготавливали из муки различных семян и детской крови тесто и лепили из него фигурку бога. Жрец простреливал его стрелой и вырезал у него сердце, как это было и при человеческих жертвоприношениях; сердце отдавали народу. Таким образом сила бога входила в людей, и он считался умершим до того времени, когда он опять должен был обновиться и явиться народу воскресшим».

Задолго до проникновения христианства в Южную Америку у мексиканцев уже был свой «Иисус», который воскресал каждый год. Но больше меня заинтересовал другой бог, довольно необычный для своего «кровожадного» века: «Кветцаль-коатль, главное божество толтеков, был реальным человеком, царём и священником, является

выразителем этической стороны религии: это бог культуры, давшей людям основы высшей нравственности и общественного благоустройства, он враг всего бесчеловечного и противник человеческих жертвоприношений. Он изображался в виде оперённой змеи с головой птицы. Он учил народ земледелию и доброй нравственности, восставал против войны и человеческих жертв и требовал, чтобы богам приносились только плоды и цветы. Под его кротким управлением люди жили мирно и счастливо; но золотой век был недолог: в город проник Тецкатлипока и изгнал миролюбивого царя. Началась череда междоусобиц. Однако мексиканцы питали глубокую уверенность, что Кветцаль-коатль вернётся и восстановит блаженное царство».

Отдельная глава статьи посвящена диким племенам Австралии и Океании: «При соприкосновении с европейской цивилизацией они постепенно вырождаются и вымирают, так что годы их существования, можно сказать, сочтены. Но пока они продолжают влачить жалкое существование, представляя в своей жизни образец самой низкой ступени культуры. Некоторые племена до сих пор не знают никакой одежды, жилищем им служат пещеры и дупла, людоедство – обычное дело».

Думаю, чтение следующего отрывка у впечатлительных барышень того времени, обучающихся в университете, могло вызвать тошноту и даже обморок. Но такова бесстрастная наука!

«Из религиозных обычаев, носящих вообще грубый и бесчеловечный характер, следует указать на обычай австралийцев съедать труп умерших родственников и носить с собой снятую с него кожу или косточку; это считается признаком особого уважения к памяти усопшего. Здесь может иметь место та мысль, что через вкушение мяса умершего можно приобрести его способности и свойства, размножить его душу среди родственников и таким образом сохранить».

МУДРОСТЬ ЭПИТАФИЙ

Много до наших дней дошло древних надгробных плит, осколков саркофагов с надписями. Наверное, их можно сравнить с каменными страницами, которые не боятся ни воды, ни огня:

«В надписи на гробнице царь сидонский Эсмуназар перечисляет свои заслуги перед богами и заканчивает свою речь жалобой, что жизнь его преждевременно похищена, и он, достойный сожаления, лежит теперь мёртвым; тут не даётся ни малейшего намёка на продолжение жизни за гробом. Вообще, всё здесь мрачно и безотрадно: если земная жизнь есть отчаянная борьба с несчастиями, то загробная граничит почти с полным уничтожением, с небытием, с тьмою».

Удивительное открытие! В представлении наших современников загробный мир казался древнему человеку местом блаженства, это была награда за земные страдания. И такой пессимизм выбивается из общего контекста, он плохо вяжется с эпохой «примитивного» религиозного сознания. Но на проверку всё оказывается не так просто...

«Спокойно и без трепета смотрел древний египтянин на смерть, видя в ней только переход к другой лучшей жизни. Но в позднейший период египетской истории этот светлый взгляд на смерть, может быть, под влиянием греческого скептицизма, уступает место горькому разочарованию».

«Доктор Бругш приводит одну чрезвычайно любопытную надпись на саркофаге из эпохи Птолемеев: «Брат, супруг, друг! – вызывает погребённая женщина, – не переставай пить и есть; спеши пользоваться всеми радостями жизни, потому что запад (Аменти) есть страна глубокого сна и мрака. Умершие не пробуждаются, чтобы видеть своих живых братьев, они не признают ни отца, ни

матери, их сердце не знает ни жены, ни детей. Всякий из вас может утолить жажду водою, только я жажду вечно; там, где я, вода никого не утоляет, я даже не знаю, где я, с тех пор, как пришла сюда. Здесь царствует один бог, имя которому – «Всеуничтожение». Перед ним все равны – и боги, и люди. Он никого не слышит и никому не даёт пощады».

Читая приведённые эпитафии, можно поразиться тому, что задолго до прихода Иисуса Христа все основные постулаты нравственной стороны жизни уже существовали. Древний человек вовсе не был невежественным, он прекрасно знал, что такое хорошо и что такое плохо:

«Умерший говорит пред судьями: я не крал, не лицемерил, не похищал вещей, принадлежащих богам, не участвовал в заговорах, не оскорблял богов и жрецов, не клеветал за раба пред его господином. Я был справедлив и ненавидел ложь. Я давал хлеб алчущему, воду жаждущему, одежду нагому, жилище не имеющему крова».

Поэтому Геродот высоко отзывался о жителях долины Нила: «Египтяне были благочестивейшим и религиознейшим народом из всех народов древнего мира».

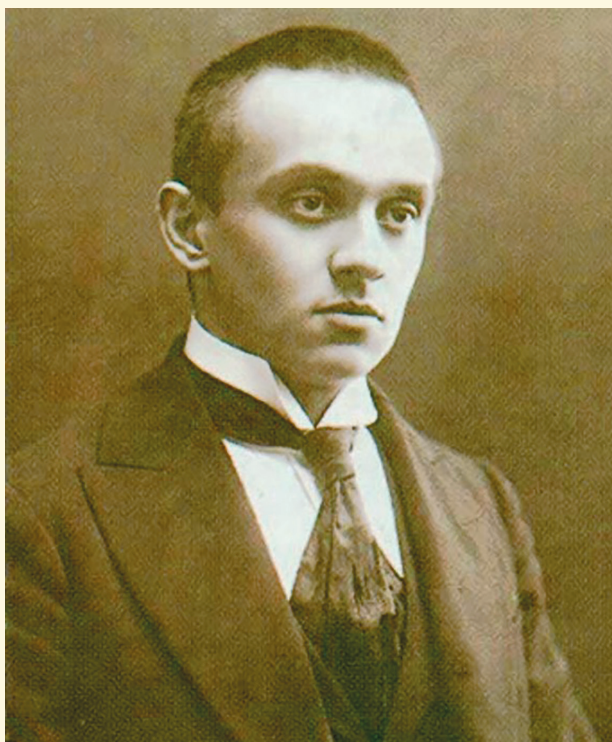
Интересно, что, согласно Геродоту, египтяне определяли для странствования души срок в 3000 лет. По прошествии этого времени она должна была вернуться на бrenную землю для воскрешения в оставленной мумии. Но, что будет делать фараон со своей большой свитой, оказавшись в далёком будущем, ни египтяне, ни Геродот предположений не строили. Это было за гранью их воображения. Если взять, к примеру, дату смерти Тутанхамона – 1337 год до н.э., то он должен был воскреснуть 680 лет назад. Увы, событие это осталось незамеченным! ■

► Марат Сафаров

Дом в СТАРО-ТАТАРСКОЙ СЛОБОДЕ

Этим летом самые разные СМИ Татарстана откликнулись на дату из календаря скорее научного, нежели массового. 130 лет назад в Казани родился Газиз Губайдуллин – один из столпов татарской исторической науки. Любопытно было читать рассуждения молодых казанских журналистов о Губайдуллине, их стремление понять его идеи и прожитые эпохи. Меня это радовало. Прежде казалось, что не до конца прочитанный Губайдуллин – лишь веха в историографии, а выяснилось, что актуальный герой, вызывающий интерес не только своими книгами, но и судьбой.

А судьба, между тем, по своим самым общим линиям созвучна целому поколению татарской интеллигенции начала XX века. Происхождение из купеческого сословия, обучение в медресе (не в джадидском, а в старомодной «Халидие» при мечети «Зәңгәр»), интенсивное самообразование, приобщение к русской и европейской литературе, активное участие в студенческой жизни Казани. Из автобиографии Газиза Губайдуллина можно представить себе путь к знаниям. Типичный пример, когда не благодаря, а вопреки:

В течение восьми лет большую часть времени я проводил в школе. До восхода солнца, во время утренней молитвы, я отправлялся туда, а возвращался к двум часам на обед. После обеда, с 4-х часов дня, я опять уходил в школу и весь остаток дня, до 9 часов вечера, проводил там.

Я усердно занимался, но отец мой хотел видеть во мне не столько ученого теоретика, сколько практика, поэтому он отдал меня одному ученому татарину для изучения персидского языка и, главным образом, чистописания, которые бы пригодились мне при коммерческих занятиях в конторе.

Так как переписывать мне пришлось персидских поэтов, то я ими скоро заинтересовался, и мы с увлечением читали и переводили стихи, уже сверх программы, Саади и Фирдоуси. Особенно мне нравились эпические поэмы последнего.

На пятый год поступления моего в школу я начал читать турецкие книги. На этом языке я впервые познакомился с европейской литературой. Я читал в турецком переводе сочинения Жюль Верна, Фламариона [известный французский астроном] и некоторые произведения Вольтера и Руссо. После чтения этих книг возбудился у меня интерес к чтению произведений европейских писателей, но небогатая, переводная турецкая литература не могла удовлетворить

меня. Кроме того, мне часто приходилось слышать о богатой литературе и красоте русского языка, поэтому я начал стремиться к ознакомлению с этим языком. Отец в это время уже благоприятствовал моим стремлениям и решил начать учить меня русскому языку и математике, для чего просил разрешения у директора – муллы духовной школы. Но, сколько отец мой ни доказывал ему необходимость знания русского языка как государственного языка, все-таки мулла не согласился. По его мнению, для меня это было еще очень рано, и, сверх того, он боялся, как бы я не «сошел с пути» (как он выражался).

На следующий год я еще сильнее начал чувствовать необходимость знания русского языка. Особенно

мне обидно становилось, когда, например, смотря на представление в театре, который, правда, я посещал изредка, я не понимал ни слова из речей артистов. Отец, в конце концов, пригласил для нас, мне и моему брату, студента-башкира. Этот студент и начал нам преподавать русский язык и математику. В скором времени я стал понимать русских авторов, но писать и рассказывать правильно что-нибудь я долго не был в состоянии.

Все это было типичным, но происходило и незаурядное, прежде всего, удачное поступление в Казанский императорский университет и полученное там блестящее образование (факт, крайне редкий для татарского юноши, пусть и купеческого сына). На

историко-филологическом факультете университета с 1910 по 1916 год его основными руководителями были известные российские профессора-историки Н.Н. Фирсов, М.М. Хвостов и великий востоковед Н.Ф. Катанов. Не меньшее влияние оказывали и друзья – Тукай, Фатих Амирхан, Гафур Кулахметов, Мулланур Вахитов, Хусаин Ямашев, Джамал Валиди, Гали Рахим.

Приключилась и несчастная любовь к младшей сестре Гафура Кулахметова – мишарской образованной красавице Суфие, но Салих Губайдуллин запретил сыну даже думать об этих отношениях. Потом, без особого энтузиазма, он дал свое согласие на женитьбу Газиза на представительнице богатой купеческой династии Рабиге Казаковой, окончившей гимназию. Требовалось и разрешение ректора университета, которое он дал, но на резолюции по ошибке искажил имя невесты: «Разрешаю жениться на Чабиче». С Рабигой Газиз проживет в счастливом браке вплоть до роковой бакинской ночи ареста в 1937 году...

В 1911 году на страницах журнала «Шура» Газиз издает свою первую научную работу «Опыт о Марко Поло». Средневековый венецианский путешественник привел молодого татарского студента в науку.

И был уютный родовой дом-особняк, неподалёку от мечети Марджани.

Об этом доме и семейном укладе Губайдуллиных мне довелось много слышать от удивительного человека, тонкого и деликатного – сына Газиза Салиховича – Сальмана Газизовича Губайдуллина (1915-2004), хранившего в московской квартире, увешанной старинными фотографиями, память о родной

Казани. Остались его неторопливые и колоритные воспоминания о кулачных боях на озере Кабан, о том, как суровый дед-купец Салих Губайдуллин в день рождения внука купил жеребенка, чтобы мальчик и конь росли вместе. В старинном селе Кирби (Хэерби), близ Лаишево, в 1908 году дед построил деревянную мечеть, сохранившуюся до наших дней. Другой дед-купец Мухамметшакир Казанов выстроил мечеть в самой Казани, получившую название «Казановская» и снесенную в 1970-е гг....

«В моей памяти сохранились картинки татарских праздников, когда во дворе нашего дома устанавливали длинные столы, ворота были широко распахнуты, и каждый прохожий мог зайти и отведать праздничный наваристый суп-лапшу, мясо с картофелем и выпить чай с праздничными пирогами. Дворовая челядь сновала взад и вперед, приглашая людей и предлагая отведать угощения. Так продолжалось до трех дней. Я с интересом разглядывал проходящих людей, бегал между ними и радовался каждому новому гостю».

Сальман Газизович вспоминал Казань по-татарски, но ощущался легкий, мелодичный азербайджанский акцент – сказывались десятилетия, прожитые в Баку.

Дом Губайдуллиных. В прошлом году, благодаря профессору Айдару Хабутдинову, мне удалось увидеть его. Улица Зайни Султана, д. 12. Старый фасад украшает мемориальная доска на русском и татарском, напоминающая прохожим, что здесь родился «видный ученый-историк и писатель Газиз Салихович Губайдуллин».

Да, и литература была в его жизни! Короткие, сатирические рассказы. В тех, которые довелось

прочитать мне, характерные для татарской литературы начала века идеи – ирония над мещанами и обывателями, борьба отцов и детей. Сейчас, когда дореволюционные времена воспринимаются многими словно утраченный рай, татарская просветительская проза – все эти насмешки над ишанами и купцами (характерно, что выходявшие из-под пера купеческих же сыновей) смущают иных читателей. О пролетарской литературе, например о произведениях ближайшего друга Газиза Губайдуллина Гафура Кулахметова, и говорить не приходится – она прочно забыта. Все эти рассказы, повести, пьесы разрушают приятную многим благостную картину мира, где обитают щедрые меценаты, просвещенные муллы и опекаемый ими народ. Трагический опыт XX века вытеснил идеи и мечты целого поколения образованного студенчества, будто бы изначально заблуждавшегося и позднее ставшего жертвой своего романтизма.

Все было, видимо, так и не так. Ведь не случайно Газиз Губайдуллин приобщался к Спенсеру и Канту, увлекался толстовством, изучал модный тогда марксизм и пытался выйти из замкнутого круга predetermined устоями и семьей судьбы.

Скромные рассказы Газиза Губайдуллина, опубликованные в журнале «Аң» («Мысль») в 1913-16 гг., вернули в оттепельном 1958 году имя Губайдуллина, фактически легализовали его посмертно. Трагический финал жизни, гибель в фатальную эпоху репрессий, на много лет сделали произведения профессора Губайдуллина запрещенными. И лишь реабилитация и сборник рассказов, опубликованный в Татарском книжном

издательстве усилиями родных, вернули упоминания о Губайдуллине, хоть и весьма половинчато. Речь еще не шла о его богатейшем научном наследии, о возможности переиздать ключевую работу Губайдуллина «Историю татар». Это произойдет много-много лет спустя, только в 1994 году, стараниями Сальмана Газизовича и его жены Амины Хусаиновны. Очень многое сделал для изучения научного пути Губайдуллина известный казанский историк, доктор исторических наук Саям Хатыпович Алишев (1929-2015). Теперь труды Газиза Губайдуллина признаются этапными в развитии татарской историографии.

Когда-то, в 1915 году, Губайдуллин с друзьями и на деньги отца издал сборник памяти Марджани, ставший событием в интеллектуальной жизни Казани. Теперь его упоминают в одном ряду с Марджани, а также и с Хусаином Фаизхановым, Хади Атласи. Но есть и одна важная ремарка: Газиз Губайдуллин первым из татар получил профессиональное историческое образование. Это ощущается в его работах, по-европейски логичных и стройных, лишенных восточной философичности. Заметны и его попытки приобщиться к марксизму, знакомому ему с юности, но, кажется, до конца не принятому и не освоенному, во всяком случае, в той форме, которая восторжествовала в 1930-е гг. Однако сейчас не хочется углубляться в историографический анализ книг и статей Газиза Губайдуллина. Лучше еще немного вспомнить его казанские годы.

И здесь вновь помогают воссоздающие окружение его отца, мир татарской интеллигенции воспоминания Сальмана Газизовича.

Младший брат моего отца – Абдул-Кадыр Салихович Губайдуллин (1888-1944) был одним из первых ученых-этнографов из татар. Также, как и мой отец, он не проявлял никакого интереса к коммерческой деятельности отца, а стремился к занятиям в научной сфере. Под влиянием старшего брата Газиза, получив солидное образование сначала в медресе, затем путем самообразования, сдав экзамены экстерном за курс гимназии, окончил этнографическое отделение Восточной академии Казани в 1920 г., предварительно проучившись два или три года на математическом факультете Казанского университета. Но его натуре ближе были гуманитарные науки. Кадыр абый не имел семьи и детей. Этим, видимо, объясняется его большая любовь к нам с Микаилем. Особенно он дружил со мной, старшим племянником, обращал внимание на мое воспитание и становление.

Кадыр абый привил мне интерес к природе, нумизматике, обучил азам живописи. Он был высокообразованным, эрудированным человеком. Мой папа называл его «ходячей энциклопедией» и часто пользовался его знаниями. В конце 20-х гг. он, следом за нашей семьей, переезжает в Баку, где работает научным сотрудником в ряде учреждений города и пишет научные статьи по этнографии. В 1932 г. вместе с отцом Салихом переезжает в Махачкалу и работает там научным сотрудником Дагестанского государственного музея.

Дочь Салих бабая, Марьям Салиховна Губайдуллина, под влиянием старших братьев тоже получила европейское образование сначала дома, а затем окончила этнографическое отделение Восточной академии в Казани. Она была нам очень близка и дорога, поскольку уделяла нам, своим племянникам, много внимания и тепла. Особенно при жизни в Баку, где она проживала вместе со своим мужем, Наджибом Халфиным, доцентом педагогического института Баку. Мы, ее племянники, были частыми гостями в их доме, где Марьям апа играла для нас на фортепиано, приобщая нас к музыкальной культуре. Исполняя классический репертуар – Шопена, Рахманинова, Бетховена, а иногда по просьбе Газиза – татарские мелодии.

Казань Губайдуллины вынужденно покинули в середине 1920-х гг. Странствия по Кавказу не привели к спасению... Но круг замкнулся. В Зеленодольске живут потомки великого историка. Род купцов, ученых, интеллигентов не угас и не растворился. ■

Альбина Гумерова

АКСУБАЕВСКИЙ РАЙОН

АКСУБАЙ: *богата белая вода!*

Интересно, кто выдумывает забавные, звучные, странные, порой смешные названия посёлкам, районным центрам? Вот положи передо мной карту с населёнными пунктами и дай задание придумать деревням, селам названия, я не справлюсь. Ведь это, по сути, изобретение нового слова из имеющихся тридцати трех букв. Дать имя местности – это все равно что написать музыкальную фразу и не сфальшивить.

Кто выдумал Аксубай? Глокая куздра штеко бодланула бокра и куздрячит бокрёлка. Нет таких слов в русском языке, а все же смысл предложения ясен. В слове «Аксубай» мне мерещится если не богатство, то достаток, правильный образ жизни и трудолюбие. Водоем слышится мне в названии «Аксубай», плодоносящие сады, хозяйственные, крепкие люди. Считается, что это посёлок городского типа, хотя мне кажется, «Аксубай» – это добротная татарская деревня.

Этим летом мне посчастливилось поехать туда в командировку.

Я уже давно чувствую в себе желание жить в деревне, в частном доме, быть ближе к земле, но почему-то не могу решиться поменять свою жизнь... И живя в городе, стараюсь выбирать в сельскую местность – деревни дают мне силы и очищение. Поэтому командировку в Аксубаево (хотя мне хочется говорить на татарский манер «Аксубай») восприняла как подарок судьбы. Когда я только узнала, что поеду туда, я будто бы начала очень медленно наполняться молоком, потому что деревня ассоциируется у меня с коровами.

Обычно меня в чужой машине укачивает, но в этот раз даже на заднем сиденье было комфортно. Навероятно красивое, голубое небо, пышные облака, и дорога, которая очищает мысли. Не знаю почему, но мне всегда казалось, что моя жизнь прервётся в дороге, причём тогда, когда я буду не ехать куда-то, а возвращаться откуда-то. И от этого все мои поездки становятся чудесными, потому что я всегда еду, как в последний раз, и поэтому всё получается по-настоящему. Особо страшны для меня самолеты и автомобили. Когда сама за

рулем, боюсь обгонять по встречке и плетусь за фурой, а когда за рулем другой человек, который, конечно, обгоняет, у меня внутри всё сжимается. Но я люблю это ощущение, которое ни в коем случае не щекочущий адреналин, а нечто более глубинное, чувственное. Я каждый раз хоть и боюсь, но покоряюсь, мысленно соглашаюсь уйти и, когда дорога заканчивается, благодарю за то, что меня оставили пожить ещё.

Деревня Старый Татарский Адам Аксубаевского района, куда мы приехали сначала, – тихое маленькое местечко. Отсюда родом предки моего отца, точнее, отец моего отца вырос в этой деревне. Дома, в котором жила их большая семья, уже давно нет, нет даже и намека, что он когда-то там был. Чётких прямых улиц тоже нет, кажется, будто дома и учреждения разбросаны случайным образом, то тут, то там. Но меньше, чем сто лет назад это была большая деревня, дома стояли друг напротив друга, улицы были узкие. Сейчас есть несколько заброшенных домов, в которых много лет никто не живёт, а многих домов, как дома, где рос мой дед, нет совсем. Оттого и создается впечатление, будто постройки то тут, то там расположились случайным образом. Несмотря на то, что в Старом Татарском Адаме есть и школа, и библиотека, ощущение такое, что людей здесь не очень много. Это особенно можно понять по стаду, по численности коров. Раньше выгоняли двести коров, сейчас же их наберётся около шестидесяти. Но меня и эта цифра впечатляет. Пастухов как таковых нет, люди сами по очереди пасут: если в семье одна корова – один день, если две – два дня и т.д. Такое пастушьё дежурство.

В день нашего приезда родственники моего отца, жители деревни Старый Татарский Адам, пасли. Меня высадили из служебной машины на поле, и я побежала. Насладилась коровами, ходила среди них, не боялась, блаженствовала, гладила их морды, была счастлива! Неповоротливые, неуклюжие, кроткие и покорные. Я дышала ими, меня умиляло даже то, как они справляют нужду. Однажды мой отец, словно каравай хлеба, унёс коровью лепёшку в сторону, чтобы мы сумели поиграть в волейбол на поляне. И когда я и другие дети стали говорить: «Фу! Фу!», папа посмеялся и произнес фразу: «Почему «фу»? Зачем так относиться к живой природе?»

С тех пор, наверное, я и стала относиться к коровам не как

к животным, а именно как к части природы, которая всегда меня исцеляла. Пахнут коровы чуть молоком, чуть травой. Гляжу в их, как мне кажется, осмысленные глаза, и хочется поклониться в копыта за три добрых дела, которые они делают для человечества: навоз для того, чтобы земля рождала плоды, за молоко – начало начал, за мясо.

Я бегала по полю и не чувствовала усталости. Лежала рядом с коровами, некоторые из любопытства тыкались в меня своими мокрыми носами. И когда я была среди коров, я вся стала молоком. И мне в тот момент очень захотелось человеческого прикосновения. Мне казалось: одно только касание, и моё молоко выплеснется отовсюду. Откуда у меня такая нежность к этим животным? Почему я ем говядину,

**Все дело в молоке. В молоке жизнь.
Молоко — это богатая белая вода.**

а говяжий язык люблю особенно? Как можно одновременно и любить живое существо, и утолять им голод? Мне перед живыми коровами было стыдно за то, что я их ем, пью, питаю землю и ничего не даю этим животным взамен.

...Но у многих при слове «корова» возникает ассоциация всё же с молоком, а не с мясом. Все дело в молоке. В молоке жизнь. Молоко – это богатая белая вода. В женщине и в корове рождается богатая белая вода, отличие в том, что женщина вскармливает одного человека, а корова – всё человечество.

Когда я кормила ребенка грудью, я чувствовала себя немного коровой, что я ей родная и лучше понимаю её. И порой, когда ребенок был голоден и сильно сосал, мне казалось, будто ночные мотыльки внизу живота разбаловались: очень тонкое желание любви, и невероятная нежность к своему ребенку и капелька стыда, что испытываю не вполне материнские чувства.

Порой, когда я радуюсь простым вещам, мне кажется, что, вместо крови, во мне течет молоко. Молоко для меня – символ абсолютной душевной чистоты. Возможно, желая очистить свою душу, пробуя быть неплохим человеком, в порыве приблизиться к богу я и представляю, что внутри меня богатая белая вода. И рядом с коровами это почувствовать легче.

...В шесть часов стадо погнали в деревню, хозяйки встречали своих кормилиц, а мы поехали дальше, в Аксубай. Совсем иная там атмосфера, нежели в Старом Татарском Адаме: дома один лучше другого, но не коттеджный посёлок, а именно деревня: треугольная крыша, три окна. Наличники – загляденье! Жаль только: водоема поблизости нет, чтоб искупаться. Когда я вижу озеро или реку, мне хочется поплавать. Я бы вошла во все водоемы мира, потому что больше всего в природе я люблю воду. Не боюсь заплывать далеко, даже когда плохо знаю дно, даже в тёмное время

суток. Я доверяю воде, так же как небу, и вода, я думаю, никогда не заберет меня.

Дом, где мы ночевали, просторный, светлый. Уютная кухня, где каждая деталь выдаёт добрую хозяйку. Она пожарила пирожки с луком и яйцом, и будто на машине времени я отправилась на двадцать лет назад. Моя бабушка, мать моего отца, жарила нам такие: только-только лук начинал давать ростки, у нас на столе румянились пирожки. Опьянённая коровами, полем, я уже думала, что впечатления на этом закончатся... вспомнилась бабушкин дом, тоже треугольная крыша, три окна, аккуратный, утопающий в цветах огород, собака возле бани...

Хозяйка дома в Аксубаево показала своих утят: они пищали и копошились, очень хотелось уткнуться носом в их нежные пёрышки, почувствовать в своих руках трепетное тельце птенца... Огород радует глаз, земля здесь щедрая, во всем дворе, по тому, как устроен

парник, каков сарай, чувствуются рабочие руки хозяев, и такая радость находиться среди всего этого, внутри вечной мудрости, милой простоты, трудолюбия...

Как стемнело, зарядил дождь. Дождь – это тоже вода, данная нам с неба, и к дождю у меня отношение особое. Я надела плащ и бродила по деревне с зонтиком. Окна домов разноцветно светились. Мне казалось, что в каждом доме сидит уютная семья, со своими проблемами, заботами, каждая со своей историей. И – тихо! Очень тихо, даже собаки не лают, коровы не мычат, только слабый, настойчивый дождь шепчет, и сапоги мои резиновые, на три размера больше, переговариваются с асфальтом.

Промерзла как следует, наслушалась дождя, вернулась, а хозяйева, оказывается, баню истопили! И тепло мне там было, невероятно уютно, и такой чистоты я ещё никогда не чувствовала. Обычно я плохо сплю на новом месте, у чужих людей. Но не успела голова моя коснуться подушки... Тишина и свежий воздух убавляли, глаза открыла ранним утром, проснулась естественным образом, в абсолютной тишине.

Позавтракав, мы отправились далее, по рабочим делам, но перед этим заехали в музей Хасана Туфана. Переступив порог, попадаешь будто бы в другую эпоху: предметы быта, кухонная утварь, само устройство интерьера (точнее музейная экспозиция) выполнены как изба столетней давности. Учитывая

то, сколько тысячелетий существует человечество, сто лет не так уж много, но нам с позиции наших дней кажется, что это было давно, и тем интереснее прикоснуться к былому. Так хочется пожить среди «старостей», попользоваться предметами быта, носить ту одежду, хоть на пару дней вырваться из пут своего века! Порой мне кажется, что я опоздала родиться лет на сто, а возможно, на сто пятьдесят. Я не иду в ногу со своим временем, мы не совпадаем по ритму. Я еду сорок, хотя разрешено девяносто, мешаю остальным, должно быть, и ускориться могла бы, да не хочу. Я люблю жизнь, и мне и в свое время хорошо, но почему-то я думаю, что родись я на сто пятьдесят лет раньше, я бы больше пришла ко времени, к месту. Через сто лет, возможно, и наша эпоха будет представлять интерес для будущих поколений. А возможно, они будут смотреть только вперед, вперед и вверх и жить ещё быстрее.

...Уже несколько лет я чувствую желание, даже уже, пожалуй, необходимость перебраться ближе к земле, но почему-то не могу никак решиться на переезд. Хочу небольшой дом и белую козу, сарайчик, где я бы устроила себе мастерскую с гончарным кругом, изготавливала бы кривые, никому не нужные хрупкие глиняные сосуды. И от того, что живу тихой жизнью, какой всегда и хотела, от длительного молчания, свежего воздуха, от ежедневного прикосновения к козьим сосцам, я бы изо дня в день наполнялась

молоком, и, возможно, не осталось бы во мне места темному. Хотя человек противоречив и интересен как личность, ценен тем, что находится в постоянной борьбе со злом, всегда что-то анализирует, меняется, тянется к светлему, делается добрее, скромнее, мудрее... Снова и снова знакомится с собой. Взрослеет. Учится любить. Возносится. Сердцем приближается к богу. Как же легко любить всё человечество и как непросто любить одного конкретного человека! Как же просто приближаться к богу, быть спокойным и чистым, когда находишься вдали от людей. Но все же... Служение людям. Любить ближнего, как самого себя. Поделиться капелькой своего внутреннего молока, а кого-то и искупать в нём. Кто-то поделится и с тобой и, возможно, его богатая белая вода сослужит добрую службу твоему духовному росту. Совсем уж отделяться от человечества нельзя (хотя и хочется!), ведь опыт, знание передаётся порой из уст в уста, ведь и Сократ не написал ни строчки, а только беседовал, и в Пифагорейской школе постигали истину через диалог.

...Перед тем, как покинуть Аксубай, я разулась и постояла босиком. Я всегда так делаю в своих поездках, бывает, даже и зимой. Я закрываю глаза и благодарю за впечатления, которые получила, за тихую радость, за особенность моего сердца отзываться на простое и важное. Босая и беззащитная. Больше всего на свете я люблю ощущать себя беззащитной, в такие моменты я чувствую смирение, в такие моменты я счастлива. И я молюсь об обратном пути, о том, чтоб добраться до дома.

Служебная машина сигналист, зовёт меня. Обулась, села на заднее сиденье. Часа через полтора мы уже были Казани. ■

Как же легко любить всё человечество и как непросто любить одного конкретного человека!

► Фарид Хайруллин

И снова про

РОК

«ИДЕЛЬ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ ОБЗОР ТРЁХ НОВЫХ АЛЬБОМОВ ОТ ЛЕГЕНД МИРОВОГО РОКА: ЧАКА БЕРРИ, БОБА ДИЛАНА И ПОЛА МАККАРТНИ.

Chuck Berry «Chuck» (Dualtone Records)

Новый альбом великого Чака Берри, вышедший через 38 лет после предыдущего («Rock It», 1979г.), – квинтэссенция лучшего, что было и есть в классическом рок-н-ролле, его первозданная энергия и несокрушимая мощь, над которыми по-прежнему не властно ни время, ни пространство. Ни даже смерть самого Чака Берри в марте этого года. Невозможно представить себе, что такие заводные боевики, как «Wonderful Woman» и «Big Boys», записывал уже весьма пожилой человек. Их вполне мог бы сыграть на электрогитаре Марти Макфлай в первой части «Назад в будущее», и они, уверен, произвели бы не меньший фурор, чем «Johnny B. Goode». Кстати, на альбоме имеется и своеобразный ремейк самой известной песни

Берри под названием «Lady B. Goode». Звучит он практически полностью как оригинал, поэтому причина его появления на диске для меня не совсем понятна. То же касается и знаменитой «Nava-na Moon», которая в новой реинкарнации превратилась в «Jamaica Moon» (и чем, интересно, режим Фиделя Кастро настолько не угодил Чаку?).

Зато остальные песни вызывают исключительно положительные эмоции, заставляя раз за разом возвращаться к прослушиванию альбома. Особенно это касается композиций «She Still Loves You» (обратите внимание на фирменное гитарное соло маэстро), «Darling», «Wonderful Woman» и «Big Boys». В работе над альбомом, который записывался несколько десятилетий вплоть до 2014 года, также приняли участие дети Чака Чарльз и Ингрид Берри, а также много лет игравшие с мэтром музыканты Джими Марсал, Роберт Лор и Кит Робинсон.

Хотелось бы сказать, что-то значимое и многозначительное в финале, но сам этот альбом, полный света, жизнелюбия и любви к рок-н-роллу, говорит сам за себя. И лишний раз доказывает, что можно и в 90 лет оставаться молодым человеком. Теперь уже навсегда. P.S.: Было бы неправильным не отметить, что альбом посвящён супруге Чака Берри Тодди, с которой они прожили вместе 68 лет (!).

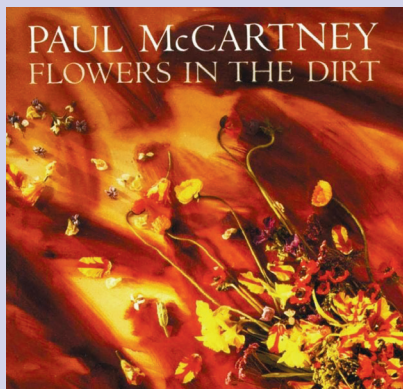

«Bob Dylan» «Triplicate» («Columbia Records»)

Да уж: выпустить в 2017 году тройной альбом (!) всего через восемь месяцев после выхода «Fallen Angels» может позволить себе только Боб Дилан, давно уже стоящий выше всех законов шоу-бизнеса и маркетинга. Как и предыдущие два альбома, «Triplicate», записанный в голливудской студии Capitol, представляет собой сборник кавер-версий на 30 американских песен, большинство из которых входили в репертуар таких легендарных исполнителей, как Фрэнк Синатра (куда уж без него?), Этт Джеймс, Фред Астер, Тони Беннетт, Джуди Гарланд, Дорис Дэй, Эдит Пиаф, Пегги Ли, Сэм Кук, Бинг Кросби и др. Сам Дилан объясняет свою неисчерпаемую любовь к американским «стандартам» 30-50 годов следующим образом: «Эти являются для меня постоянным

источником вдохновения и радости, которые раз за разом приводят меня в студию. В «Triplicate», мне кажется, нам удалось найти новые пути раскрытия и интерпретации известных всем композиций, и мы решили, что игра стоит свеч». Скажу откровенно, прослушать весь этот тройник мне удалось не сразу. Всё-таки надо обладать большим запасом времени и сил, чтобы в спокойной обстановке прослушать, а главное, прочувствовать все эти песни. Тем более, в наше безумно насыщенное событиями и информацией время. Зато, благодаря Дилану, многие композиции заиграли для меня новыми красками и зазвучали едва ли не лучше, чем в оригинале. Особенно это касается песен «There's a Flaw in My Flue», «I Could Have Told You», «My One and Only Love» и «Sturdust». В любом случае, если вы любите песни новоиспечённого Нобелевского лауреата, то точно не пройдёте мимо этого монументального релиза. А если нет, то любые мои слова вряд ли убедят в обратном.

В завершение добавлю, что «Triplicate», как это модно сейчас, вышел в трёх разных форматах: 3 CD, 3LP и пронумерованном коробочном издании 3LP Deluxe Vinyl Edition.

Paul Mccartney Новое издание альбома «Flowers In The Dirt» (1989)

24 марта этого года вышло роскошное переиздание одной из лучших пластинок Пола Маккартни 80-х годов «Flowers In The Dirt», которая теперь стала доступна слушателям сразу в трёх форматах: дельюкс-версия (3CD+DVD), специальные издания на двух CD и двух LP. Успех альбома, номинированного в 1989 году на премию Brit и Грэмми, сам Пол объясняет мощным творческим импульсом, который он испытал, сотрудничая с Элвисом Костелло (вместе они записали треки «My Brave Face», «You Want Her Too»), «Don't Be Careless Love» и «That Day is Done») и Дэвидом Гилмором из «Pink Floyd» (гитара последнего звучит в песне «We Got Married»). Нельзя не отметить и замечательную струнную аранжировку продюсера Beatles Джорджа Мартина, украшающую трек «Put It There».

Конечно, наибольший интерес для поклонников экс-битла представляет дельюкс-версия альбома. Помимо ремастрированной пластинки, двух дисков с 18 бонусными аудиодорожками и DVD-диска с видеоклипами, она включает 32-страничный блокнот со словами песен и примечаниями, написанными рукой Пола, каталог

фотовыставки Линды Маккартни для «Flowers In The Dirt», 64-страничную фотокнигу с кадрами клипа на «This One», а также (барабанная дробь!) 112-страничную книгу, посвящённую истории создания альбома, оформленную редкими фотографиями Линды.

Следует отметить, что ряд бонусных треков, вошедших в переиздание: «The Lovers That Never Were», «Tommy's Coming Home», «So Like Candy», «You Want Her Too», «That Day Is Done», «Don't Be Careless Love», «My Brave Face», «Playboy To A Man», «Twenty Fine Fingers», – никогда ранее не издавались, что существенно повышает ценность этого релиза. Вот что рассказал о них Маккартни в одном из последних интервью: «Эти демо – с пылу, с жару, и вот почему мы включили их в этот бокс-сет. Самое замечательное в этих песнях – то, что в тот момент они были только что написаны. Так что нет ничего более «горяченького со сковородки», как я говорю. Я не слушал их целую вечность, но когда послушал, я знал, что мы должны их издать». Слушать ранее не выходившие демо Макки действительно очень увлекательно. Тем более, все они звучат в превосходном качестве. ▀

► Марат Шакирзянов

**«ОТ
СОТВОРЕНИЯ
МИРА ДО СИХ
ПОР ЛЮБОЙ
ИЗ НАС И
ЗРИТЕЛЬ, И
АКТЕР»**

Шекспир утверждал, что актеры – зеркало и краткая летопись своего времени. Театральная сцена – тот стул, на который садится философия и, воплощая слово в живых, действительных идеях и примерах, избавляет общество от труда воспринимать их только воображением. При этом театральная сцена – тот грозный моральный суд, где добродетель и преступление получают беспристрастное и заслуженное воздаяние. Сцена властвует над всеми душевными способностями человека. Искусство состоит в том, писал Е.Б. Вахтангов, что актер чужое, данное ему автором пьесы, делает своим собственным. Нынешние социальные изменения корректируют планы людей, а чистое искусство сопровождается иногда невиданным эпатажем и культурным взрывом. Описания вечеринок нагоняют скуку, контркультура ушла в эволюционное затишье. Новые герои на сценах планеты «не откалываются» от мира, а просто идут искать другой. И находят!

Замечательный мастер сцены и перевоплощения Рамиль Вазиев всегда во власти творимого образа, но он хранит в глубине мелодию души и хрупкую надежду на совершенство мира, феноменально искренний и глубоко интеллигентный, доставляющий большую радость своими ролями как знатокам, так и людям неискушенным.

– Нынешнюю ситуацию в России называют безвременьем, иногда Смутой. Согласны с этим?

– Если оглянуться назад и посмотреть историю нашей страны, то можно увидеть, что она никогда не жила спокойно, все время происходили какие-то катаклизмы, войны, революции, то происходит смена власти, то смена политического строя, бесконечный переходный период. Даже климат у нас какой: четыре сезона в течение года, один сменяет другой, то холодно, то жарко. Конечно же, это все не может не

влиять на состояние и настроение людей. Мы постоянно находимся в состоянии переходного периода, в каком-то «межсезонье», и ждем, когда же, наконец, придет долгожданная стабильность. Наша жизнь – это бесконечное ожидание. Безвременье – это даже не конкретный период времени, наверно, это внутреннее состояние человека.

– Актерский труд требует больших душевных затрат и хорошей физической формы. Как их сохранить?

– Со стороны актерский труд выглядит красиво, но, к сожалению, за это приходится платить здоровьем. Актер на сцене колоссально вкладывается физически и эмоционально. Халтурить здесь невозможно. Чтобы восстановиться, прежде всего, конечно, нужно выспаться, но это редко удается, так как после спектакля приходишь поздно, вовремя лечь не удастся, постоянно анализируешь ошибки, думаешь о спектакле. Чтобы сохранить хорошую физическую форму, необходимо заниматься в спортзале несколько раз в неделю, продумать свой рацион, плавать в бассейне. Трудно предугадать, какую роль тебе дадут завтра, поэтому актер всегда должен быть в хорошем психофизическом состоянии.

– Насколько важно в актере соотношение интеллектуального и эмоционального?

– Для меня всегда на сцене был интересен думающий актер, а не просто выполняющий мизансцены и произносящий текст, написанный драматургом. Актер, выходящий ежедневно на сцену, должен работать осмысленно, всегда зная, для чего он выходит, что хочет донести до зрителя. Именно от этого понимания зависит уровень игры, постижение глубины образа, который он создает, эмоциональное воздействие на зрителя. Я считаю, что актер должен заработать право выходить на сцену к зрителю каждодневным трудом. Нужно много читать, потому что чтение – это тоже пассивное творчество, нельзя быть равнодушным к тому, что происходит вокруг, актер должен иметь живой глаз, выходя на сцену, чтобы донести основные идеи своему зрителю.

– Что важнее: твердый характер или быстрая реакция?

– В зависимости от конкретной ситуации, иногда необходимо проявить твердость характера, принципиальность, а где-то может помочь быстрая реакция. Однажды народный артист СССР Шаукат Биктемиров сказал мне: «Оставайся всегда таким, не изменяй своим принципам, будь самим собой». Я думаю, что самое важное – это жить в гармонии с самим собой. Ну а быстрая реакция больше важна на сцене, когда происходит что-то незапланированное режиссером и драматургом.

– Вы всегда спокойны и уравновешены. Это природа или результат длительной работы над собой?

– Ну спокойный и уравновешенный я только внешне. Наверно, это природа. А внутри у меня всегда идет борьба единства и противоположностей. По гороскопу мой знак Весы. Вот эти самые весы и качаются у меня внутри то в одну сторону, то в другую. Любое решение мне дается с трудом. Даже покупка в магазине – это долгий и мучительный процесс. Что выбрать – белое или черное, длинное или короткое, подороже или подешевле? Но если РЕШЕНИЕ принято, то ВСЕ! Будет именно так, и никак иначе! Внешнее спокойствие идет от моей стеснительности. Я очень застенчивый человек, не люблю быть в центре внимания, в большой компании стараюсь сесть в сторонке. Хотя моя профессия уж никак не ассоциируется с застенчивостью (смеется). Покойный Марсель

Хакимович Салимжанов однажды мне на гастролях в Уфе сказал: «Странный ты человек, Рамиль, но я тебя все равно люблю. Хотя артисты – они такие странные и должны быть».

– Что Вы пытаетесь донести до зрителя в первую очередь?

– Томас Манн сказал: «Толпа, приходящая в театр, становится нацией». Он был абсолютно прав. Это очень ощущается, когда мы выезжаем за пределы республики. Там наш зритель приходит на спектакль как на праздник: женщины надевают лучшие платья, калфаки, мужчины – вышитые тюбетейки, некоторые даже приносят гармонь и играют перед спектаклем. А после долго не уходят, подходят к артистам, задают вопросы, передают приветствия родным, плачут. В нашем театре зритель начинает

Театр объединяет всех. А я как частица Камаловского театра, каждый раз выходя на сцену, вношу свою лепту в этот процесс.

чувствовать себя частицей большой, талантливой, красивой, богатой нации, у которой славная история. Театр объединяет всех. А я, как частица Камаловского театра, каждый раз выходя на сцену, вношу свою лепту в этот процесс.

– Насколько, по-вашему, высок уровень татарской драматургии сегодня? Почему?

– В театре эта проблема существовала всегда, есть она и сегодня. Драматургия – очень сложный жанр. Возможно, самый сложный в литературе. Для того чтобы написать хорошую пьесу, надо хорошо знать законы драматургии, законы театра, сцены, знать, для чего ты пишешь это, для кого. Надо хорошо знать театр, знать запах его кулис, самозабвенно любить его. Только тогда может родиться что-то стоящее. Но, к сожалению, часто приносят пьесы, не отвечающие никаким театральным законам. Именно поэтому был учрежден конкурс «Яна татар пьесасы» для того, чтобы дать стимул тем, кто пишет, чтобы открыть новые

имена. Также для них в рамках фестиваля – форума «Ремесло» проводятся мастер-классы. Все это дает свои очень интересные результаты не только в нашем, но и в других театрах. Появляются интересные спектакли по пьесам, получившим первые премии. Это радует и дает надежду.

– Кто из корифеев театра является для Вас эталоном?

– Для меня эталоном являются мои учителя. Те люди, которые формировали меня, помогли в

нужное время с самого детства. Это, в первую очередь, мама, которая практически одна вырастила и выучила нас, двоих сыновей. Она на своем примере учила нас быть справедливыми, честными, самостоятельными, отвечать за свои поступки, с уважением относиться к старшим. За это я ей очень благодарен. Позднее судьба меня свела с замечательными и талантливыми людьми. Моя жизнь в искусстве началась в далеком 1987 году, когда я познакомился с Валентиной Михайловной Куликовой. Она была руководителем театра-студии «Грэй», которая находилась во Дворце культуры «Энергетик» города Набережные Челны. Эта талантливейшая женщина нам, неуправляемым подросткам, прививала вкус, чувство меры, любовь к театру, к книгам, поэзии, учила думать, слушать, слышать, общаться, уважать других. Когда я сказал ей, что хочу стать актером, она посоветовала мне поехать в Казань, в татарский театр, и я поступил на курс М.Х. Салимжанова и Ф.Р. Бикчантаева. Это было интереснейшее время, началась взрослая жизнь, я, домашний ребенок, оказался один в Казани. Марсель Хакимович читал лекции, был прекрасным

оратором, а мы с открытым ртом слушали его. Этого никогда не забудешь. Даже сейчас, когда просматриваешь конспекты его лекций, все это всплывает в памяти. С каким замиранием сердца мы заходили в его огромный кабинет, сидели за круглым столом, здесь проходили читки пьес с актерами, слушали его, боясь шелохнуться. Фарид Рафкатович в этот период закончил ГИТИС и был педагогом нашего курса. Мы его первые ученики. Он практически все 24 часа проводил с нами. Он многому научил, рассказывал, показывал, а мы все впитывали и впитывали то, что он рассказывал. Период перестройки был интересным временем и в стране, и в моей жизни.

– Юмор является важным оружием драматурга. А что для Вас смех?

– Если у человека нет чувства юмора, то это просто катастрофа. Если к жизни, к себе, к работе не относиться с небольшой долей иронии, то можно сойти с ума.

Часто в очень сложных ситуациях смех спасает и помогает посмотреть на все со стороны и понять, что это не смертельно!!

– В чем для Вас актерское счастье?

– Для меня счастье – работать в этом прекрасном театре, быть частью талантливейшей труппы, где именитые актеры всегда с вниманием и уважением относились к вновь пришедшей молодежи, а молодые всегда отвечали им взаимностью. Выходить на сцену камаловского театра даже в небольшой роли с великими актерами и быть сопричастным к этому интереснейшему действию, которое называют спектаклем, – это настоящее счастье. Помню слова Валентина Распутина о том, что «счастье, это когда чистая совесть»

– Кто Вы на корабле жизни: капитан, штурман или просто пассажир?

– Трудно сказать. Я никогда не переключивал свои проблемы на чужие плечи, всегда первым хватался за любую работу и начинал делать. Любое дело глубоко изучаю, стараюсь дойти до самой сути и решаю проблему сам! ▀